This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 9341.1.1343

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

XX
8
21
43
46

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1965

Эгрл + 23161 Д. Р. 85-92

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ

И ЕГО

ПЕРЕПИСКА СЪ ДРУЗЬЯМИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ

П. А. Матвѣева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, № 39.
1894.

Slav 4341.1.1345

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUL 27 1965

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ

Nikolai Vasilevich Gogol

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ

И ЕГО

ПЕРЕПИСКА СЪ ДРУЗЬЯМИ.

Matveev, Pavel Aleksandrovich

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ

П. А. Матвѣева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, № 39.
1894.

Gm

PG3335
A3
1894
COPY 2

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ. . . . . I—XXIII

ГЛАВА I. Мѣсто Гоголя въ нашей литературѣ.—Его вліяніе на нашихъ писателей сороковыхъ годовъ, — Реакція, въ отношеніи Гоголя, послѣдняго времени, — Впечатлѣніе произведенное его книгой «Выбранныя мѣста изъ Переписки съ Друзьями. . . . . 1—8

ГЛАВА II. Гоголь послѣ постановки на сценѣ «Ревизора».—Онъ удрученъ мыслей о трудности предстоящаго поприща.—Его письма къ Пушкину, Погодину и другимъ лицамъ.—Въ 1836 году уѣзжаетъ заграницу, спасаясь отъ шума, произведеннаго его комедіей.—Отзывъ И. С. Аксакова объ отношеніяхъ къ Гоголю его московскихъ почитателей.—Сложившіяся недоразумѣнія относительно Гоголя —Зима проведенная въ Парижѣ.—Удручающее впечатлѣніе извѣстія о смерти Пушкина.—Письма Гоголя объ этой утратѣ.—Поѣздка въ Италію (письма бывшей ученицѣ В. И. Балабиной, Жуковскому и др.)—Разговоръ съ Погодинымъ въ «Колизеѣ».—Смерть молодаго графа Віельгорскаго—друга Гоголя, отзывъ о немъ послѣдняго.—Неожиданный пріѣздъ Гоголя въ Москву, въ октябрѣ 1839 года —Его отношенія къ московскимъ литераторамъ (письмо къ А. О. Смирновой) . . . . . 6—17

ГЛАВА III. Толки о такъ называемомъ переломѣ въ воззрѣніяхъ Гоголя.—С. Т. Аксаковъ и П. В. Анненковъ.—Ошибочность мнѣнія о внезапномъ переломѣ въ Гоголѣ.—Показанія самого Гоголя въ «*Авторской Исповѣди*».—Искренность и серьезность этихъ объясненій—Отзывъ Гоголя о западникахъ и славянофилахъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ «*Споры*».—Процессъ внутренняго строенія Гоголя остается незамѣченнымъ.—Заботы Гоголя о сестрахъ.—Отъѣздъ съ Пановымъ заграницу.—Болѣзнь въ Вѣнѣ.—Больной Гоголь уѣзжаетъ въ Римъ. — Тревога московскихъ друзей при извѣстіи о болѣзни Гоголя.—Опасеніе вреднаго вліянія на него Запада.—Благотворное дѣйствіе зимы въ Римѣ.—Окончаніе первой части «Мертвыхъ Душъ».—Поѣздка Гоголя въ Россію для ея печатанія.—Гоголь страдаетъ отъ совмѣстной жизни съ Погодинымъ.—Старанія Погодина запречь его въ свой журналъ.—Отзывъ С. Т. Аксакова объ отношеніяхъ Погодина къ Гоголю.—Значеніе смерти Пушкина для русскаго общества.—Взгляды Гоголя на вопросы нравственной и духовной жизни человѣка, опередили его время. 18—36

ГЛАВА IV. Сороковые годы и перемѣна произведенная ими въ нашемъ обществѣ.—Отзывъ объ нихъ П. К. Щебальскаго и Ѳ. М Достоевскаго.—Письмо Ю. Ф. Самарина къ Гоголю о молодежи того времени.—Кружокъ Герцена и Бѣлинскаго. . . . . 36—43

ГЛАВА V. Отъѣздъ изъ Москвы въ маѣ 1842 года. — Его письмо къ Шевыреву о нашей литературѣ и призваніи писателя.—Болѣзненное состояніе Гоголя и его работа надъ самообразованіемъ.—Онъ изучаетъ духовныхъ писателей и творенія отцовъ церкви.—Письмо С. Т. Аксакова, по поводу присылки Гоголемъ книги «Подражанія Христу».—Переписка Гоголя съ лицами искавшими душевной помощи и совѣтовъ.—Причины вызвавшія ея.—Гоголь продолжаетъ работать надъ «Мертвыми Душами».—Исторія происхожденія книги, извѣстной подъ заглавіемъ Выбранныя мѣста

изъ «Переписки съ Друзьями». Первое уничтоженіе рукописи «Мертвыхъ Душъ (второй части), лѣтомъ 1845 г.—Недуги Гоголя и ожиданіе скорой смерти.—Невозможность скораго окончанія «Мертвыхъ Душъ» заставляетъ Гоголя поспѣшить изданіемъ другой полезной книги. Поѣздка на морское купанье въ Остенде.—Спѣшная передѣлка писемъ для печати —Ошибка въ выборѣ формы —Онъ раскрываетъ свой внутренній міръ.—П. А. Кулишъ о впечатлѣніи произведенномъ на него книгою Гоголя. . . . . 43—59

ГЛАВА VI. Свойства ума Гоголя.—Его всегдашнія сѣтованія на неумѣніе точно выражаться.—Особенность его книги—«Переписка съ друзьями».—Ея содержаніе и форма.—Предисловіе къ «Перепискѣ съ друзьями».—Завѣщаніе Гоголя.—Вызванныя имъ толки.—Отношеніе Гоголя ко всѣмъ своимъ произведеніямъ вообще.—Его письмо къ Жуковскому, порицающее «Переписку».—«Женщина въ свѣтѣ».—Критика этой статьи и ея пріемы.—В. Г. Бѣлинскій, С. Т. Аксаковъ и Н. Ф. Павловъ.—Полемическія письма этого послѣдняго и ихъ мнимое достоинство.—Статья подъ заглавіемъ «Что такое слово».—Неудовольствіе, вызванное ею въ Москвѣ.—Объясненія Гоголя.—Письмо Гоголя «Къ русскому помѣщику» въ «*Перепискѣ*».—Негодованіе Бѣлинскаго по поводу этого письма.—Его дѣйствительное содержаніе.—Отношенія Гоголя къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ.—Отзывъ Л. Н. Толстаго о книгѣ Гоголя.—Его разсказъ «*Утро помѣщика*».—Взглядъ Гоголя на пользу ручнаго труда и въ чемъ онъ расходится съ ученіемъ Толстаго.—Два письма Гоголя о церкви и духовенствѣ.—Сравненіе восточной православной церкви съ Маріей, а западно-католической—съ Мареой.—Письмо къ Жуковскому «*О просвѣщеніи*».—Письмо къ графу Н. А. Толстому о театрѣ и односторонности.—Статьи, выпущенныя изъ перваго изданія «Переписки» въ 1847 г.—Онѣ еще болѣе подтверждаютъ, что Гоголь не былъ льстивымъ панегеристомъ всего существующаго.—Письма подъ заглавіемъ: «*Нужно любить Россію*» и «*Нужно проѣздиться по Россіи*».—Письмо къ лицу, занимающему важное мѣсто—графу А. П. Толстому (о значеніи дворянства въ Россіи).—Заключеніе письма «Что такое губернаторша» . 59 - 108

ГЛАВА VII. Компетентность Гоголя въ вопросахъ искусства.—Описаніе встрѣчи съ Гоголемъ И. С. Тургенева.—Мысли Гоголя о задачахъ художественнаго творчества въ повѣсти «*Портретъ*».—Отзывъ Ап. Григорьева о нихъ.—Указанные Гоголемъ предѣлы для реализма въ искусствѣ.—Первые опыты Гоголя по вопросу о поэтическомъ творчествѣ.—Его статья о русской поэзіи въ «*Перепискѣ*».—Характеристика Ломоносова, Державина, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Крылова и др. писателей.—Отношенія Гоголя къ поэту-другу И. М. Языкову.—Мнѣніе Гоголя о нашей комедіи.—Новыя источники для дальнѣйшаго развитія нашей поэзіи.—Недоразумѣнія, вызванныя заключеніемъ этой статьи. . . . . 108—135

ГЛАВА VIII. Впечатлѣніе, произведенное на Гоголя пріемомъ его книги «Переписка съ друзьями».—Тѣсная связь этой книги со второй частью «Мертвыхъ Душъ».—Ожесточеніе, вызванное книгой Гоголя, остановка въ его литературной дѣятельности для публики.—Его письмо къ Смирновой изъ Неаполя.—Письма къ С. Т. Аксакову и П. В. Анненкову.—Неправильное толкованіе этихъ писемъ.—Сердечное отношеніе Гоголя къ болѣзни Бѣлинскаго.—Разногласія и натяжки въ объясненіи предсмертнаго уничтоженія Гоголемъ рукописи «Мертвыхъ Душъ»—Письма Аксаковыхъ о чтеніи Гоголемъ первыхъ главъ второй части, въ недошедшей до насъ редакціи.—Письмо С. Т. Аксакова къ сыновьямъ по случаю смерти Гоголя.—Наиболѣе вѣроятное объясненіе сожженія Гоголемъ рукописи. . . . . 136—152

О Гоголѣ такъ много было говорено и писано, что обыкновенно считаютъ оцѣнку его произведеній и личности предметомъ, достаточно исчерпаннымъ. А. Н. Пыпинъ, въ своихъ «Историческихъ Очеркахъ» утверждаетъ, что, еще въ началѣ сороковыхъ годовъ было вѣрно указано свойство таланта Гоголя и опредѣлено существенное значеніе его произведеній, въ смыслѣ художественномъ, а полное историческое объясненіе ихъ было представлено, въ концѣ 50-хъ годовъ, однимъ изъ нашихъ лучшихъ критиковъ[1]).

Высказавъ это положеніе, почтенный авторъ «Очерковъ», конечно, ссылается на Бѣлинскаго и, упомянувъ, ради формальнаго безпристрастія, о Плетневѣ и К. Аксаковѣ, подробно излагаетъ содержаніе статьи нашего лучшаго критика, котораго въ настоящее время можно назвать и по имени — Н. Г. Чернышевскаго. Она была напечатана въ «Современникѣ», по случаю выхода въ свѣтъ, въ 1857 году, «Сочиненій» и «Писемъ» Гоголя, изданныхъ Кулишомъ.

---

[1]) «Историческіе очерки». Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ, стр. 345 и 348.

Господствующее у насъ до сихъ поръ мнѣніе считаетъ альфой и омегой, въ дѣлѣ критической оцѣнки Гоголя, статьи Бѣлинскаго и Чернышевскаго. Авторъ вышеуказанныхъ «Историческихъ Очерковъ» основательно, со свойственной ему эрудиціей, выправилъ и отшлифовалъ отзывы этихъ писателей о Гоголѣ, авторитетно предлагая ихъ, въ своей книгѣ, читающей публикѣ, въ качествѣ послѣдняго слова критики. Взявшись за «Переписку», я захотѣлъ познакомиться точнѣе и ближе съ тѣмъ, что̀ написано о Гоголѣ названными писателями и вообще въ нашей литературѣ, и пришелъ къ другому заключенію, убѣдившись, что надлежащая оцѣнка произведеній и личности Гоголя еще впереди—дѣло будущаго.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробныя объясненія по этому предмету, и потому ограничусь немногими и краткими замѣчаніями.

В. Г. Бѣлинскій написалъ нѣсколько горячихъ статей о Гоголѣ, но въ нихъ отнюдь не заключается такой же цѣльной и обстоятельной характеристики этого писателя, какая была дана имъ Пушкину. Лучшая изъ статей Бѣлинскаго о Гоголѣ была посвящена его «Старосвѣтскимъ помѣщикамъ». Въ ежегодныхъ обозрѣніяхъ нашей литературы, печатавшихся въ «Отечественныхъ Запискахъ», правда, Бѣлинскій не разъ касался Гоголя, указывая съ большимъ энтузіазмомъ и восторженной похвалой на достоинство и значеніе нѣкоторыхъ его произведеній; но, высоко цѣня и пропагандируя произведеніе Гоголя, онъ не написалъ серьезнаго разбора капитальнѣйшаго изъ нихъ — «Мертвыхъ Душъ». Въ одной изъ первыхъ книжекъ «Современника»,

подъ новой редакціей [1]), въ рецензіи на второе изданіе «Мертвыхъ Душъ», которое вышло въ Москвѣ въ 1846 г., Бѣлинскій обѣщалъ посвятить нѣсколько статей разбору сочиненій Гоголя вообще и «Мертвыхъ Душъ» въ особенности, но этого намѣренія своего не исполнилъ [2]).

По выходѣ въ свѣтъ выбранныхъ мѣстъ изъ «Переписки съ Друзьями», Бѣлинскій помѣстилъ небольшую замѣтку объ этой книгѣ въ «Современникѣ», негодуя на поправки, сдѣланныя редакціей [3]), и на обстоятельства, мѣшающія ему, «зажмуря глаза, отдаться своему негодованію и бѣшенству противъ гнусной книги Гоголя» — нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ извѣстномъ письмѣ изъ Зальцбруна, онъ это и сдѣлалъ. Письмо это — страстный и желчный памфлетъ больнаго и ожесточеннаго критика—неистовое негодованіе, а не серьезная оцѣнка Гоголя и его книги. Даже и тѣ, кто восхищается этимъ письмомъ, видятъ и цѣнятъ въ немъ преимущественно, — какъ напр., г. Пыпинъ, — выраженіе всей силы, всего объема его стремленій [4]). Это письмо, такимъ образомъ, имѣетъ значеніе и интересъ для характеристики Бѣлинскаго, а не Гоголя. Статья Губера о «Пере-

---

[1]) Основанный А. С. Пушкинымъ «Современникъ», съ января 1847 г. сталъ издаваться Некрасовымъ и Панаевымъ, къ которымъ онъ перешелъ отъ Плетнева.

[2]) Эта рецензія Бѣлинскаго помѣщена въ XI т. его сочиненій стр. 69—72.

[3]) См. отрывокъ изъ письма его къ Боткину, отъ 6 февраля 1847 г., во 2 т. книги Пыпина — «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», стр. 270. Въ поправкѣ редакціи «Современника» Бѣлинскій видѣлъ «что-то въ родѣ подлаго отпирательства отъ прежнихъ похвалъ Гоголю».

[4]) Тамъ же, стр. 345.

пискѣ» Гоголя, въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», за 1847 годъ, № 35, которая такъ понравилась Бѣлинскому, что онъ ее считалъ какъ бы своей (мнѣ кажется, будто она у меня украдена и только немного ослаблена, писалъ онъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, рекомендуя статью вниманію своихъ пріятелей), также, какъ пресловутыя полемическія письма Н. Ф. Павлова, за которыя этого остряка и болтуна московскихъ салоновъ произвели въ Вольтеры [1]), весьма незначительны по содержанію, а письма Павлова отличаются преимущественно желаніемъ блеснуть своимъ остроуміемъ и порисоваться передъ публикой, на счетъ шедшаго противъ теченія писателя. Въ предлагаемомъ очеркѣ я подробно разбираю «Письма» Павлова, которыя, слѣдуя, какъ бы обязательной, традиціи, Н. Г. Чернышевскій и А. Н. Пыпинъ называютъ превосходными [2]).

Брошюра К. С. Аксакова «Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя «Мертвыя Души», произведеніе очень молодое и не зрѣлое; Гоголь въ своихъ письмахъ, находя въ ней нѣсколько замѣчательныхъ мыслей, прибавляетъ однако, что и эти мысли не вызрѣли, не получили образа и представляются какимъ-то ребенкомъ. Самъ ея авторъ, т. е. К. С. Аксаковъ, сознавался, что она написана на-скоро; Погодинъ отказался напечатать эту статью Аксакова въ «Москвитянинѣ» для

---

[1]) Отчетъ Имп. Пуб. Библіотеки, за 1889 г., прил., стр. 78. Письмо Боткина къ Краевскому, изъ рукописей, принесенныхъ въ даръ Библіотекѣ послѣ его смерти.

[2]) Критическія статьи («Современникъ», 1854 - 1861 гг.), изд. Н. М. Чернышевскаго, стр. 161. А. Н. Пыпинъ, на стр. 388 своихъ «Очерковъ», придаетъ имъ еще болѣе значенія, утверждая, «что эти письма заставили оторопѣть самого автора «Выбранныхъ мѣстъ».

котораго она была написана. Вслѣдствіе его отказа, она и была напечатана отдѣльной брошюрой [1]).

Статья Н. Г. Чернышевскаго о Гоголѣ, въ «Современникѣ», интересна во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, она вполнѣ самостоятельна, послѣдовательна и чужда мелочныхъ вліяній и поползновеній исказить характеръ мыслей Гоголя, набросивъ на него самого неблаговидную тѣнь. Критикъ «Современника» признаетъ не обинуясь въ Гоголѣ «великій умъ и высокую натуру, онъ также рѣшительно отвергаетъ ходячіе толки объ его лицемѣріи, измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ и т. д. Познакомясь съ письмами Гоголя, изданными г. Кулишомъ, онъ объясняетъ", сущность перемѣны, происшедшей въ Гоголѣ тѣмъ, что прежде у него не было опредѣленныхъ общихъ убѣжденій, а были только частныя мнѣнія объ отдѣльныхъ явленіяхъ; теперь, т. е. въ «Перепискѣ съ Друзьями», онъ построилъ себѣ систему общихъ убѣжденій [2]). Онъ отвергаетъ и предположеніе о безсознательности произведеній Гоголя, хотя, какъ извѣстно, таковъ былъ позднѣйшій взглядъ Бѣлинскаго [3]), «нѣкоторые вздумали говорить, что Гоголь самъ не понималъ своихъ произведеній, но это нелѣпость, слишкомъ очевидная», объясняетъ критикъ, но справедливо и то, прибавляетъ онъ, что Гоголь, негодуя на взяточничество и самоуправство

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія относительно названнаго разбора «Мертвыхъ Душъ» К. С. Аксакова находятся у Н. П. Барсукова, въ его «Жизни и Трудахъ» М. П. Погодина и въ «Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ» С. Т. Аксакова.

[2]) Критическія статьи, стр. 139.

[3]) Выраженный въ его послѣднихъ письмахъ къ друзьямъ, см. «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», т. II, стр. 319 и 320.

провинціальныхъ чиновниковъ, не предвидѣлъ куда поведетъ это негодованіе—связь этого явленія съ другими не была ему ясна и потому онъ дѣйствительно испугался, увидѣвъ, какія далекія слѣдствія выводятся изъ его нападеній на плутни провинціальныхъ чиновниковъ (стр. 132). Во-вторыхъ, статья Чернышевскаго достойна вниманія, раскрывая, такъ сказать, источникъ господствующихъ у насъ взглядовъ на Гоголя; она объясняетъ, съ полной откровенностью, просто, ясно и вполнѣ категорически, въ чемъ заключается коренной недостатокъ Гоголя, что роняетъ его значеніе, въ глазахъ послѣдователей «нашего лучшаго критика», въ силу традиціи, упорно полемизирующихъ съ Гоголемъ.

Разсужденія критика «Современника» на эту тему такъ любопытны и характерны, что я ихъ изложу нѣсколько подробнѣе. По объясненію Н. Г. Чернышевскаго, которое признается «*историческимъ*», Гоголь главнымъ образомъ погрѣшилъ тѣмъ, что не читалъ хорошихъ книжекъ и вообще читалъ не тѣ книги какія было нужно. Говоря это, критикъ «Современника» вовсе не шутитъ, а тономъ серьезнаго убѣжденія доказываетъ это положеніе, объясняя, что оно вѣрно, хотя можетъ казаться «страннымъ и неправдоподобнымъ» потому что въ настоящее время (т. е. въ 1857) такая умственная безпомощность едва-ли возможна, но двадцать лѣтъ тому назадъ, когда Гоголь отправился за границу, многое было иначе; теперь, говоритъ критикъ, наша литература проникнута мыслью, около 1835—37 годовъ этого не было. Когда двадцати-семилѣтній Гоголь [1]) объясняетъ онъ

[1]) Онъ родился въ 1809 г.—ему, стало быть, было 27 лѣтъ, когда онъ въ 1836 г. уѣхалъ заграницу.

вздумалъ искать въ книгахъ рѣшеніе задачъ, его мучившихъ, онъ не зналъ къ какимъ книгамъ ему обратиться, кромѣ тѣхъ, которыя ему нѣкогда совѣтовали читать въ родительскомъ домѣ [1]). Обсуждая вліяніе кружка Пушкина на Гоголя, критикъ «Современника» отмѣчаетъ слабость развитія этого послѣдняго, хотя стоявшій во главѣ его человѣкъ (т. е. Пушкинъ) обладалъ великимъ талантомъ, быстрымъ умомъ и благороднымъ характеромъ, въ частной жизни. Тѣ пожалуй хорошія вещи, которыя Гоголь могъ слышать въ кружкѣ Пушкина, были недостаточны, а по правдѣ говоря не все то что онъ тамъ слышалъ, было и хорошо. Характеризуя низкій, по его мнѣнію, уровень пушкинскаго кружка, критикъ «Современника», съ соболѣзнованіемъ указываетъ, что слово принципъ, съ которымъ теперь хорошо знакомъ всякій маломальски образованный человѣкъ, вѣроятно было неизвѣстно Гоголю, когда онъ писалъ «Ревизора», хотя онъ вращался много лѣтъ въ кругу Пушкина и другихъ знаменитыхъ людей тогдашняго времени. Не подлежитъ сомнѣнію, продолжаетъ критикъ, что Гоголь, когда писалъ «Ревизора» рѣшительно не зналъ о такъ называемой теоріи раздѣленія судебной власти отъ административной и если слышалъ о французскихъ префектахъ, то вѣроятно предполагалъ, что кругъ ихъ власти, тотъ же что и у нашихъ губернаторовъ [2]).

Такова оцѣнка Гоголя, въ статьѣ нашего лучшаго критика, которую можно признать исторической, въ томъ, однако, только смыслѣ, что ею опредѣлились господствую-

---

[1]) Критич. статьи, ст. 134.
[2]) Критич. статьи, ст. 129.

щіе у насъ до сихъ поръ взгляды на Гоголя, не только журнальныя статьи, но и книги, носящія названіе исторіи русской литературы [1]) представляютъ лишь разнообразныя варіаціи, на основную тему критика «Современника» о неразвитости Гоголя, и притомъ, если и отступаютъ отъ точки зрѣнія Чернышевскаго, то едва-ли въ смыслѣ болѣе правильной оцѣнки Гоголя. Такъ, г. Скабичевскій, въ указанной книгѣ, касаясь, по самому ея предмету (періодъ отъ 48 до 90 года) лишь мимоходомъ Гоголя, именно обсуждая, въ началѣ ея, вопросъ: слѣдуетъ ли ставить Гоголя во главѣ новаго періода нашей литературы, отвѣчаетъ на него отрицательно, вопреки мнѣнію Бѣлинскаго и Чернышевскаго, а затѣмъ, въ самой характеристикѣ Гоголя представляетъ лишь монотонныя и скучныя варіаціи на рѣзко и ярко высказанную мысль Чернышевскаго, своими разсужденіями о скудости философскаго образованія Гоголя, который-де не могъ добиться осмысленія своего творчества потому, что пошелъ «путемъ нравственнаго самоуглубленія, а не усвоенія передовыхъ идей своего вѣка», т. е. не читалъ хорошихъ книжекъ, какъ это было просто и прямо указано критикомъ «Современника».

Уклоненіе отъ взгляда, того же критика, въ «Исторіи Русской Литературы» г. Полеваго, также не положительнаго, а отрицательнаго свойства. Критикъ «Современника» устранилъ предположеніе о внезапномъ и баснословномъ переломѣ, въ воззрѣніяхъ Гоголя (въ этомъ его достоинство и

---

[1]) Именно «Исторія Русск. Литературы, въ Очеркахъ и Біографіяхъ» Н. П. Полевого. С.-Петербургъ, 1872 г. «Исторія Новѣйшей Русск. Литературы». А. М. Скабичевскаго. С.-Петербургъ, 1891 г.

заслуга, которыя я охотно признаю), онъ воздержался и отъ клеветы, приписывавшей Гоголю, послѣдняго періода жизни, безуміе, ради опороченія его мнѣній. Его оцѣнка, правда, наивно и школьнически, узкая, тѣмъ не менѣе съ извѣстной точки зрѣнія вполнѣ добросовѣстна и посвоему даже серьезна, а г. Полевой суесловитъ о превращеніи геніальнаго комика въ какого-то полоумнаго святошу; упражняясь въ фразеологіи, онъ пренебрегаетъ фактическимъ изслѣдованіемъ и обоснованіемъ, проводимаго имъ взгляда.

А. Н. Пыпинъ, одинъ изъ серьезныхъ изслѣдователей нашей новой литературы, въ своихъ «Историческихъ Очеркахъ», въ силу традиціи, повторяетъ мнѣнія критика «Современника», сглаживая, выправляя и согласуя ихъ съ отзывами Бѣлинскаго. Нѣкоторыя дополненія, въ книгѣ г. Пыпина, къ характеристикѣ Чернышевскаго, въ родѣ придирчивыхъ вылазокъ противъ Гоголя, съ цѣлью набросить тѣнь на его нравственный характеръ, намеками на личныя отношенія къ властямъ, отъ которыхъ-де онъ добивался милостей и пособій, побуждавшихъ будто-бы Гоголя обращаться осторожнѣе со смѣхомъ, изображать высокія и лучшія свойства русской природы и, наконецъ, населять продолженіе «Мертвыхъ Душъ» идеально добродѣтельными и образцовыми лицами, нельзя отнести къ достоинствамъ и украшенію книги г. Пыпина. Такое грубое объясненіе художественныхъ пріемовъ и взглядовъ Гоголя основывается на искаженіи фактовъ, достовѣрно извѣстныхъ [1]).

---

[1]) Гоголь получалъ пособія, въ качествѣ автора «Ревизора», «Тараса Бульбы» и другихъ своихъ произведеній перваго періода. Образцовыхъ,

Вслѣдствіе странной путаницы въ сужденіяхъ о Гоголѣ, В. В. Розановъ (см. его статью въ «Рус. Вѣстникѣ» № 1, за 1891 г., «Легенда о великомъ инквизиторѣ» Достоевскаго), писатель, повидимому, имѣющій мало общаго съ авторомъ «Русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ», въ своемъ смѣломъ приговорѣ надъ Гоголемъ, тѣмъ не менѣе примыкаетъ къ сужденіямъ Н. Н. Полеваго. Его также соблазнила басня о безуміи, будто-бы постигшемъ Гоголя въ концѣ жизни, онъ только посвоему объясняетъ это мнимое безуміе, видя въ немъ наказаніе за преступную клевету на человѣческую природу, въ прежнихъ произведеніяхъ Гоголя (см. 247 и 248 стр. въ вышеуказанной книжкѣ «Рус. Вѣстника»).

Ознакомившись съ разнообразными сужденіями о Гоголѣ, въ нашей литературѣ, я пришелъ къ заключенію, что вслѣдствіе недостаточности серьезнаго изученія этого писателя, съ одной стороны, и предвзятаго не прямаго къ нему отношенія — съ другой, почти все, что́ написано у насъ о Гоголѣ, отличается полемическимъ характеромъ. По крайней мѣрѣ такова характерная сторона отношеній къ нему наиболѣе читаемыхъ и вліявшихъ на мнѣніе общества писателей.

идеально добродѣтельныхъ лицъ, за исключеніемъ Уленьки, во 2-й части «Мертвыхъ Душъ», нѣтъ. Костанжогло, Муразовъ и генералъ-губернаторъ выводились имъ въ качествѣ типовъ, созданныхъ жизнью,—изображеніе ихъ дошло въ неоконченной редакціи, признанной Гоголемъ неудовлетворительной, во всякомъ случаѣ ихъ нельзя считать идеалами Гоголя, такими они показались сравнительно съ героями перваго тома; издавъ свою «Переписку съ друзьями», Гоголь никакихъ болѣе пособій не получалъ. Объяснять настроеніе Гоголя, въ послѣдній періодъ его жизни, корыстными соображеніями, недостойно серьезнаго писателя, знающаго біграфію Гоголя.

Начало серьезному изученію Гоголя, у насъ положено прекраснымъ, десятымъ по счету, изданіемъ его сочиненій, подъ редакціей недавно умершаго академика Н. С. Тихонравова, да значительно устарѣвшими, въ настоящее время «Записками о жизни Гоголя» г. Кулиша, который въ свое время оказалъ большую услугу правильной оцѣнкѣ Гоголя, изданіемъ его писемъ, составляющихъ содержаніе V и VI т. «Собранія сочиненій», изд. въ 1857 г.

На «не прямое отношеніе» къ Гоголю, связывающее правильное его пониманіе, указывалъ еще въ 1848 году. И. С. Аксаковъ, упрекая въ немъ отца и брата (т. е. Константина Аксакова), въ своихъ письмахъ изъ Калуги. «Я, кажется, свободнѣе, въ своихъ отношеніяхъ къ Перепискѣ Гоголя, писалъ онъ. Я судилъ по впечатлѣніямъ, которыя произвела на меня эта книга. Признайте за каждымъ человѣкомъ право сказать такое серьезное, опытомъ запечатлѣнное слово. Мнѣ дѣла нѣтъ, говоритъ далѣе, въ томъ же письмѣ И. С. Аксаковъ, «какое впечатлѣніе произведетъ Гоголь на публику, на меня онъ подѣйствовалъ такъ, точно новое поприще дѣятельности открылось для души моей, я чувствую себя другимъ и лучше».

Но право на такое слово, въ которомъ Гоголь думалъ выразить плодъ своего опыта жизни, за нимъ не хотѣли признать ни славянофилы, ни западники Они были поглощены всего болѣе соображеніемъ, какое впечатлѣніе произведетъ на тогдашнее общество это слово.

Книга Гоголя появилась, какъ разъ, въ самый разгаръ извѣстнаго спора между славянофилами и западниками, которому тогда придавалось чуть ли не міровое значеніе и

они не могли отрѣшиться отъ своихъ, чисто кружковыхъ взглядовъ на Гоголя и его книгу. Съ точки зрѣнія своихъ односторонних, кружковыхъ тенденцій, тѣ и другіе были недовольны и раздражены Гоголемъ и его книгой. Оказывалось, что Гоголь не совсѣмъ тотъ писатель, за котораго его выдавали, рекомендуя публикѣ, какъ славянофилы, такъ и западники.

Эта непріятная самостоятельность Гоголя, который шелъ дорогой своего внутренняго духовнаго развитія, не справляясь и, даже, мало интересуясь спорами мнѣніями обѣихъ партій, на которыя, въ то время, шумно раздѣлилась вся такъ называемая наша интеллигенція, раздражила тѣхъ и другихъ. Это раздраженіе еще болѣе обострилось исключительными обстоятельствами времени. Положеніе представителей нашей общественной мысли и ихъ отношенія къ нѣкоторымъ вопросамъ жизни круто измѣнились. Нельзя сказать, чтобъ Гоголь, проживая, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ заграницей, утратилъ знаніе и пониманіе русской жизни, но, очевидно, онъ не взвѣсилъ, какъ бы слѣдовало, того впечатлѣнія которое произведетъ его книга, изданная въ свѣтъ въ 1847 г. Не соображаясь съ обстоятельствами времени, онъ можетъ быть неосторожно коснулся нѣкоторыхъ вопросовъ, обсужденіе которыхъ представлялось неудобнымъ, для не раздѣлявшихъ его взглядовъ. Но напрасно однако въ этомъ видѣть желаніе Гоголя «кому то подслужиться» проповѣдуя свои мысли, возражать на которыя *прямо*, по обстоятельствамъ времени было неудобно. Невыгоды такого положенія всего прежде отразились на немъ и отъ нихъ пострадалъ болѣе всего самъ Гоголь: значительная часть изъ его книги

была выкинута, что и дало поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, какъ это достовѣрно извѣстно, тяжелымъ для автора. Гоголю отвѣчали злой клеветой, обвиняя его въ низменныхъ цѣляхъ, своекорыстномъ лицемѣріи, выставляя его при этомъ, едва ли вполнѣ искренно, поборникомъ кнута и крѣпостнаго права, безусловнымъ и льстивымъ панегиристомъ всего у насъ существующаго, хотя такое толкованіе его «Переписки» опровергается даже содержаніемъ книги, въ томъ видѣ, въ какомъ она была напечатана въ 1847 г., не говоря уже о мѣстахъ изъ нея исключенныхъ, помимо воли автора. «Мы лишены возможности прямо и открыто бороться съ мнѣніями Гоголя и это оправдываетъ наши клеветы», говорилъ въ концѣ 40-хъ годовъ одинъ изъ чистосердечныхъ противниковъ Гоголя. Любопытно, что когда умеръ Гоголь, онъ вдругъ попалъ, хотя правда не на долго, въ разрядъ вредныхъ писателей. Какъ извѣстно, И. С. Тургеневъ даже пострадалъ за сочувственный ему некрологъ, въ одной изъ московскихъ газетъ.

Все это, вмѣстѣ взятое отчасти объясняетъ, если не вполнѣ оправдываетъ, пристрастное, полемическое отношеніе современниковъ къ Гоголю и его книгѣ. Въ настоящее время, кажется, возможна и во всякомъ случаѣ весьма желательна болѣе спокойная, объективная, дѣйствительно историческая оцѣнка ихъ.

Стоявшіе въ сторонѣ отъ кружковыхъ споровъ и страстей, умные и наблюдательные современники Гоголя, кн. П. А. Вяземскій и П. Я. Чаадаевъ, довольно вѣрно подмѣтили характерную черту личнаго раздраженія московскихъ

*

и петербургскихъ литературныхъ кружковъ противъ книги Гоголя. Князь Вяземскій писалъ въ 1847 г. С. С. Шевыреву, на первыхъ порахъ, послѣ выхода въ свѣтъ «Переписки», сильно возбужденному противъ этой книги, которую онъ, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, собирался безпощадно разобрать въ печати. «Наши критики смотрятъ на Гоголя, какъ бы смотрѣлъ баринъ на крѣпостнаго человѣка, который въ домѣ его занималъ мѣсто сказочника и потѣшника и вдругъ сбѣжалъ и постригся въ монахи». Родоначальникъ западниковъ, такимъ упорно выставляетъ его самъ Герценъ т. е. П. Я. Чаадаевъ, писалъ почти то же самое Вяземскому, выражая ему сочувствіе и одобреніе, за его разборъ «Переписки», въ тогдашнихъ «Пет. Вѣдомостяхъ» «на меня находитъ грусть невыразимая, когда вижу всю эту злобу, возникшую противъ любимаго писателя... за то только, что онъ пересталъ насъ тѣшить и съ чувствомъ скорби и убѣжденія исповѣдуется передъ нами и старается по силамъ намъ сказать доброе и поучительное слово».

Кн. П. А. Вяземскій, въ своихъ письмахъ, печатныхъ статьяхъ и даже стихахъ представилъ нѣсколько весьма вѣрныхъ и мѣткихъ мыслей, въ смыслѣ характеристики Гоголя. Всего удачнѣе, какъ мнѣ кажется, онъ обрисовалъ Гоголя, въ своемъ стихотвореніи «Поминки», сказавъ про него:

Духомъ схимникъ сокрушенный,
А перомъ Аристофанъ.

Въ этихъ двухъ строкахъ, очень вѣрно и глубоко отмѣчена типическая особенность своеобразной и сложной натуры Гоголя, которую такъ трудно подвести подъ какія бы то ни было шаблонныя рамки, также какъ и установить черты его

сходства, съ кѣмъ-либо изъ другихъ писателей. Самъ Вяземскій пробовалъ было сравнить его съ Жанъ-Жакомъ Руссо, но сравненіе вышло натянутое и невѣрное. Своимъ перомъ Аристофана, яркимъ и сильнымъ, иногда склоннымъ къ парадоксальному изображенію дѣйствительности Гоголь, пожалуй, подходитъ къ женевскому философу и писателю, также какъ и болѣзненною впечатлительностью своего темперамента, но мы напрасно стали бы искать въ послѣднемъ «сокрушеннаго духомъ схимника», котораго такъ вѣрно замѣтилъ авторъ «Поминокъ» въ Гоголѣ.

Гоголь былъ совсѣмъ своеобразный человѣкъ и писатель—это замѣтили даже европейцы, только отчасти знакомые съ его произведеніями и личностью [1]) поэтому всякія сравненія Гоголя съ Руссо, Сервантесомъ и Гомеромъ, всегда были и останутся натянутыми и произвольными.

Настоящій очеркъ составленъ изъ статей моихъ, подъ этимъ заглавіемъ, напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»

---

[1]) Оригинальность творчества Гоголя и его своеобразный, геній не остались не замѣченными въ Западной Европѣ, хотя Европейцы его знаютъ, въ весьма неудовлетворительной передачѣ, (никто изъ нашихъ большихъ писателей не представляетъ столько трудностей для переводчика). Извѣстные мнѣ французскіе переводы Гоголя, даютъ о немъ весьма слабое и блѣдное понятіе. Переводы Шарьера совсѣмъ плохи – Віардо—лучше, но имъ переведено лишь немногое. Гизо, познакомясь съ «Тарасомъ Бульбой» въ его переводѣ, называлъ эту эпопею казачества, не только лучшимъ изъ современныхъ произведеній въ этомъ родѣ но въ единственнымъ достойнымъ названія эпической поэмы, (см „Le Roman Russe par E. de Vogüé“ Paris, 1886 г. стр. 92) Любопытенъ отзывъ о Гоголѣ Дюринга, въ его послѣдней книгѣ „Die Grossen der modernen Literatur“ Leipzig 1893 г. Дюрингъ довольно подробно разбираетъ «Ревизора», «Тараса Бульбу» и «Мертвые Души» и не смотря на свою, извѣстную славянофабію, признаетъ Гоголя однимъ изъ самыхъ выдающихся писателей XIX в., послѣ Гете и Байрона.

(октябрь, ноябрь, декабрь прошлаго года и январь нынѣшняго), съ немногими дополненіями. Наиболѣе существенное заключается, въ извѣстномъ письмѣ Гоголя «*о театрѣ и односторонности*», адресованномъ, какъ извѣстно къ гр. А. П. Толстому. Оно имѣетъ существенное значеніе для характеристики книги Гоголя и, только благодаря совершенно случайному обстоятельству, не нашло мѣста въ статьяхъ моихъ, напечатанныхъ въ этомъ журналѣ.

Настоящій очеркъ, уже былъ почти набранъ, когда я прочелъ VIII т. интереснаго и почтеннаго труда Н. П. Барсукова, посвященнаго Погодину. Въ обильномъ матеріалѣ, собранномъ авторомъ, относительно разбираемой здѣсь книги Гоголя, находятся нѣкоторыя, доселѣ не опубликованныя свѣдѣнія, объ отношеніяхъ нашего духовенства къ «Перепискѣ» Гоголя. Между ними особеннаго вниманія заслуживаетъ отзывъ нашего извѣстнаго, духовнаго писателя и оратора, архіепископа херсонскаго, Инокентія, который былъ лично знакомъ съ Гоголемъ. Выражая свое дружеское расположеніе и любовь къ Гоголю,—Инокентій писалъ въ этомъ письмѣ, по поводу «Переписки» [1]). «Радуюсь перемѣнѣ съ нимъ, только прошу не пародировать набож-

---

[1]) Высокопреосвященный Инокентій, не зная заграничнаго адреса Гоголя, по полученіи отъ него «Переписки», благодаря за присылку ея, адресовалъ это письмо Погодину, въ архивѣ котораго оно и сохранилось, и впервые напечатано г. Барсуковымъ, въ VI т. «Жизни и Трудовъ», Погодинъ стр. 562. Содержаніе этого письма было извѣстно Гоголю, какъ то видно изъ отвѣтнаго письма Гоголя къ Инокентію, давно уже опубликованному—оно было напечатано, въ малоизвѣстномъ журналѣ «Духовный Вѣстникъ», который издавался въ Харьковѣ, проф. Богословія, въ тамошнемъ университетѣ, Священникомъ В. И. Добротворскимъ. Это отвѣтное пись-

ностью: она любитъ внутреннюю клѣть. Впрочемъ это не то, чтобы онъ молчалъ. Голосъ его нуженъ для молодежи — особенно, но если онъ будетъ неумѣренъ, то она подниметъ его на смѣхъ и плода не будетъ.»

П. Матвѣевъ.

С.-Петербургъ,
15 мая 1894 г.

мо, повидимому неизвѣстно г. Барсукову, весьма интересно, въ немъ Гоголь объясняетъ, что заставило его «выставить свою внутреннюю клѣть»— желаніе принести пользу людямъ, находящимся въ томъ же положеніи, какъ и онъ — а не себя показать. Это письмо Гоголь заканчиваетъ такъ: «я далъ себѣ слово остановиться писать, видя что нѣтъ на это воли Божіей. Говорить о мелкомъ и ничтожномъ въ жизни не хочется, говорить же о высокомъ—но тутъ на каждомъ шагу встрѣтишься со Христомъ и можно наговорить нелѣпостей». (См. «Дух. Вѣстникъ» 1864, № 7.)

ЗАМѢЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА.

На страницѣ 26. Марія Ивановна, мать Гоголя, названа Маріей Васильевной.

Н. В. Гоголь и его переписка съ друзьями.

Каждый видѣлъ въ немъ то что хотѣлось, а не то что въ дѣйствительности есть!

Кн. П. Вяземскій.

I.

Мы до сихъ поръ не имѣемъ настоящей біографіи Гоголя, хотя со дня его смерти прошло болѣе сорока лѣтъ и цѣлый періодъ нашей литературы называется его именемъ. Вліяніе его на развитіе нашей изящной словесности долгое время, дѣйствительно, было преобладающимъ. Ап. Григорьевъ, въ началѣ 50-хъ годовъ, не безъ основанія писалъ въ «Москвитянинѣ»: «Все, что есть дѣйствительно живаго въ явленіяхъ современной изящной словесности, идетъ отъ него, поясняетъ его или, даже лучше, поясняется имъ. Цѣльная, полная, художественная натура Гоголя, такъ сказать, развѣтвляется въ различныхъ сторонахъ современной словесности» [1]). Вліяніе Гоголя ярко отразилось на блестящей плеядѣ нашихъ писателей 40-хъ годовъ—Тургеневѣ, Гончаровѣ, Достоевскомъ, Григоровичѣ, Писемскомъ, Островскомъ. Правда, покойный И. С. Тургеневъ настойчиво называлъ себя ученикомъ Пушкина и нѣкоторымъ образомъ отрицался Гоголя, но его «*Записки охотника*» носятъ несомнѣнные слѣды непосредственнаго вліянія Гоголя, творенія котораго Тургеневъ, въ молодости, какъ самъ говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», зналъ чуть не наизусть. Еще виднѣе оно въ произведеніяхъ Достоевскаго, Гончарова,

[1]) Соч Григорьева, 1 т., стр. 8.

Григоровича, Писемскаго и Островскаго. Они не только, такъ сказать, вышли прямо изъ Гоголя, но и вся ихъ литературная дѣятельность является какъ бы продолженіемъ и развѣтвленіемъ Гоголя.

Такое значеніе Гоголя въ нашей литературѣ казалось установившимся. Наша критика и притомъ даже въ лицѣ представителей отрицательной школы [1]) можно сказать единогласно, вслѣдъ за И. С. Тургеневымъ, признала Гоголя писателемъ, который своимъ именемъ означилъ эпоху въ исторіи нашей литературы—такое признаніе имѣетъ особое значеніе въ устахъ Тургенева, который въ своихъ «Воспоминаніяхъ», описывая встрѣчу съ Гоголемъ въ 1851 г., въ Москвѣ, спѣшитъ заявить что «между міросозерцаніемъ Гоголя и его — лежала цѣлая бездна. Не одно и то же мы ненавидѣли, не одно любили».

Только на нашихъ глазахъ, т. е. сравнительно недавно, эти отношенія къ Гоголю стали измѣняться. Началось это съ юбилея Пушкина, когда, къ чести нашей литературы, внезапно разсѣялась тяжелая и печальная мгла, скрывавшая отъ глазъ нѣсколькихъ поколѣній молодежи свѣтлый образъ нашего великаго поэта. Вслѣдствіе страннаго недоразумѣнія, признаніе великихъ заслугъ Пушкина, учителя Гоголя, послужило какъ бы началомъ реакціи противъ послѣдняго. Эта реакція—явленіе довольно сложное и любопытное. Въ ней сошлись люди совершенно различныхъ направленій. Она, несомнѣнно, заслуживаетъ обстоятельнаго разсмотрѣнія и объясненія, въ связи съ общей оцѣнкой мѣста, занимаемаго Гоголемъ въ нашей литературѣ. Но эта задача не входитъ въ рамки настоящаго очерка, имѣющаго въ виду лишь пересмотръ извѣстнаго спора, вызваннаго въ нашей печати и обществѣ книгой Гоголя, подъ заглавіемъ «*Выборныя мѣста изъ переписки съ друзьями*».

Эта книга, какъ извѣстно, при своемъ появленіи, вызвала цѣлую бурю. Многіе горячіе почитатели Гоголя и даже его

---

[1]) Въ этомъ отношеніи можно указать на „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“ Н. Г. Чернышевскаго, печатавшіеся въ „Современникѣ“ за 1855 и 56 годы.

московскіе друзья пришли въ крайнее раздраженіе и негодованіе, и на автора обрушился цѣлый градъ оскорбительныхъ упрековъ и обличеній, причемъ предметомъ самой ожесточенной критики стала не только книга, но и самъ авторъ. Въ своей посмертной запискѣ, извѣстной подъ именемъ «*Авторской исповѣди*», жалуясь на то, что предметомъ толковъ и критики стала не книга, а самъ авторъ, Гоголь писалъ: «Подозрительно и недовѣрчиво разобрано было всякое слово, и всякій напереръвъ спѣшилъ объявить источникъ, изъ котораго оно произошло. Надъ живымъ еще тѣломъ живущаго человѣка производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ холодный потъ даже и того, кто обладаетъ крѣпкимъ сложеніемъ».

Перечитывая теперь, почти полвѣка спустя, бѣшеныя нападенія и язвительныя бичеванія, сыпавшіяся на болѣзненно-впечатлительнаго и нервнаго автора, котораго въ одно и то же время объявляли и сошедшимъ съ ума писателемъ, и льстивымъ лицемѣромъ, искусно преслѣдующимъ земныя цѣли небесными средствами,—невольно представляешь себѣ, какія муки долженъ былъ вынести Гоголь, слѣдившій за всѣми толками, вызванными его книгой, встрѣчая эти озлобленные упреки и глумленія, какъ печатныя, такъ и рукописныя [1]). «Душа моя уныла, какъ ни крѣплюсь и ни стараюсь быть хладнокровнымъ»,—писалъ Гоголь изъ Франкфурта въ іюнѣ 1847 г. С. Т. Аксакову. «Отношенія мои стали слишкомъ тяжелы со всѣми тѣми друзьями, которые поспѣшили подружиться со мной, не знавши меня. Какъ у меня не совсѣмъ закружилась голова,

---

[1]) „Переписка съ друзьями“ вызвала у насъ цѣлую рукописную литературу, кромѣ извѣстнаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю изъ Зальцбруннa, которымъ въ свое время зачитывалась молодежь. „Я получилъ“,—писалъ Гоголь отъ 28 августа 1847 г., изъ Остенде, С. Т. Аксакову,—„много писемъ очень значительныхъ, гораздо значительнѣе всѣхъ печатныхъ критикъ. Несмотря на все различіе взглядовъ, въ каждомъ изъ нихъ такъ же, какъ и въ вашемъ, есть своя справедливая сторона“.

*

какъ я еще не сошелъ съ ума отъ всей этой безтолковщины— этого я самъ не могу понять. Знаю только, что сердце мое разбито и дѣятельность моя отнялась. Можно еще вести брань съ самыми ожесточенными врагами, но храни Богъ всякаго отъ страшной битвы съ друзьями».

Эти горькія жалобы Гоголя отнюдь не были преувеличены. Друзья неистовствовали противъ него не менѣе отъявленныхъ враговъ. Старый другъ Гоголя, С. Т. Аксаковъ, пишетъ къ сыну (т. е. Ивану Сергѣевичу) въ Калугу, что самое благопріятное предположеніе то, что Гоголь сошелъ съ ума, иначе его пришлось бы назвать болѣе жестокимъ словомъ. Въ другомъ письмѣ къ тому же сыну, иначе смотрѣвшему на книгу Гоголя, старикъ Аксаковъ писалъ, отъ 16 января 1847 г.: «Мы не можемъ молчать о Гоголѣ, мы должны публично порицать его. Дѣло въ томъ, что хвалители и ругатели Гоголя перемѣнялись мѣстами: всѣ мистики, всѣ ханжи, всѣ примиряющіеся съ подлой жизнью своей, возгласами о христіанскомъ смиреніи, весь скотный дворъ Глинки, а особенно женская свита Новосильцовой утопаютъ въ слезахъ и восхищеніи. Я думалъ, что вся Россія дастъ ему публичную оплеуху и потому нечего намъ присоединять рукъ своихъ къ этой пощечинѣ, но теперь вижу, что хвалителей будетъ много и Гоголь можетъ утвердиться въ своемъ сумасшествіи. Книга его можетъ быть вредна многимъ. Вся она проникнута лестью и страшной гордостью, подъ личиной смиренія. Онъ льститъ женщинѣ, ея красотѣ, ея прелестямъ, онъ льститъ Жуковскому, онъ льститъ власти».

Бѣлинскій, въ своемъ извѣстномъ заграничномъ письмѣ къ Гоголю, выступилъ тѣмъ карающимъ бичемъ, котораго ожидалъ Аксаковъ, для наказанія Гоголя за его «позорную» книгу; этотъ эпитетъ мы одинаково встрѣчаемъ какъ у московскаго славянофила, такъ и главы западниковъ. Бѣлинскій въ письмѣ къ Гоголю называлъ его «проповѣдникомъ кнута, апостоломъ невѣжества, поборникомъ обскурантизма и мракобѣсія и панегиристомъ татарскихъ нравовъ»; что вы дѣлаете, писалъ Бѣлин-

скій, обращаясь къ автору «*Переписки*». «Взгляните себѣ подъ ноги, вы стоите надъ бездной!» Въ письмѣ отъ 27 января 1847 г., С. Т. Аксаковъ—писалъ къ Гоголю въ Неаполь.—«Вы совершенно сбились, запутались, противорѣчите сами себѣ безпрестанно, и, думая служить небу и человѣчеству, оскорбляете Бога и человѣка. Книга ваша вредна: она распространяетъ ложь вашихъ умствованій и заблужденій». «О, недобрый былъ день и часъ, — говорилъ С. Т. Аксаковъ въ заключеніе, — когда вы вздумали ѣхать въ чужіе края, въ этотъ Римъ, губитель русскихъ умовъ и дарованій! Дадутъ Богу отвѣтъ эти друзья ваши, слѣпые фанатики, и знаменитые Маниловы, которые не только допустили, но и сами помогали вамъ запутаться въ сѣти собственнаго ума вашего, дьявольской гордости, которую вы принимаете за христіанское смиреніе. Горько убѣждаюсь, что никому не проходитъ безнаказанно бѣгство изъ отечества: ибо продолжительное отсутствіе есть уже бѣгство—измѣна ему».

Я уже не говорю о тѣхъ обидныхъ предположеніяхъ относительно своекорыстныхъ видовъ и цѣлей, которыя приписывались Гоголю, по случаю изданія его книги врагами и раздраженными друзьями.

Дѣйствительно не мало требовалось силы душевной, чтобы перенести безъ озлобленія всѣ эти испытанія, какъ это сдѣлалъ Гоголь. «Да, книга моя нанесла мнѣ пораженіе, но это была воля Божія. Да будетъ же благословенно имя Того, Кто поразилъ меня. Безъ этого пораженія, я бы не очнулся и не увидалъ бы такъ ясно, чего мнѣ недостаетъ,—писалъ Гоголь Аксакову въ отвѣтъ на его обличительное письмо, — несмотря на все ребячество и незрѣлость моей книги, въ ней видны слѣды взгляда болѣе полнаго, чѣмъ у тѣхъ, которые на нее дѣлаютъ замѣчаніе и критики. Глядѣть на меня какъ на блуднаго сына и ожидать моего возвращенія на путь истинный можетъ только тотъ, кто самъ уже стоитъ на этомъ истинномъ пути. А только одинъ Богъ вѣдаетъ, кто изъ насъ на какомъ именно пути стоитъ. Лучше всѣмъ намъ больше смиренія и меньше увѣренности въ непреложной истинѣ и вѣрности своего взгляда».

Теперь, перечитывая выборныя мѣста изъ «Переписки съ друзьями», невольно спрашиваешь себя, какъ могла эта книга вызвать тѣ вопли негодованія, которые оглушили ея автора, ибо не даромъ же, писалъ онъ тому же С. Т. Аксакову: «другъ мой, тяжело очутиться въ этомъ вихрѣ недоразумѣній. Вижу, что мнѣ нужно надолго отказаться отъ пера и во всѣхъ отношеніяхъ отъ всего удалиться» [1]).

Чтобы дать читателямъ болѣе ясное представленіе объ этой книгѣ, такъ сильно раздражившей многихъ представителей нашего общественнаго мнѣнія и ими жестоко оплеванной и оклеветанной—и написанъ настоящій очеркъ.

Но для правильнаго пониманія и оцѣнки «Переписки», которая, по совершенно справедливому указанію ея автора, тѣсно связана съ исторіей его душевнаго развитія, необходимо предпринять небольшую экскурсію въ область біографіи нашего великаго писателя, показать обстоятельства, при которыхъ была составлена и издана эта книга и по возможности очертить личность и душевный строй Гоголя, а также его отношенія къ русскому обществу и литературѣ сороковыхъ годовъ.

II.

Въ концѣ мая 1836 года, послѣ постановки на сценѣ «Ревизора», измученный ею Гоголь уѣхалъ заграницу. «Я усталъ и душою и тѣломъ—писалъ онъ Пушкину, послѣ перваго представленія «Ревизора», — клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій... Богъ съ ними со всѣми! Мнѣ опротивѣла моя пьеса! Я хотѣлъ бы бѣжать теперь Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду

---

[1]) Письмо къ Аксакову изъ Франкфурта отъ 10 іюня 1847 г.

яхъ какъ Богъ знаетъ чего». Изъ писемъ Гоголя къ Погодину и Щепкину видно, что онъ былъ потрясенъ мыслью о тяжеломъ положеніи, ожидающемъ комическаго писателя среди тогдашняго общества. «Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы, меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти: черты ея уже блѣдны, но теперь ясна передъ глазами и рисуется въ живыхъ и рѣзкихъ краскахъ жизнь петербургская, но малѣйшая черта ея—и какъ заговорятъ мои соотечественники? Малѣйшій призракъ истины, и противъ тебя возстаютъ и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія». Дѣйствительно, очень многіе возненавидѣли Гоголя за его «Ревизора», публично и громко повторяя отзывъ извѣстнаго графа Толстаго американца, «что Гоголь врагъ Россіи и что его слѣдуетъ въ кандалахъ отправить въ Сибирь». Гоголя удручали не только сыпавшіяся на него обвиненія, ему больно было видѣть, что проходитъ незамѣченной его братская любовь къ людямъ; что сквозь ѣдкій смѣхъ его сатиры не хотятъ видѣть ея незримыя слезы. «Разсмотри положеніе бѣднаго автора,—писалъ онъ Погодину,—любящаго между тѣмъ свое отечество и своихъ соотечественниковъ, и скажи ему, что есть небольшой кругъ, понимающій его, глядящій на него другими глазами—утѣшитъ ли это его?»

Правда, кругъ почитателей Гоголя и его комедіи быстро разростался, но эти почитатели произвольно толковали комедію, въ театрѣ же, въ особенности въ Петербургѣ, «Ревизоръ» обращался въ грубый смѣхотворный фарсъ, балаганное скоморошество, такъ что Гоголю тяжело было видѣть на сценѣ свою пьесу; въ литературѣ же люди, наиболѣе сочувствовавшіе Гоголю, придавали «Ревизору» крайне тенденціозное значеніе, въ смыслѣ смѣлаго, хотя и замаскированнаго, протеста противъ существующаго порядка вещей, чего въ сущности въ ней не было и что вовсе не входило въ намѣренія автора [1]).

---

[1]) Кн. П. А. Вяземскій писалъ, по поводу «Ревизора»: «комедія была признана многими либеральнымъ заявленіемъ, въ родѣ комедіи Бомарше «Севильскій Цирюльникъ», ее считали за политическій брандскугель,

Шумъ, вызванный «Ревизоромъ», произвелъ, какъ видно, удручающее впечатлѣніе на автора. «Съ тѣхъ поръ,—писалъ Гоголь въ своей «Авторской исповѣди», какъ мнѣ стали говорить, что я смѣюсь не только надъ недостаткомъ, но даже цѣликомъ и надъ самимъ человѣкомъ, въ которомъ заключенъ недостатокъ, и не только надъ всѣмъ человѣкомъ, но и надъ мѣстомъ и надъ самой должностью, которую онъ занимаетъ, я увидалъ, что со смѣхомъ надо «быть очень осторожнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ заразителенъ, и стоитъ только тому, кто поумнѣе, посмѣяться надъ одной стороной дѣла, какъ уже, во слѣдъ за нимъ, тотъ, кто потупѣе и поглупѣе, будетъ смѣяться надъ всѣми сторонами дѣла». (Соч. Гоголя, т. IV, изд. десятое, стр. 252). Если Гоголю было прискорбно видѣть невѣжественную раздражительность общества, какъ онъ писалъ Погодину, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ожесточенныхъ воплей противъ его комедіи, то его также тяготило и тенденціозное толкованіе его «Ревизора» и желаніе во что бы то ни стало навязать ему характеръ либеральнаго протеста противъ предержащихъ властей.

Вообще, надо сознаться, наше общество и печать не мало погрѣшили передъ Гоголемъ безцеремоннымъ отношеніемъ къ его личности, какъ человѣка и писателя. Впечатлительная натура художника возмущалась этими отношеніями, онъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ за-границу, укрываясь отъ страстныхъ упрековъ и похвалъ и того водоворота страстей, въ который

брошенный въ общество подъ видомъ комедіи». «Тайный умыселъ,—продолжаетъ онъ, — открыли уже послѣ слишкомъ зоркіе глаза, когда же авторъ читалъ ее у Жуковскаго, при многолюдномъ обществѣ, никто такого умысла не замѣтилъ да его и не было, такъ какъ въ замыслѣ комедіи Гоголя нѣтъ ничего политическаго. У либераловъ глаза были обольщены собственнымъ обольщеніемъ. «Полн. Собр. Соч. кн. П. А. Вяземскаго», т. 2 стр. 274 и 275. И. С. Тургеневъ въ своихъ «Литературныхъ Воспоминаніяхъ», описывая свое свиданіе съ Гоголемъ въ Москвѣ въ 1851 г., называетъ «Ревизора» «одной изъ самыхъ отрицательныхъ комедій, какія когда-либо являлись на сценѣ». Полн. Собр. Соч., т. X, стр. 69 и 70.

его, такъ сказать, насильно втягивали, тогда какъ онъ жадно искалъ уединенія и тишины, необходимыхъ для его духовнаго воспитанія.

И. С. Аксаковъ какъ-то разъ сказалъ, что почитатели Гоголя обращались съ нимъ, какъ раскольники со своими попами, то-есть, несмотря на свою приверженность, желали вертѣть имъ по-своему. Достойно величайшаго сожалѣнія, что И. С. Аксакову не удалось исполнить своего намѣренія написать книгу о Гоголѣ. Несмотря на глубокое уваженіе къ памяти отца, онъ признавалъ нѣкоторую односторонность въ его взглядахъ на Гоголя и не рѣшался печатать извѣстной рукописи С. Т. Аксакова безъ надлежащей критической ея оцѣнки. Эта рукопись издана въ свѣтъ, послѣ смерти Ивана Сергѣевича, подъ заглавіемъ *«Исторія моего знакомства съ Гоголемъ»*.

Многіе были склонны видѣть въ Гоголѣ «хохлацкую штуку», человѣка лукаваго, который, прикидываясь не тѣмъ, чѣмъ былъ («я не знаю, что сказать на такія обвиненія», писалъ С. Т. Аксаковъ къ сыну въ Калугу, правда, въ минуту крайняго раздраженія противъ автора «Переписки съ друзьями»; см. «Исторію моего знакомства» стр. 163). И. С. Тургеневъ косвенно упрекаетъ Гоголя въ своихъ Воспоминаніяхъ въ хитрости и лукавствѣ раба, по случаю высказаннаго Гоголемъ мнѣнія о цензурѣ.

Вообще, въ отношеніи Гоголя скопился цѣлый рядъ недоразумѣній и предубѣжденій, взаимно другъ друга исключающихъ — которыя разсыпаются при ближайшемъ знакомствѣ съ фактами его жизни. Дѣйствительно, невозможно, не оскорбляя правды, выдавать за оппортуниста (я беру это новѣйшее слово, какъ выраженіе сужденій о Гоголѣ) писателя, вся жизнь котораго прошла такимъ тѣснымъ и тернистымъ путемъ подвижничества, человѣка, упорно стремившагося къ духовнымъ, а не земнымъ благамъ. Великій писатель, родившійся въ достаточной помѣщичьей семьѣ, и притомъ никогда не бывшій мотомъ, и тѣмъ не менѣе всю жизнь скитавшійся бездомнымъ бобылемъ, конечно, не былъ искателемъ житейскихъ

выгодъ. Въ Оптиной Пустыни, извѣстномъ монастырѣ близъ Козельска, который Гоголь посѣтилъ незадолго до своей смерти, его назвали «праведнымъ человѣкомъ». Такая характеристика мнѣ кажется вѣрнѣе. Много житейскихъ царапинъ, тяжелыхъ ранъ и испытаній пришлось вынести бѣдному Гоголю вслѣдствіе недостатка практической гибкости въ его характерѣ и высокаго настроенія его души, устремленной *«въ горнія»*. Онъ представлялъ діаметральную противоположность съ своимъ землякомъ и отчасти современникомъ, академикомъ А. В. Никитенко [1]). Никитенко въ высшей степени обладалъ искусствомъ, которое онъ рекомендовалъ и Гоголю, поступать такъ, чтобы и сѣно было цѣло и козы сыты. Я остановился на сравненіи этихъ двухъ южноруссовъ, столь мало сходныхъ по характеру и дарованіямъ, такъ какъ жизнь того и другаго служитъ нагляднымъ примѣромъ *непрактичности Гоголя*. Гоголь умеръ 43 лѣтъ бездомнымъ странникомъ въ квартирѣ своего друга въ Москвѣ [2]), достигнувъ,—по отзыву С. Т. Аксакова, оплакивавшаго его религіозную восторженность, убившую будто великаго художника,—такого высокаго настроенія, которое уже несовмѣстимо съ тѣлесной оболочкой человѣка. А. В. Никитенко, при несравненно болѣе скромныхъ дарахъ природы, достигъ матеріальнаго благосостоянія и почета, соединивъ солидное служебное положеніе съ репутаціей уважаемаго либерала, чистосердечность котораго никогда не была заподозрѣна.

Въ лицо же Гоголю, какъ извѣстно, былъ брошенъ ядовитый упрекъ, по поводу его книги, что онъ небесными средствами стремится къ земнымъ цѣлямъ, а его «Переписка съ друзьями»—ложь и притворство, и издана ради полученія мѣста воспитателя при сынѣ Наслѣдника Цесаревича.

Послѣ разразившейся надъ Гоголемъ бури изъ-за его комедіи, которая не была снята со сцены только благодаря за-

---

[1]) А. В. Никитенко хотя и пережилъ на много лѣтъ Гоголя, но приходился почти сверстникомъ ему.

[2]) Графа А. П. Толстаго.

ступничеству Императора Николая Павловича—онъ, послѣ лѣтняго лѣченія водами, поселился въ деревнѣ, близъ Женевы, и, бросивъ свой странническій посохъ,—какъ писалъ А. А. Краевскій Погодину,—принялся за большое дѣло, какое именно—Краевскій не зналъ. Письмо самого Гоголя къ Погодину въ ноябрѣ 1836 года объясняетъ, какое дѣло занимало его. «Вещь, надъ которой я сижу и тружусь теперь,—писалъ онъ,—которую долго обдумывалъ и которую еще долго буду обдумывать, не похожа ни на повѣсть, ни на романъ, длинная, длинная, въ нѣсколькихъ томахъ; названіе ея «Мертвыя души». Вотъ все, что ты долженъ покамѣстъ узнать объ ней. Если Богъ поможетъ выполнить мою поэму такъ, какъ должно, то это будетъ первое мое порядочное твореніе. Вся Русь отзовется въ немъ. «Жребій мой кинутъ». Бросивши отечество, я бросилъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ современныя желанія».

Зиму 1837 г. Гоголь провелъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ товарищемъ и другомъ своей юности, А. С. Данилевскимъ, а также своей петербургской знакомой, А. О. Смирновой, въ салонѣ которой онъ проводилъ всѣ вечера. Здѣсь дошло до него поразившее его какъ громъ извѣстіе о смерти Пушкина. По отзывамъ лицъ, близко его знавшихъ, эта преждевременная смерть была роковымъ ударомъ, болѣзненно преобразившимъ Гоголя, отъ котораго послѣдній никогда не могъ оправиться [1]), оплакивая всю жизнь своего великаго наставника и друга. Вотъ, что писалъ онъ самъ Плетневу изъ Рима, куда онъ поспѣшилъ перебраться изъ опостылѣвшаго ему послѣ смерти Пушкина Парижа. «Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собой. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ свое неразрушимое, вѣчное одобреніе свое - вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ предвкушаемаго на землѣ удовольствія обни-

---

[1]) См. «Исторію моего знакомства съ Гоголемъ». С. Т. Аксакова. Москва. 1890 г., стр. 13.

малъ мою душу... Боже! нынѣшній трудъ мой, внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо—и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!»

«Ты знаешь, какъ я люблю свою мать, — писалъ Гоголь Данилевскому, — но если бы я потерялъ даже ее, я не могъ бы быть такъ огорченъ, какъ теперь».

Въ мартѣ 1837 г. Гоголь уже былъ въ Римѣ—вѣчный городъ произвелъ на него чарующее впечатлѣніе, о чемъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ писемъ.

Природа и произведенія искусства Италіи восхищали его, а итальянская весна приводила въ неописанный восторгъ, хотя въ это время Гоголь находился въ крайне стѣсненномъ денежномъ положеніи, бродя унылый и молчаливый по сожженнымъ солнечными лучами полямъ римской Кампаніи.

Въ такомъ стѣсненномъ положеніи, связанный и удрученный долгами, Гоголь обратился съ просьбой о помощи къ Погодину. («Мнѣ не хотѣлось пользоваться твое добротой. Теперь я доведенъ до того. Если ты богатъ, пришли вексель на 2.000 р., я тебѣ черезъ годъ, много полтора, ихъ возвращу»). Въ это трудное для Гоголя время (въ 37 г.), благодаря ходатайству его друзей и въ томъ числѣ Жуковскаго, ему была оказана помощь Государемъ. Жуковскій извѣстилъ Гоголя о назначеніи ему единовременнаго пособія въ размѣрѣ 5.000 руб. Это великодушное пособіе глубоко тронуло подавленнаго житейскими невзгодами писателя. Въ восторженномъ письмѣ къ Жуковскому излилъ онъ свои чувства благодарности къ тому, кто, какъ нѣкій Богъ, сыплетъ полной рукой благодѣянія и не желаетъ слышать благодарностей (Императоръ выразилъ желаніе, чтобы осталось неизвѣстнымъ, отъ кого исходитъ пособіе). «Если бы вы знали,—писалъ далѣе Гоголь,—съ какой радостью бросилъ я Швейцарію [1]) и полетѣлъ въ мою красавицу Италію.

---

[1]) Въ виду денежныхъ затрудненій, онъ тогда временно перебрался въ Швейцарію.

Она моя! Никто въ мірѣ не отниметъ ее у меня! Я родился здѣсь. Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, каѳедра, театръ,—все это мнѣ снилось. Я проснулся опять на родинѣ и пожалѣлъ только, что поэтическая часть этого сна—вы да три, четыре, оставившихъ вѣчную радость воспоминанія въ душѣ моей, не перешли въ дѣйствительность. Еще одно безвозвратное... о Пушкинъ! Пушкинъ! Что бы за жизнь моя была послѣ этого въ Петербургѣ; но какъ будто съ цѣлью всемогущая рука Промысла бросила меня подъ сверкающее небо Италіи, чтобы я забылъ о горѣ, о людяхъ, о всемъ, и весь впился въ ея роскошныя красы».

Какъ упивался въ это время Гоголь природой Италіи и величавыми памятниками искусства въ Римѣ, видно изъ его писемъ къ Плетневу и бывшей ученицѣ [В. П. Балабиной] [1]). «Все прекрасно подъ этимъ небомъ,—писалъ онъ Плетневу,—что ни развалина, то и картина; на человѣкѣ какой-то сверкающій колоритъ; строеніе, дерево, дѣло природы, дѣло искусства, все, кажется, дышетъ и говоритъ подъ этимъ небомъ. Нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ, цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ Богу. Князь Вяземскій очень справедливо сравниваетъ Римъ съ большимъ прекраснымъ романомъ или эпопеей, въ которой на каждомъ шагу встрѣчаются новыя и новыя, вѣчно неожиданныя красы». Въ большомъ письмѣ къ вышеуказанной ученицѣ, представивъ мастерской очеркъ Рима [2]), Гоголь писалъ: «какая весна! Боже, какая весна! Но вы знаете, что такое молодая, свѣжая весна среди дряхлыхъ развалинъ, зацвѣтшихъ плющемъ и дикими цвѣтами. Удивительная весна! Гляжу, не нагляжусь. Розы усыпали теперь весь Римъ, но обонянію моему еще слаще отъ цвѣтовъ, которые зацвѣли теперь и которыхъ имя, право, въ эту минуту забылъ. Ихъ

---

[1]) Она вышла впослѣдствіи замужъ за Вагнера и, если не ошибаюсь, живетъ въ настоящее время въ Римѣ.

[2]) Онъ отчасти вошелъ въ извѣстную статью Гоголя, подъ заглавіемъ «Римъ», напечатанную въ «Москвитянинѣ» за 1842 г. № 3.

нѣтъ у насъ». «Вѣрите ли», часто приходитъ неистовое желаніе,—пишетъ въ заключеніе Гоголь,—превратиться въ одинъ носъ, съ ноздрями въ доброе ведро, чтобы можно было втянуть въ себя какъ можно больше благовонія и весны».

Въ концѣ вышеуказаннаго письма къ Жуковскому, Гоголь, объясняя, что послѣ Италіи Швейцарія и Германія показались ему низкими, пошлыми, гадкими, сѣрыми и холодными, со всѣми ихъ горами и видами, и что онъ слышалъ въ нихъ, какъ въ Олонецкой губерніи—«медвѣжье дыханье Сѣвернаго океана», прибавляетъ: «и неужели вы не побываете въ Италіи?.. И не отдадите тотъ поклонъ, которымъ долженъ красавицѣ природѣ всякъ кадящій прекрасному? Здѣсь престолъ ея. Въ другихъ мѣстахъ мелькаетъ одно только воскрыліе ея ризы, Тружусь и спѣшу всѣми силами совершить трудъ мой».

Здѣсь въ этомъ городѣ-деревнѣ [1]), какъ называлъ Гоголь Римъ въ своихъ письмахъ, на просторѣ и досугѣ, вдали отъ тревогъ и волненій свѣта, онъ написалъ или вѣрнѣе докончилъ первую часть «Мертвыхъ душъ», которая, по отзыву самого автора, составляла лишь крыльцо къ задуманному имъ дворцу.

Лѣтомъ 1837 года посѣтивъ А. О. Смирнову въ Баденѣ, Гоголь уже прочелъ ей, въ небольшомъ кружкѣ ея знакомыхъ, двѣ первыя главы. Въ 1838 году, въ Римѣ было много русскихъ и притомъ знакомыхъ Гоголя (Шевыревъ, Чертковъ и др.). Въ декабрѣ этого года пріѣхалъ Жуковскій, сопровождавшій Наслѣдника Цесаревича въ его путешествіи, а въ мартѣ слѣдующаго 1839 года—Погодинъ. Гоголю доставляло величайшее удовольствіе «угощать» своихъ пріятелей и знакомыхъ Римомъ; онъ радовался, что Жуковскій такъ же, какъ и онъ, влюбился въ Римъ. Погодина, едва вылѣзъ тотъ изъ дилижанса, Гоголь потащилъ въ храмъ Петра, созерцаніе котораго приводило Гоголя въ юношескій восторгъ. Онъ такъ настроилъ своего

---

[1]) „Римъ это городъ и деревня вмѣстѣ. Обширнѣйшій городъ и при всемъ томъ въ двѣ минуты вы уже можете оказаться за городомъ“. Особенно утѣшали его божественныя райскія пустыни среди города.

пріятеля-профессора, что Погодинъ посвятилъ Риму нѣсколько поэтическихъ строкъ въ своемъ Дневникѣ [1]). Особенно восторгался Погодинъ, въ одно прекрасное весеннее утро, въ Колизеѣ. Успокоительная тишина, окружавшая небольшое дерновое возвышеніе, на которомъ стоялъ простой деревянный крестъ съ изображеніемъ распятаго Христа, на мѣстѣ боевъ гладіаторовъ навѣяла необыкновенное спокойствіе на его душу. «Давно я не чувствовалъ такого наслажденія,—записалъ Погодинъ въ своемъ Дневникѣ,—что за спокойствіе было на сердцѣ, какъ все хорошо, и это небо и воздухъ, и этотъ плющъ, и птички, и прохожіе, и часовня, и этотъ смиренный крестъ»... «Оставайся, братъ, здѣсь,—сказалъ Погодинъ Гоголю,—я понимаю, что ты могъ зажиться. Твои теперешнія впечатлѣнія принесутъ отечеству плодъ сторицей».

Вслѣдъ за отъѣздомъ Погодина изъ Рима, Гоголя постигъ новый тяжелый ударъ, глубоко его потрясшій—на его рукахъ умеръ въ Римѣ отъ чахотки, его молодой другъ, графъ Іосифъ Віельгорскій, съ семействомъ котораго Гоголь давно былъ знакомъ и друженъ. Гоголь проводилъ цѣлыя ночи безъ сна у постели умирающаго, а когда онъ скончался, писалъ А. С. Данилевскому. «И похоронилъ моего друга, котораго мнѣ дала судьба въ то время, въ ту эпоху жизни, когда друзья уже не даются [2]). Ты не можешь себѣ представить, до какой степени была это благородно-высокая, младенчески-ясная душа. Выскочки ума и таланта, мы видимъ часто у людей, но умъ и талантъ и вкусъ, соединенные съ такой строгой основательностью,—это явленіе, рѣдко повторяющееся между людьми. И все это было у него на 23 году возраста. И при твердости ха-

---

[1]) См. Н. П Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина“ ч. V, стр. 238.

[2]) П. Кулишъ „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 249. Гоголь еще и прежде былъ друженъ съ молодымъ Вільегорскимъ, но рѣшительно, тѣсно—братски сошелся съ нимъ во время его болѣзни, какъ это видно изъ письма къ Данилевскому, отъ 5 іюня 1839 г.

рактера, при стремленіи дѣйствовать полезно и великодушно, такая дѣвственная чистота чувствъ. Это былъ бы мужъ, который бы украсилъ одинъ будущее царствованіе Александра Николаевича. — И прекрасное должно погибнуть, какъ гибнетъ все прекрасное у насъ». Подъ впечатлѣніемъ этой утраты, Гоголь отправился на воды въ Маріенбадъ, гдѣ онъ съѣхался съ Погодинымъ, съ которымъ прожилъ около мѣсяца въ одной комнатѣ, причемъ Погодинъ даже переписалъ подъ его диктовку начало повѣсти «Шинель», которая тогда называлась «Повѣсть о чиновникѣ, крадшемъ шинели». Гоголь лѣтомъ этого года работалъ надъ этой повѣстью, начатой гораздо раньше (вѣроятно въ 1834 г.) и оконченной лишь въ 1840 году, послѣ возвращенія Гоголя изъ Москвы. «Шинель» была напечатана въ первый разъ въ «Сочиненіяхъ Н. Гоголя», изданныхъ въ 1842 г. Въ Маріенбадѣ Гоголь и Погодинъ сошлись съ извѣстнымъ откупщикомъ Бенардаки; они брали вмѣстѣ ванны и ходили по горамъ и доламъ, разсуждая о любезномъ отечествѣ, какъ записалъ Погодинъ въ своемъ «Дневникѣ». Гоголь усердно разспрашивалъ этого опытнаго и бывалаго человѣка, хорошо знавшаго Россію, который произвелъ впечатлѣніе своимъ умомъ и на Погодина, а послѣдній знакомилъ своихъ спутниковъ съ славянскими дѣлами, и дѣятельностью ученыхъ и литераторовъ въ разныхъ славянскихъ земляхъ. Съѣхавшись осенью того же года въ Вѣнѣ, Гоголь вмѣстѣ съ Погодинымъ отправился въ Россію, куда его призывали семейныя дѣла—именно забота объ устройствѣ сестеръ, кончившихъ курсъ въ Патріотическомъ институтѣ.

Неожиданный пріѣздъ Гоголя въ Москву, въ октябрѣ 1839 г., вызвалъ тамъ громкую и общую радость. Имя Гоголя, какъ автора «Ревизора», уже пользовалось большой извѣстностью, а его комедіи шумнымъ успѣхомъ.

Москвичи, какъ это видно изъ воспоминаній Т. С. Аксакова, съ которымъ Гоголь сблизился въ это время, обратили въ этотъ пріѣздъ Гоголя особенное вниманіе на его внѣшній видъ и нашли большую перемѣну во внѣшности Гоголя. «Не

было и слѣдовъ», говоритъ Аксаковъ, прежняго гладко выбритаго и обстриженнаго, кромѣ одного хохла, франтика, въ модномъ фракѣ. Прекрасные бѣлокурые волосы лежали у него почти по плечамъ, красивые усы и эспаньолка довершали перемѣну; всѣ черты лица получили совсѣмъ другое значеніе; особенно въ глазахъ, когда онъ говорилъ, выражались доброта, веселость и любовь ко всѣмъ; когда же онъ молчалъ или задумывался, то сейчасъ же изображалось въ нихъ серьезное устремленіе къ чему-то не внѣшнему». Очевидно, что уже тогда назрѣвалъ въ его душѣ тотъ внутренній процессъ, который выразился въ его позднѣйшей «Перепискѣ съ друзьями», и который принято называть переломомъ въ жизни и воззрѣніяхъ Гоголя. Московскій кружокъ Аксаковыхъ восторженно восхищался Гоголемъ, но, какъ видно, мало вникалъ въ его душевное настроеніе.

Въ 1845 г., въ длинномъ письмѣ (это письмо—цѣлая тетрадь, говоритъ г. Кулишъ въ своихъ «Запискахъ о жизни Н. В. Гоголя») къ А. О. Смирновой, Гоголь писалъ: «О себѣ самомъ, относительно моего душевнаго внутренняго состоянія, не говорилъ я ни съ кѣмъ. Никто изъ нихъ [1]) меня не зналъ. По моимъ литературнымъ разговорамъ всякій былъ увѣренъ, что меня занимаетъ одна только литература, и что все прочее равно не существуетъ для меня на свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ какъ я оставилъ Россію, произошла во мнѣ великая перемѣна. Душа заняла меня всего, и я увидѣлъ ясно, что безъ устремленія моей души къ ея лучшему совершенству, не въ силахъ былъ я двинуться ни одной моей способностью, ни одной стороной моего ума, во благо и въ пользу моимъ собратіямъ; а безъ этого воспитанія душевнаго, всякій трудъ мой будетъ только временно блестящій, но суетенъ въ существѣ своемъ». («Записки о жизни Н. В. Гоголя», т. 2-й, стр. 28).

---

[1]) Т. е. его московскихъ и вообще литературныхъ пріятелей.

III.

Трудно установить точную хронологію душевной жизни человѣка, а тѣмъ болѣе когда имѣешь дѣло съ такой сложной ускользавшей не только отъ наблюденія, но даже иногда отъ пониманія людей близкихъ, натурою, какъ у Гоголя, по отзыву Аксакова 1). Въ нашей литературѣ существуетъ разногласіе относительно времени такъ называемаго «перелома» въ воззрѣніяхъ Гоголя. С. Т. Аксаковъ относитъ его, основываясь на письмахъ Гоголя, къ концу 1840 г. 28 декабря 1840 г. Гоголь написалъ ему изъ Рима длинное письмо, въ которомъ, извѣщая о перенесенной имъ болѣзни, говорилъ: «Теперь я пишу къ вамъ, потому что здоровъ, благодаря чудесной силѣ Бога, воскресившаго меня отъ болѣзни, отъ которой, признаюсь, я уже не думалъ встать. Много чуднаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни». («Исторія моего знакомства», стр. 43 и слѣд.). «Письмо это,—замѣчаетъ Аксаковъ,—написано вовсе уже въ другомъ тонѣ, чѣмъ всѣ предъидущія. Этотъ тонъ сохранился уже навсегда. Должно повѣрить, что много чуднаго совершилось съ Гоголемъ, потому что онъ съ этихъ поръ измѣнился въ нравственномъ существѣ своемъ. Это не значитъ, что онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ прежде; внутренняя основа всегда лежала въ немъ, даже въ самыхъ молодыхъ годахъ; но она скрывалась, такъ сказать, наружностью внѣшняго человѣка. Отсюда начинается постоянное стремленіе Гоголя къ улучшенію въ себѣ духовнаго человѣка и преобладаніе религіознаго направленія, достигшаго впослѣдствіи, по моему мнѣнію, такого высокаго настроенія, которое уже несовмѣстимо съ тѣлесной оболочкой человѣка» (тамъ же, стр. 45 и 46).

---

1) Нѣсколько словъ о біографіи Гоголя. „Московскія Вѣдомости" за 1853 годъ

П. В. Анненковъ, часто видѣвшій Гоголя въ Римѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ и собственноручно переписывавшій для него первую часть «Мертвыхъ душъ», относитъ то, что онъ называетъ «переломомъ» въ воззрѣніяхъ Гоголя, къ болѣе позднему времени, именно ко второй половинѣ 1843 года, когда Гоголь поселился вмѣстѣ съ Смирновой въ Ниццѣ, и въ глазахъ ея уже сталъ цѣлителемъ духовныхъ недуговъ. Съ этого времени, говоритъ Анненковъ, выпускъ второй части «Мертвыхъ душъ» откладывается на неопредѣленное время, романъ уходитъ въ даль, въ глубь и тѣнь, и на первый планъ выступаетъ нравственное развитіе автора [1]).

Это разногласіе, мнѣ кажется, объясняется замкнутостью натуры Гоголя. Его душевная жизнь была скрыта отъ многихъ, даже при ежедневныхъ и какъ бы пріятельскихъ сношеніяхъ. С. Т. Аксаковъ, хотя и не былъ посвященъ въ вопросы, наиболѣе близкіе его душѣ, и притомъ жилъ въ Москвѣ, тѣмъ не менѣе могъ лучше судить о душевномъ настроеніи Гоголя, чѣмъ Анненковъ, проживавшій съ нимъ въ Римѣ—Аксаковъ былъ во всякомъ случаѣ ближе къ Гоголю, и онъ въ своихъ письмахъ къ послѣднему обнаружилъ такое состояніе души, которое осталось неизвѣстнымъ его римскому собесѣднику.

Самъ Гоголь, въ своей «Авторской исповѣди», весьма подробно и обстоятельно излагаетъ весь ходъ своего душевнаго процесса, хотя у насъ почему-то принято, въ этомъ интимномъ вопросѣ личной жизни Гоголя, довѣрять скорѣе всякимъ стороннимъ показаніямъ, чѣмъ глубоко искренней «Исповѣди» самого автора. Гоголь объясняетъ и указываетъ, такъ сказать, органическій ходъ своего душевнаго развитія. Работая надъ «Мертвыми душами», сюжетъ которыхъ ему завѣщалъ Пушкинъ, вмѣстѣ съ настоятельнымъ совѣтомъ приняться за болѣе серьезный трудъ, онъ сознавалъ въ себѣ призваніе писателя, который на своемъ поприщѣ можетъ сослужить службу государственную. Сознаніе служебнаго долга передъ государствомъ

[1]) «Воспоминанія и критическіе очерки», т. I, стр. 229—231.

*

или родиной жило въ Гоголѣ, какъ онъ самъ говоритъ, съ дѣтства. «Какъ только я почувствовалъ, — пишетъ онъ далѣе,— что и на поприщѣ писателя могу сослужить службу государственную, я бросилъ все: и прежнія свои должности въ Петербургѣ, и общество близкихъ душѣ моей людей, и самую Россію, затѣмъ, чтобы вдали и въ уединеніи отъ всѣхъ обсудить, какъ это сдѣлать, какъ произвести такимъ образомъ свое твореніе, чтобы доказать, что я былъ также гражданинъ земли своей и хотѣлъ служить ей». Такое отношеніе автора къ задуманному имъ большому произведенію, т. е. «Мертвымъ душамъ», не было отнюдь позднѣйшимъ измышленіемъ его фантазіи, послѣ погрома его книги, на это имѣется рядъ указаній, въ его письмахъ, послѣ отъѣзда за границу, въ 1836 г. Да и кромѣ того всякій, кто внимательно, безъ задней мысли изучалъ Гоголя, долженъ согласиться, что онъ вообще, а въ особенности въ зрѣлый періодъ своей жизни, не былъ способенъ къ сознательной лжи—онъ могъ увлекаться и ошибаться, въ своей «Авторской исповѣди», но всякое предположеніе о намѣренной лживости его «Исповѣди» не заслуживаетъ даже опроверженія.

Но вскорѣ послѣ первыхъ опытовъ писанія «Мертвыхъ душъ», когда именно—Гоголь точно не указываетъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что больше не можетъ писать безъ плана вполнѣ опредѣленнаго и яснаго. Для обсужденія и выработки этого плана, онъ и отправился заграницу искать тихаго пристанища для своего труда. «Мнѣ хотѣлось,—говоритъ Гоголь,— въ сочиненіи своемъ выставить преимущественно тѣ высшія свойства русской природы, которыя еще не всѣми цѣнятся справедливо, и преимущественно тѣ низшія, которыя недостаточно всѣми осмѣяны и поражены».

На такое отношеніе къ дѣлу мы опять-таки встрѣчаемъ указаніе уже съ первыхъ дней пребыванія Гоголя заграницей. «Я думалъ,—говоритъ далѣе Гоголь въ своей «Исповѣди», — что лирическая сила, которой у меня былъ запасъ, поможетъ мнѣ такъ изобразить эти достоинства, что къ нимъ возгорится любовію русскій человѣкъ, а сила смѣха, котораго у меня

также былъ запасъ, поможетъ мнѣ такъ ярко изобразить недостатки, что ихъ возненавидятъ читатели, еслибы даже нашли ихъ въ себѣ».

Пребываніе заграницей и уединенная жизнь въ Римѣ, послѣ глубоко потрясшаго все существо его роковаго извѣстія о преждевременной смерти Пушкина, обратили мысли автора на предметы высшаго порядка. Какъ художникъ, натура котораго чутко отзывалась на все прекрасное, онъ упивался красотами природы Италіи, величавыми памятниками ея искусства, но въ немъ совершалась внутренняя, душевная работа, которая захватывала его все болѣе и болѣе. Уже въ первый пріѣздъ Гоголя въ Москву, въ октябрѣ 1839 года, Аксаковъ замѣтилъ въ немъ, когда онъ молчалъ или задумывался, серьезное стремленіе къ чему-то не внѣшнему. Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ Москвѣ, зимой 39—40 года, среди начинавшаго уже замѣтно выдѣляться и сортироваться кружка славянофиловъ, очевидно, наталкиваетъ Гоголя на вопросы объ особенностяхъ русской народности или природы, по его выраженію. С. Т. Аксаковъ, боготворившій своего сына Константина и поклонявшійся ему съ пристрастіемъ любящаго отца, приписываетъ глубокимъ убѣжденіямъ своего Константина, который со всею пылкостью, свойственной молодости, излагалъ эти убѣжденія, въ ежедневныхъ бесѣдахъ съ Гоголемъ, пробужденіе въ послѣднемъ сильныхъ чувствъ къ Россіи; въ подтвержденіе такого мнѣнія почтенный авторъ «Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ» ссылается на письмо изъ Рима отъ 28 дек. 1840 г., въ которомъ Гоголь, между прочимъ, писалъ: «Да, чувство любви къ Россіи слышу во мнѣ сильно». Такое толкованіе словъ Гоголя, подобныхъ которымъ можно найти не мало въ письмахъ Гоголя изъ-заграницы предшествующаго времени свидѣтельствуетъ о крайней исключительности и, такъ сказать, партійномъ и семейномъ фанатизмѣ почтеннаго автора «Исторіи». Гоголь, любившій угадывать характеры и душевныя движенія и большой мастеръ по этой части, съ интересомъ слѣдилъ за горячими рѣчами юнаго московскаго славя-

нофила, тѣмъ болѣе, что цѣнилъ всякій благородный энтузіазмъ; вотъ и все, что можно и слѣдуетъ заключить объ его отношеніяхъ къ К. Аксакову.

Горячая искренность Константина Аксакова, цѣльнаго и пламеннаго борца за идею, въ качествѣ новаго типа русскаго идеалиста, обратила на него вниманіе и симпатіи такого наблюдательнаго и вдумчиваго психолога, какъ Гоголь, который, вспоминая въ Римѣ свои московскія бесѣды, въ письмѣ къ отцу Константина Аксакова, называетъ послѣдняго «юношей, полнымъ силъ и всякой благодати».

Большимъ самообольщеніемъ было однако думать, что этотъ юноша, бродившій тогда, какъ молодое вино, и излагавшій свои идеи вычурнымъ языкомъ туманной нѣмецкой фразеологіи, навѣянной изученіемъ Гегеля, отъ которой такъ коробило автора «Мертвыхъ душъ», могъ оказать какое-нибудь вліяніе на послѣдняго, тѣмъ болѣе, что и славянофилы старшаго поколѣнія относились тогда, т. е. въ началѣ сороковыхъ годовъ, не совсѣмъ серьезно къ К. Аксакову, котораго Хомяковъ называлъ «свирѣпымъ агнцемъ» [1]). Гоголь въ письмѣ 1844 г. къ неизвѣстному Л. (оно напечатано въ «Перепискѣ съ друзьями» подъ № 11 и озаглавлено «Споры») со свойственной ему проницательностью и мѣткостью анализируетъ слишкомъ расходившихся молодыхъ московскихъ славянофиловъ, которые своимъ строптивымъ хвастовствомъ вооружаютъ еще болѣе противъ себя европеистовъ, а тѣ давно бы готовы были отъ многаго отступиться, потому что сами начинаютъ слышать многое прежде неслышанное, но упорствуютъ, не желая уступить слишкомъ раскозырявшемуся человѣку. Указавъ крайнюю односторонность препиравшихся между собою восточниковъ и западниковъ, старовѣровъ и нововѣровъ, которые ему казались только каррикатурами на то, чѣмъ

1) См. замѣтку П. И. Бартенева «А. С. Хомяковъ и его пріятели». «Рус. Архивъ» за 1884 г. № 4. Юрій Самаринъ въ письмѣ къ Гоголю также остритъ надъ своимъ пріятелемъ К. Аксаковымъ, называя его «силлогизмомъ на двухъ ногахъ» (см. «Рус. Старина» 1889 г. № 7, стр. 173).

хотятъ быть, Гоголь остроумно замѣчаетъ, что каждая изъ этихъ партій «уткнувшись въ одну сторону вопроса, не видитъ другихъ. Восточники видятъ весь фасадъ и куполъ, но не различаютъ частей, такъ какъ далеко отошли отъ зданія—западники же подходятъ къ строенію гораздо ближе и судятъ о томъ, что передъ ихъ глазами отчетливѣе, но изъ-за карниза не видятъ верхушки купола и все то, что въ вышинѣ».

«Хотя на сторонѣ славянистовъ-восточниковъ больше правды, но вмѣстѣ съ тѣмъ и больше кичливости. Они хвастуны, изъ нихъ каждый воображаетъ себѣ, что открылъ Америку и найденное имъ зернышко раздуваетъ въ «рѣпу».

«Всѣ эти споры такого рода,—говоритъ въ заключеніе Гоголь,—что умные и пожилые люди покамѣстъ не должны къ нимъ приставать. Пусть прежде выкричится хорошенько молодежь—это ея дѣло». Повѣрь,—пишетъ Гоголь къ другу, имя котораго скрыто подъ буквою Л.,—что такъ заведено и нужно, чтобы передовые крикуны вдоволь выкричались, затѣмъ именно, дабы умные люди могли въ это время надуматься вдоволь. (Выборныя мѣста изъ «Переписки съ друзьями». Соч. Н. В. Гоголя, изд. десятое, т. IV, стр. 53 и 54).

Такой взглядъ Гоголя на страстные споры и борьбу между славянофилами и западниками, которымъ обѣ стороны придавали чуть ли не міровое значеніе, конечно, долженъ былъ крайне раздражить обѣ партіи, изъ которыхъ каждая, до выхода въ свѣтъ «Переписки». усиленно старалась завербовать Гоголя въ свой лагерь, разсчитывая найти въ немъ защитника своихъ излюбленныхъ мнѣній и полезнаго проводника своихъ идей. Все это очень ясно видѣлъ Гоголь, въ свои пріѣзды въ Россію изъ Рима (въ 1839 и 1841 гг.) когда обѣ партіи встрѣчали его съ разверстыми объятіями, за которыми скрывалось явное желаніе сдѣлать изъ великаго художника-писателя своего человѣка [1]).

---

[1]) См. вышеуказанное большое письмо Гоголя къ Смирновой отъ 1845 г. Оно напечатано въ «Запискахъ» Кулиша, т. II, стр. 25—33.

Сказаннаго, кажется, достаточно, чтобы устранить всякія предположенія и толки о вліяніи Аксаковскаго кружка на Гоголя; дѣло какъ разъ было наоборотъ. Гоголь относился къ К. Аксакову, какъ къ симпатичному и умному школьнику; это видно изъ писемъ его къ послѣднему [1]). Довольно смутные взгляды славянофиловъ сороковыхъ годовъ [2]) на основы нашей народной жизни значительно очистились подъ вліяніемъ книги Гоголя, на первыхъ порахъ возбудившей въ извѣстной части ихъ совершенно непонятное и неразумное раздраженіе, такъ что приходится допустить мелкія причины личнаго самолюбія и кружковщины для объясненія того ослѣпленія гнѣва, которое заставило Аксаковыхъ принять усердное участіе въ травлѣ автора «Переписки».

Углубившись въ свое произведеніе, Гоголь, какъ пишетъ онъ въ своей «Исповѣди», увидѣлъ ясно, что ему прежде всего нужно опредѣлить высокое и низкое русской природы, ея достоинства и недостатки, а для этого пришлось узнать получше природу человѣка вообще и его душу, безъ этого не станешь на ту точку воззрѣній, съ которой ясно видятся недостатки и достоинства всякаго народа.

«Съ этихъ поръ,—говоритъ Гоголь въ своей «Исповѣди»,—человѣкъ и душа человѣка сдѣлалась больше, чѣмъ когда-либо,

---

[1]) См. Соч. и письма Гоголя, изд. Кулиша, т. VI, стр. 14 и 463, а также два недавно опубликованныя въ «Рус. Старинѣ» г. Шенрокомъ (1890 г., № 2).

[2]) Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду лишь младшее поколѣніе московскихъ славянофиловъ, которые тогда, какъ извѣстно, находились въ разномысліи со старшимъ, т. е. съ Хомяковымъ и Кирѣевскими. Молодые славянофилы (К. Аксаковъ и Ю. Ѳ. Самаринъ и др.) бредили Гегелемъ и проповѣдывали, что православіе явится тѣмъ, чѣмъ оно можетъ быть, и восторжествуетъ только тогда, когда его оправдаетъ философія Гегеля. Самаринъ писалъ А. Н. Попову, что участь церкви неразрывно связана съ участью Гегеля. См. «Жизнь и труды Погодина», книга шестая, стр. 291 и 292. А. С. Хомяковъ относился къ Гоголю иначе, какъ это видно изъ письма его А. Н. Попову, по случаю смерти Гоголя («Рус. Ар.» 1884 г., № 4, стр. 316).

предметомъ моихъ наблюденій. Я оставилъ на время все современное, я обратилъ вниманіе на узнаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще. Книги законодателей, душевѣдцевъ и наблюдателей за природой человѣческой стали моимъ чтеніемъ. Все, гдѣ только выражалось познаніе людей и души человѣка, отъ исповѣди свѣтскаго человѣка до исповѣди анахорета и пустынника, меня занимало; и на этой дорогѣ нечувствительно, самъ не вѣдая какъ, я пришелъ ко Христу, увидѣвши, что въ немъ ключъ къ душѣ человѣка и что еще никто изъ душезнателей не всходилъ на ту высоту познанія душевнаго, на которой стоялъ онъ. Повѣркой разума повѣрилъ я то, что другіе понимаютъ ясной вѣрой и чему я вѣрилъ дотолѣ какъ-то темно и неясно. Къ этому привелъ меня и анализъ надъ собственной моей душой: я увидѣлъ тоже математически-ясно, что говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ человѣка нельзя по воображенію: нужно заключать въ себѣ самомъ хотя небольшую крупицу этого, словомъ—нужно сдѣлаться лучшимъ («Авторская исповѣдь», стр. 252 и 253). «Итакъ, на нѣкоторое время,—продолжаетъ Гоголь,—занятіемъ моимъ сталъ не русскій человѣкъ и Россія, но человѣкъ и душа вообще. Все меня приводило въ это время къ изслѣдованію общихъ законовъ души нашей; мои собственныя душевныя обстоятельства, наконецъ, обстоятельства внѣшнія, надъ которыми мы не властны и которыя всякій разъ обращали меня противовольно къ тому же предмету, какъ только я отъ него отдалялся. Нѣсколько разъ упрекаемый въ недѣятельности, я принимался за перо, хотѣлъ насильно заставить себя написать хоть что-нибудь вродѣ небольшой повѣсти или какого-нибудь литературнаго сочиненія и не могъ произвести ничего. Усилія мои оканчивались почти всегда болѣзнью, страданіями и наконецъ такими припадками, вслѣдствіе которыхъ надолго нужно было отложить всякое занятіе; что мнѣ было дѣлать? Виноватъ развѣ я въ томъ, что не въ силахъ былъ повторить то же, что писалъ въ мои юношескіе годы? Какъ-будто двѣ весны бываютъ въ возрастѣ человѣческомъ? И если

всякій человѣкъ подверженъ этимъ необходимымъ перемѣнамъ при переходѣ изъ возраста въ возрастъ, то почему же одинъ писатель долженъ быть исключеніемъ? Развѣ писатель также не человѣкъ? Я не совращался съ своего пути. Я шелъ тою же дорогой. Предметъ у меня былъ всегда одинъ и тотъ же; предметъ у меня былъ—жизнь, а не что другое. Жизнь я преслѣдовалъ въ ея дѣйствительности, а не въ мечтахъ воображенія и пришелъ къ Тому, Кто есть источникъ жизни. Отъ малыхъ лѣтъ была во мнѣ страсть замѣчать за человѣкомъ; ловить душу его въ малѣйшихъ чертахъ и движеніяхъ его, которыя пропускаются безъ вниманія людьми—и я пришелъ къ Тому, Который одинъ полный вѣдатель души, отъ Кого одного я могъ только узнать полнѣе душу. Я не успокоился до тѣхъ поръ, покуда не разрѣшились мнѣ нѣкоторые собственные мои вопросы относительно меня самого, и только тогда, когда я нашелъ удовлетвореніе въ нѣкоторыхъ главныхъ вопросахъ, могъ приступить вновь къ моему сочиненію, первая часть котораго составляетъ еще понынѣ загадку, потому что заключаетъ въ себѣ нѣкоторую часть переходнаго состоянія моей собственной души, когда еще не вполнѣ отдѣлилось во мнѣ то, чему слѣдовало отдѣлиться» («Авт. исповѣдь», стр. 254 и 255).

Вышеописанный душевный процессъ Гоголя, очевидно, развивался постепенно; онъ не сразу обнаружился и передъ его пріятелями. Въ первый пріѣздъ Гоголя изъ Рима, его московскіе пріятели замѣтили въ немъ только *внѣшнюю перемѣну*, хотя Гоголь прожилъ тогда довольно долго въ Москвѣ (именно, вернувшись въ концѣ декабря 39 года съ сестрами изъ Петербурга, оставался въ Москвѣ до 18 мая 1840 г.), но тогда Гоголь былъ озабоченъ хлопотами о сестрахъ. «Полученное ими, разсказываетъ С. Аксаковъ, уродливое воспитаніе въ институтѣ сильно удручало Гоголя. Затѣмъ передъ Пасхой 1840 года пріѣхала въ Москву Марія Васильевна—мать Гоголя и онъ отдавалъ ей все свое время. Гоголь читалъ въ дружескихъ кружкахъ приготовленныя уже имъ главы «Мертвыхъ душъ». Вниманіе его друзей и почитателей было поглощено этими чтеніями.

Самъ же Гоголь, не смотря на самый радушный пріемъ и восторженное поклоненіе его таланту, которымъ его окружила Москва, рвался въ Римъ и послѣ памятнаго обѣда [1]), на которомъ собрался весь цвѣтъ московской интеллигенціи, сталъ собираться въ дорогу. Одинъ изъ хорошихъ знакомыхъ Аксаковыхъ, молодой симбирскій помѣщикъ В. А. Пановъ [2]), присутствовавшій при чтеніи Гоголемъ извѣстной седьмой главы «Мертвыхъ душъ» наканунѣ заутрени Свѣтлаго Воскресенія, пришелъ въ такое восхищеніе, что вызвался проводить Гоголя за границу и дѣйствительно отправился вмѣстѣ съ нимъ.

Изъ Москвы Гоголь поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ остановился на довольно продолжительное время. Въ Вѣнѣ онъ пилъ маріенбадскую воду, чтобы «освободить свой желудокъ отъ разныхъ старыхъ неудобствъ и остатковъ московскихъ обѣдовъ», какъ писалъ Погодину. Дорога въ Вѣну, по нашимъ степямъ, произвела хорошее впечатлѣніе на Гоголя, онъ чувствовалъ себя свѣжимъ и бодрымъ. Онъ радовался, замѣтивъ, что нервы его пробуждаются, и что онъ выходитъ изъ того летаргическаго умственнаго бездѣйствія, въ которомъ находился послѣдніе годы, и чему причиной было нервическое усыпленіе. «Я почувствовалъ,—писалъ онъ тому же лицу,—«что въ головѣ моей шевелятся мысли, какъ разбуженный рой пчелъ, воображеніе становится чутко». При такомъ пробужденіи силъ, задуманный имъ «сюжетъ», какъ онъ выражался, развернулся передъ нимъ въ такомъ величіи «что все во мнѣ почувствовало сладкій трепетъ, и онъ, позабывши все, переселился вдругъ въ тотъ міръ, въ которомъ давно не бывалъ, и въ ту же минуту засѣлъ за

---

1) 9 мая, въ день именинъ Гоголя; на этомъ обѣдѣ участвовалъ между прочимъ и Лермонтовъ, читавшій Гоголю отрывки изъ «Мцыри».

2) Умершій въ молодыхъ годахъ Пановъ извѣстенъ въ нашей литературѣ, какъ издатель „*Московскаго Сборника*“, органа славянофиловъ, въ которомъ была помѣщена философская статья И. В. Кирѣевскаго. „Московскаго Сборника“ вышло всего три тома.

работу, позабывъ, что это вовсе не годилось во время питія водъ, требовавшихъ спокойствія головы и мыслей».

Усиленная творческая работа, отъ которой не могъ удержаться Гоголь, «какъ долго лишенный свѣта въ темницѣ, выйдя изъ нея, не станетъ жмуриться на солнцѣ, опасаясь ослѣпнуть»,—крайне изнурила его, и онъ серьезно заболѣлъ. «Пробужденіе мое обратилось вдругъ въ раздраженіе нервическое. Все мнѣ бросилось разомъ на грудь, я испугался, не понимая своего положенія», писалъ онъ послѣ болѣзни. Гоголь бросилъ занятія и, думая, что болѣзнь обусловливается недостаткомъ движенія, необходимаго при водахъ, пустился ходить до усталости, но ему сдѣлалось еще хуже. Имъ овладѣла болѣзненная тоска, которая не давала покоя. Одинъ москвичъ (Н. П. Боткинъ), случившійся тогда въ Вѣнѣ, узнавъ о болѣзни Гоголя, принялъ въ немъ самое сердечное участіе, ухаживая какъ нянька за больнымъ, положеніе котораго было такъ плохо, что не ожидали даже его выздоровленія.

Умереть среди нѣмцевъ показалось Гоголю страшно, и онъ велѣлъ посадить себя, совсѣмъ больнаго, въ дилижансъ и везти въ Италію, гдѣ ожидалъ его В. А. Пановъ, дорожный его спутникъ и горячій почитатель. Несмотря не жаркое время года (конецъ августа), воздухъ дороги нѣсколько освѣжилъ Гоголя, и онъ, пріѣхавъ въ Римъ, чувствовалъ себя лучше.

Но Римъ не производилъ уже прежняго чарующаго дѣйствія на нашего великаго писателя, судя по письмамъ послѣдняго. Онъ писалъ Погодину: «Ни Римъ, ни небо—ничто не имѣетъ теперь на меня вліянія. Я ихъ не вижу и не чувствую. Мнѣ бы теперь дорога въ дождь, слякоть, черезъ лѣса, черезъ степи на край свѣта. Его спутникъ Пановъ, извѣщая Аксакова о состояніи здоровья Гоголя, писалъ: «можетъ быть цѣлыя десять лѣтъ его жизни постепенно разстраивали его организацію, которая дѣйствительно теперь въ ужасномъ разладѣ. Онъ ошибался, думая, что отъѣздъ за-границу возвратитъ ему дѣятельность и силы. Къ несчастью, его разстройство не зависитъ отъ климата и мѣста, и не такъ легко по-

правляется. Теперь онъ тѣшитъ себя мыслью объ огромномъ путешествіи и готовъ ѣхать хоть въ Камчатку»[1]).

Московскіе друзья встревожились этимъ извѣстіемъ, сожалѣя, что отпустили Гоголя за-границу. Жена Сергѣя Тимофеевича О. С. Аксакова, которая была особенно дружна съ Гоголемъ (по сходству въ религіозномъ настроеніи), писала Погодину: «Гоголя надо вытащить изъ Рима, ему болѣе всего нуженъ родной воздухъ и русскіе друзья, которые могутъ оживить его, а за-границей онъ погибнетъ; какъ Віельгорскій, какъ Станкевичъ».

Но вскорѣ отъ Гоголя стали приходить болѣе успокоительныя вѣсти. «Чудно милостивъ и великъ Богъ,—писалъ онъ Погодину. Я здоровъ, чувствую даже свѣжесть, занимаюсь переправками выправками и даже продолженіемъ «Мертвыхъ душъ». Вижу,что предметъ становится все глубже и глубже. Многое совершилось во мнѣ, въ немногое время, но я не въ силахъ теперь писать о томъ». Въ концѣ песьма онъ проситъ Погодина: «принять во вниманіе, что тотъ, кто созданъ творить, въ глубинѣ души, жить и дышать своими твореніями, тотъ долженъ быть страненъ во многомъ» [2]).

Мягкая римская зима дѣйствовала благотворно на больнаго писателя. Онъ ожилъ, снова увлекся работой, забывая свое стѣсненное положеніе. «Я такъ покоенъ,—писалъ онъ своимъ московскимъ друзьямъ,—что даже не думаю, что у меня нѣтъ ни копѣйки денегъ. Живу кое-какъ въ долгъ. Мнѣ теперь все трынъ-трава. Если только мое свѣжее состояніе продолжится до весны или лѣта, то можетъ быть удастся еще приготовить что-нибудь къ печати, кромѣ перваго тома «Мертвыхъ душъ».

Давно уже Гоголя, кромѣ Россіи, Рима и все болѣе и болѣе поглощавшаго его душевнаго вопроса, ничто не занимало. Къ политической жизни Европы, съ ея парламентскими деба-

---

1) Соч. и Письма Н. В. Гоголя, изд. П. А. Кулиша Спб. 1857 г. т. V, стр. 424 и 425.

2) Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 428.

тами, волненіями и кризисами, онъ былъ совершенно равнодушенъ. Онъ придавалъ весьма мало значанія внѣшнимъ формамъ политической жизни, будучи убѣжденъ, что народная жизнь зиждется на духовныхъ основахъ, а не на этой шумной мишурѣ, съ ея призрачной дѣятельностью.

Даже самъ Римъ пересталъ служить для него предметомъ постояннаго восторженнаго наблюденія, онъ только какъ бы по старой привычкѣ наслаждался его природой и художественными красотами и весь предался своей работѣ. Гоголь въ это время дописывалъ послѣднія главы перваго тома «Мертвыхъ душъ», передѣлывалъ нѣкоторыя сцены «Ревизора» и обработывалъ набѣло свою повѣсть «Шинель», начатую имъ гораздо ранѣе.

Россія и все русское возбуждало въ немъ самый горячій интересъ. Русскихъ, заѣзжавшихъ къ нему въ Римъ, онъ выспрашивалъ о всемъ, что дѣлалось въ Россіи, безъ устали слушалъ разсказы ихъ о всякихъ новостяхъ литературныхъ и не литературныхъ; его интересовали даже журнальныя статьи и всѣ наши вновь появившіеся писатели. Самъ же онъ, въ этотъ періодъ усиленной творческой дѣятельности, почти ничего не читалъ и лишь перечитывалъ Данта, Иліаду, въ переводѣ Гнѣдича, и Пушкина. («Одной хорошей книги въ извѣстную эпоху достаточно для наполненія всей жизни», говорилъ онъ). Въ это время въ немъ возникаетъ серьезное намѣреніе переселиться въ Москву, для окончанія своего труда. Объ этомъ онъ писалъ не только С. Т. Аксакову, но и другимъ своимъ друзьямъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія замѣчательное письмо Гоголя къ другу его юности, А. С. Данилевскому. Въ этомъ письмѣ горячо указывается на необходимость взять въ руки кормило своей жизни, которая «носится безцѣльно и праздно, потому что о другомъ грезитъ дремлющій кормчій, который стремитъ усталый, безсмысленный взоръ на то, что мерещится въ туманной дали, хотя давно уже потерялъ вѣру въ обманчивую даль». Онъ настоятельно и убѣдительно совѣтуетъ своему другу оглянуться вокругъ себя и протереть глаза, бросивъ всякія праздныя мечты. «Неужель

ты не видишь, восколько кругъ дѣйствій въ Семеренькахъ [1]) можетъ быть выше всякой должностной и ничтожно видной жизни, со всѣми удобствами, блестящимъ комфортомъ», и проч. Рекомендуя ему заняться своей деревней и хозяйствомъ, Гоголь краснорѣчиво возстаетъ противъ празднаго скитанья за-границей и пресмыканья по кафе [2]).

Еще ранѣе, въ мартѣ, извѣщая изъ Рима С. Т. Аксакова о предстоящемъ пріѣздѣ осенью въ Москву, Гоголь писалъ ему: «Теперь я вашъ, Москва моя родина, въ началѣ осени прижму васъ къ моей русской груди». Выражая желаніе, чтобы кто-нибудь изъ его московскихъ друзей пріѣхалъ за нимъ. (онъ чувствовалъ по болѣзни какую-то робость возвращаться одинъ). «Мнѣ тягостно теперь заняться дорожными мелочами и хлопотами. Мнѣ нужно теперь спокойствіе и самое счастливое и самое веселое расположеніе духа; меня теперь нужно беречь и лелѣять, не для меня, нѣтъ. Они (т. е. тѣ, кто за нимъ пріѣдетъ) сдѣлаютъ не безполезное дѣло. Они привезутъ съ собой глиняную вазу,—продолжаетъ Гоголь съ свойственнымъ ему юморомъ,—художника, гордаго своимъ творчествомъ. Конечно, эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится, но въ этой вазѣ теперь заключено сокровище» [3]). Вообще въ Гоголѣ обнаруживалось твердое намѣреніе «пожить подольше въ Россіи, узнать тѣ ея стороны, которыя были не такъ ему знакомы [4]).

Къ лѣту 1841 г. первый томъ «Мертвыхъ душъ» былъ готовъ къ печати, и Гоголь, желавшій самъ руководить печатаніемъ, поѣхалъ въ Россію. Его письмо изъ Дрездена къ Н. М.

---

1) Деревня Данилевскаго.

2) Соч. и письма Гоголя, т. V. стр. 446 и слѣд.

3) «Письма» Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 437.

4) «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ» С. Т. Аксакова, стр. 55, см. также письмо къ бывшей ученицѣ М. П. Балабиной. Соч. и письма, т. V, стр. 463.

Языкову (поэту) свидѣтельствуетъ, что онъ уже мечталъ о совмѣстной жизни въ Москвѣ съ послѣднимъ, въ длинномъ московскомъ домѣ, гдѣ бы оба писателя могли замкнуться отъ московскаго шума и надоѣдливости, въ двухъ недоступныхъ кабинетахъ, съ ровной пятнадцати-градусной теплотой.

Но всѣ эти мечты Гоголя не исполнились, ему пришлось поселиться не въ особой квартирѣ съ любезнымъ ему поэтомъ, а у Погодина, который съ утра до вечера пилилъ и мучилъ Гоголя не только словами, но и записками, требуя отъ него статей для своего журнала и укоряя его въ неблагодарности. Въ это время М. П. Погодинъ издавалъ «Москвитянина» (первая книжка котораго вышла въ январѣ 1841 г.) и считалъ врагами не только своими но и отечества всѣхъ тѣхъ, кто отказывался принимать дѣятельное участіе въ его журналѣ и быть ему полезнымъ. Погодинъ, по отзыву его пріятеля С. Т. Аксакова, положительно терзалъ бѣднаго Гоголя, посылая къ нему ежедневно на верхъ, гдѣ поселился Гоголь, записки съ требованіемъ статей для журнала—онъ былъ убѣжденъ, что одолженный имъ Гоголь долженъ отблагодарить его, и приступалъ къ нему безъ всякихъ церемоній, бралъ его чуть не за шиворотъ и говорилъ: «я тебѣ помогъ въ нуждѣ, а теперь ты на меня работай». Такая жизнь сдѣлалась мученіемъ для Гоголя и была единственной причиной скораго отъѣзда его за-границу, говоритъ Аксаковъ [1]).

Во время этого пріѣзда Гоголя (онъ пріѣхалъ въ Москву 18 октября 1841 г.) его московскіе друзья уже нашли въ немъ большую перемѣну, не только наружную (онъ сталъ худѣе и блѣднѣе), но и внутреннюю. По замѣчанію Аксакова,— «въ этотъ годъ послѣдовала сильная перемѣна въ Гоголѣ, не въ отношеніи къ наружности только; тихая покорность волѣ Божіей слышна была въ каждомъ его словѣ: гастрономическаго направленія и прежней проказливости какъ будто не бывало. Иногда, очевидно безъ намѣренія, слышался юморъ и при-

1) «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», стр. 55.

родный его комизмъ; но смѣхъ слушателей, прежде не противный ему или не замѣчаемый имъ, въ настоящее время сейчасъ же заставлялъ его перемѣнить тонъ разговора» (стран. 51 и 52).

Въ это пребываніе Гоголя въ Москвѣ на его нѣжную и воспримчивую натуру удручающимъ образомъ дѣйствовали вынужденное сожительство съ Погодинымъ и грубыя черствыя отношенія послѣдняго. Погодинъ, погруженный въ хлопоты по изданію журнала, успѣхъ котораго не соотвѣтствовалъ его желаніямъ и ожиданіямъ, мрачный и озабоченный, наводилъ уныніе на душу Гоголя, какъ онъ самъ писалъ ему впослѣдствіи, и приводилъ впечатлительнаго художника въ ужасъ. Но сверхъ того Погодинъ, по отзыву совершенно компетентнаго, въ данномъ случаѣ свидѣтеля, Аксакова, своимъ ропотомъ, осужденіями и негодованіемъ мутилъ московскихъ друзей Гоголя, въ особенности же Шевырева и Аксаковыхъ.

Кромѣ того, настроеніе московскаго общества или, точнѣе выражаясь, его литературныхъ и интеллигентныхъ кружковъ замѣтно измѣнилось. Сороковые годы представляютъ несомнѣнно довольно существенный переломъ въ настроеніи и воззрѣніяхъ русскаго общества. Началась и разгорѣлась борьба восточниковъ и западниковъ, при чемъ органомъ первыхъ явился «Москвитянинъ», а органомъ вторыхъ выступили «Отечественныя Записки» Краевскаго. Успѣхъ въ этой борьбѣ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ публики, былъ далеко не на сторонѣ тогдашнихъ московскихъ друзей Гоголя, который ясно видѣлъ ихъ слабыя стороны, тяжеловѣсные пріемы и неприготовленность къ начатой ими борьбѣ съ западниками. Онъ досадовалъ, что Погодинъ наводитъ уныніе на молодежь, которая зачитывалась книжками «Отечественныхъ Записокъ» съ критическими статьями Бѣлинскаго. Эти послѣднія поглощались съ лихорадочнымъ сочувствіемъ, судорожно ожидавшей ихъ появленія молодежью, «со смѣхомъ и спорами, и трехъ, четырехъ вѣрованій и уваженій, какъ писалъ Герценъ въ «Быломъ и думахъ», изображая это время, какъ не бывало».

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, извѣстный кружокъ Станкевича, погруженный въ теоретическое обсужденіе вопросовъ философіи, искусствъ и жизни, распался. Бывшіе члены его раздѣлились на враждебные лагери. Съ одной стороны образовался революціонный кружокъ Герцена, подъ вліяніемъ котораго выводы Гегелевой философіи получили совершенно другую окраску и явились оправданіемъ радикальныхъ ученій, шедшихъ изъ Франціи. Это новое направленіе проводилось съ великимъ усердіемъ и имѣло успѣхъ, благодаря такимъ талантливымъ представителямъ, какъ Герценъ и Бѣлинскій.

Славянофилы (я опять здѣсь имѣю въ виду молодыхъ его представителей—людей втораго поколѣнія), еще бродившіе въ отвлеченностяхъ нѣмецкой философіи, тратили силы и время на словопренія, отвлекавшія ихъ отъ болѣе производительнаго труда. Погодинъ бился какъ рыба объ ледъ, въ поискахъ за сотрудниками для своего журнала, въ которыхъ былъ явный недостатокъ. Вся тяжесть полемики съ «Отечественными Записками» ложилась на плечи одного С. С. Шевырева, которому молодые славянофилы далеко не вполнѣ сочувствовали.

Прославленные сороковые годы являются несомнѣнно довольно смутнымъ временемъ въ исторіи нашего сознанія. Это было къ тому же и печальное время наибольшаго разобщенія между нашей интеллигенціей и правительственною властью. Пушкинъ, пользовавшіся личнымъ расположеніемъ и довѣріемъ Императора Николая Павловича, служилъ живымъ и благотворнымъ звеномъ между мыслящей Россіей и престоломъ. Съ его смертью въ 1837 г. и отъѣздомъ заграницу Жуковскаго и Гоголя, во всѣхъ литературныхъ кружкахъ того времени получило преобладаніе оппозиціонное направленіе. Все, что выдавалось въ области русской мысли и слова, за исключеніемъ немногихъ стоявшихъ какъ бы не у дѣлъ корифеевъ прошлаго, было охвачено струей протеста. Несомнѣнно консервативные, по существу своихъ воззрѣній, славянофилы были увлечены общимъ потокомъ оппозиціоннаго духа, чему нагляднымъ при-

мѣромъ могутъ служить недавно изданныя письма И. С. Аксакова къ отцу.

При такомъ настроеніи общественнаго мнѣнія въ *сороковыхъ годахъ*, книга Гоголя, шедшая противъ современнаго теченія, могла вызвать взрывъ, раздраженіе со стороны однихъ и негодованіе со стороны другихъ, хотя ея содержаніе, съ которымъ мы познакомимъ теперь нашихъ читателей, служитъ самымъ полновѣснымъ опроверженіемъ неистовой критики, которая была ею вызвана.

Достойно вниманія, что Гоголь, за десять лѣтъ передъ тѣмъ подвергшійся ожесточеннымъ нападеніямъ, со стороны отсталыхъ представителей русскаго общества, за своего «Ревизора», въ 1847 г., т. е. съ небольшимъ десять лѣтъ спустя, вызвалъ противъ себя еще болѣе жестокую бурю, со стороны наиболѣе его передовыхъ представителей, другимъ произведеніемъ своего пера «Выбранными мѣстами изъ «*Переписки съ друзьями*».

При этомъ трудно даже сказать, которые изъ противниковъ Гоголя,—прежніе или новые, обнаружили болѣе нетерпимости и узкаго пониманія предмета и отношеній къ нему автора. Причину этого печальнаго недоразумѣнія обыкновенно относятъ къ такъ называемому *перелому* въ направленіи Гоголя, обвиняя его въ томъ, что онъ путемъ тяжелаго душевнаго воспитанія и самоанализа достигъ такого высокаго настроенія, которое несовмѣстимо съ тѣлесной оболочкой человѣка. Такимъ образомъ оказывается, что Гоголь провинился въ слишкомъ высокомъ настроеніи своего духа. Это объясненіе, хотя и довольно странное, ближе къ истинѣ, чѣмъ злая клевета, злобно объяснявшая дѣло разстройствомъ умственныхъ способностей Гоголя, въ послѣдніе годы его жизни. Она достаточно опровергается всѣми знавшими Гоголя и видѣвшими его въ Москвѣ передъ смертью, не исключая враждебно расположеннаго къ его книгѣ И. С. Тургенева. Дѣйствительно поучительное и назидательное слово, обращенное авторомъ «Мертвыхъ душъ» къ Россіи, въ книгѣ, подъ заглавіемъ

*

«*Переписка съ друзьями*», раздражило многихъ, въ силу слишкомъ высокаго настроенія ея автора. Русское общество сороковыхъ годовъ жаждало всякаго прогресса, кромѣ того, который былъ указанъ въ этой книгѣ. Оно пришло въ смущеніе и раздраженіе, когда любимый и авторитетный писатель, со всей силой горячаго убѣжденія, указалъ ему, что въ основѣ всякаго серьезнаго общественнаго воспитанія и развитія должно лежать стремленіе къ нравственному и духовному совершенствованію природы человѣка, передъ которымъ все остальное не болѣе, какъ пыль. Такое ученіе уже не удивляетъ теперь, но полъ вѣка тому назадъ, такая мысль была признана вредной ересью, со стороны друзей прогресса, прискорбнымъ заблужденіемъ разстроеннаго ума.

Такимъ образомъ книга Гоголя, которую объявили плодомъ его крайней отсталости, какъ оказывается, значительно опередила свое время. Въ этомъ едва-ли не главная причина недоразумѣній, возникшихъ по поводу ея въ нашемъ обществѣ и печати, недоразумѣній, тяжело и болѣзненно отозвавшихся на дальнѣйшей литературной дѣятельности нашего великаго писателя.

IV.

Сороковые года принято называть «замѣчательнымъ десятилѣтіемъ», оно дѣйствительно отмѣчено извѣстнымъ переломомъ въ умственной жизни нашего общества, надлежащая оцѣнка котораго еще не сдѣлана.

Герценъ привѣтствуетъ сороковые года, какъ время пробужденія спавшей русской мысли, потокъ, который, по его словамъ, былъ пріостановленъ двадцать пятымъ годомъ. Тридцатые годы (т. е. періодъ наиболѣе зрѣлой дѣятельности Пушкина) онъ называетъ «мертвой полосой и гладко выбитымъ

пустыремъ». Этотъ тенденціозный и натянутый отзывъ, впрочемъ, понятный въ устахъ такого трубадура революціонныхъ идей, какимъ является авторъ «Былаго и Думъ», довольно характеренъ. Онъ объясняетъ горячіе панегирики его завзятыхъ хвалителей, которые не безъ основанія видятъ въ сороковыхъ годахъ начало протеста и оппозиціи существующему порядку.

Покойный П. К. Щебальскій, въ своей любопытной статьѣ *«Глава изъ исторіи русской литературы»* [1]) говоритъ, что наша литература, въ концѣ сороковыхъ годовъ, стала окрашиваться извѣстнымъ оттѣнкомъ соціально-атеистической пропаганды, получившей ходъ не только въ столицахъ, но и въ провинціи, изъ всѣхъ концовъ которой юные революціонеры (т. е. петрашевцы) присылали вѣсти, «что-де всѣ порядочные люди съ нами», сочувствіе полное, «предержащія власти ненавидимы». Въ подтвержденіе такого заключенія о революціонной пропагандѣ, г. Щебальскій ссылается на показанія привлеченныхъ къ извѣстному дѣлу Петрашевскаго и признанія покойнаго Ѳ. М. Достоевскаго, посвященнаго въ тайны революціонной партіи того времени, увлеченія которой онъ искупилъ дорогой цѣной [2]). Въ этотъ-то моментъ расцвѣта самыхъ розовыхъ надеждъ на успѣхъ пропаганды, долженствовавшей обновить міръ ученіемъ атеизма и грядущаго коммунистическаго строя общества, продолжаетъ Щебальскій, появилась книга Гоголя, подъ заглавіемъ *«Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями»*, проповѣдывавшая не только христіанство, но и ортодоксальное православіе, проповѣдывавшая повиновеніе предержащимъ властямъ и смиреніе, указывавшая на нравственное совершенствованіе, какъ на единственно вѣрный путь къ прогрессу и возможному для человѣчества счастью.

Хотя успѣхъ пропаганды, которымъ хвалились, въ своихъ письмахъ, юные революціонеры, былъ скорѣе воображаемый,

---

[1]) «Русск. Вѣстникъ» за 1884 г. № 12.

[2]) См. соч. Достоевскаго, т. X.

чѣмъ дѣйствительный, но онъ раздувалъ революціонный фанатизмъ не только въ молодежи, которая, по словамъ одного юнаго энтузіаста, увлеченнаго имъ, «скорѣй готова отказаться отъ сапогъ, нежели отъ книжекъ французскихъ соціалистовъ, излагавшихъ ученіе Фурье, но и въ людяхъ болѣе зрѣлыхъ». Такъ, напр., Бѣлинскій въ своемъ извѣстномъ заграничномъ письмѣ къ Гоголю, тономъ полнаго убѣжденья серьезно доказывалъ, что Россія страна революціонная по преимуществу и что русскій народъ глубоко атеистиченъ, по своей натурѣ. «Что же касается нашей интеллигенціи, писалъ онъ въ томъ же письмѣ, то образованные русскіе—самые свободные люди, мы несравненно дальше пошли въ отрицаніи, чѣмъ, напр., французы», съ восторгомъ объяснялъ Бѣлинскій.

Конечно, далеко не вся русская интеллигенція того времени раздѣляла взгляды Герцена и Бѣлинскаго; какъ извѣстно, уже сформировавшійся, въ началѣ сороковыхъ годовъ, кружокъ московскихъ славянофиловъ рѣшительно расходился съ ними въ мнѣніяхъ. Но молодое поколѣніе славянофиловъ, согласно признанію одного изъ наиболѣе крупныхъ его представителей, проходило тогда весь кругъ философскаго отрицанія.

Въ высшей степени любопытно письмо Ю. Ф. Самарина къ Гоголю (это письмо, помѣченное 1846 г., напечатано г. Шенрокомъ въ «Рус. Старинѣ» [1]). Въ немъ Самаринъ, обращаясь къ Гоголю, какъ духовному руководителю и наставнику, излагаетъ съ полной откровенностью исповѣдь душевнаго настроенія мыслящей молодежи того времени. «Болѣзнь моя,— писалъ Самаринъ, принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ въ наше время, хотя врачеваніе противъ нея не найдено: это одностороннее развитіе ума, погасившее чувство вѣры

---

[1]) 1889 г. Іюльская книжка. Первоначально это письмо Самарина было напечатано въ «Русскомъ Архивѣ», за 1880 г. № 2, но съ несовсѣмъ точной копіи. Г-нъ Шенрокъ исправилъ его по подлиннику, принадлежащему наслѣдникамъ Гоголя.

и подорвавшее волю; цѣльность нравственнаго бытія, согласіе душевныхъ силъ и способностей нарушены во мнѣ исключительнымъ преобладаніемъ быстро и уединенно развившейся мысли и усыпленіемъ другихъ способностей. Я думаю, говорю, защищаю на словахъ одно, а на дѣлѣ покоряюсь другому; у меня есть убѣжденія, но нѣтъ ни вѣры, ни любви. Я это сознаю и не страдаю отъ этого; я живу довольно спокойно, я могу позабывать, что половина моей души отсохла и онѣмѣла. Я знаю, какъ это случилось. Въ дѣтствѣ и первой молодости моей, я жилъ, какъ и всѣ, цѣльной и полной жизнью. Все, что уважали и чему поклонялись въ семейномъ кругу моемъ, казалось мнѣ естественнымъ, неприкосновеннымъ и святымъ, съ каждымъ новымъ понятіемъ, пріобрѣтаемымъ мною, измѣнялась настроенность души моей; одно религіозно-нравственное мѣрило служило мнѣ для повѣрки всякаго моего поступка и всякой мысли, такъ что малѣйшее отступленіе отъ него, даже невольный соблазнъ, даже дерзкое слово, не мною сказанное, но услышанное, наполняло меня раскаяніемъ. Изъ этого первобытнаго состоянія я вышелъ не самъ собой, не вслѣдствіе внутренняго побужденія, а вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, и потому, кажется мнѣ, вышелъ изъ него преждевременно. Случайно попались мнѣ въ руки нѣкоторыя произведенія современной французской литературы; я помню, какъ сильно они потрясли меня. Горделивое возстаніе личнаго духа противъ міроваго порядка предстало мнѣ въ идеальномъ образѣ современной поэзіи; его неотразимый образъ плѣнилъ меня».

Такое настроеніе одного изъ наиболѣе видныхъ представителей мыслящей молодежи [1]) объясняетъ успѣхъ, съ какимъ упразднялись въ ея умахъ и сердцахъ вѣрованія и убѣжденія, вынесенныя изъ семейнаго быта. При этомъ считаемъ не лиш-

---

[1]) А. О. Смирнова, познакомившись осенью 1844 г. въ Петербургѣ съ Самаринымъ, называла его «жемчужиной нашей молодежи» (см. письмо его отъ 3 ноября, этого года къ Гоголю, «Русская Старина», 1888 года, № 10).

нимъ сослаться на Герцена, который, потирая руки, свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ дѣйствіи въ этомъ отношеніи статей Бѣлинскаго. «Студенты,—говоритъ онъ,—нетерпѣливо ожидали въ кофейняхъ появленія книжки «Отечественныхъ Записокъ», со статьей Бѣлинскаго, которая, немедленно по выходѣ, поглощалась съ лихорадочнымъ сочувствіемъ, со смѣхомъ и спорами... и трехъ-четырехъ вѣрованій и уваженій какъ не бывало». («Былое и Думы», часть четвертая. Соч. Герцена; заграничн. изданіе, стр. 136).

«Мы еще задолго до революціи 1848 года,—говоритъ Ѳ. М. Достоевскій, про молодежь того времени,—были охвачены вліяніемъ ея идей. Я уже съ 1846 года былъ посвященъ во всю правду этого грядущаго міра, во всю святость будущаго коммунистическаго строя еще Бѣлинскимъ» [1]). Далѣе, указывая, какъ въ тогдашней молодежи зрѣли сѣмена для будущихъ нечаевцевъ, Достоевскій замѣчаетъ: «Нечаевымъ я, вѣроятно, не могъ бы сдѣлаться никогда, но нечаевцемъ, не ручаюсь, можетъ быть и могъ бы... во дни моей юности» [2]).

Въ настроеніи русскаго общества сороковыхъ годовъ очевидно происходилъ извѣстный переломъ, подъ вліяніемъ идей, шедшихъ съ Запада. Этотъ переломъ однако пропускается безъ вниманія біографами Гоголя, которые, объясняя недоразумѣнія, возникшія между авторомъ «Переписки» и читающей публикой, останавливаются исключительно на перемѣнѣ въ воззрѣніяхъ самого Гоголя: онъ-де вдался въ мистицизмъ который вызвалъ общее и естественное неудовольствіе во всѣхъ здравомыслящихъ людяхъ. Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ, предоставляемъ судить читателямъ, — познакомивъ ихъ въ концѣ настоящаго очерка съ содержаніемъ «Переписки съ друзьями».

Пока ограничимся замѣчаніемъ, что упрекъ въ мистицизмѣ,

---

[1]) II. Собр. Соч. Достоевскаго, т. X. «Одна изъ современныхъ фальшей», стр. 148 160.

[2]) Тамъ же, стр. 153.

по своей крайней неопредѣленности, былъ довольно ловкимъ пріемомъ, чтобы смутить людей благомыслящихъ, но торопливыхъ въ своихъ заключеніяхъ. Книга Гоголя дѣйствительно проникнута глубоко-религіознымъ чувствомъ; она была нужна русскому обществу, ибо заключала въ себѣ немало здравыхъ, глубокихъ и благихъ совѣтовъ, указывая ему надежную пристань отъ обуревавшихъ его сомнѣній и лжеумствованій.

Воззрѣнія Гоголя естественно должны были вызвать раздраженіе въ западникахъ, въ родѣ Герцена и Бѣлинскаго, желавшихъ замѣнить то, что они называли религіей смерти, т. е. христіанство, съ его ученіемъ о достоинствѣ и доблести воздержанія и самоотреченія, религіею человѣческаго тѣла, съ культомъ удовлетворенія плотскихъ вожделѣній.

Герценъ и его кружокъ, которому тогда подчинился Бѣлинскій, проповѣдывалъ, какъ извѣстно, полное отрицаніе христіанской нравственности, предлагая замѣнить устарѣвшіе, по его мнѣнію, догматы послѣдней—новой религіей, построенной на извѣстной книгѣ Фейрбаха «Сущность христіанства» («Wesen des Cristenthums») съ примѣсью доктринъ Сенъ-Симона и Жоржъ-Занда о свободѣ половыхъ отношеній и благахъ коммунистическаго общества, въ которомъ съ человѣческихъ страстей снималась нравственная узда и удовлетвореніе ихъ даже рекомендовалось въ качествѣ добродѣтели, санкціонированной новой, естественной моралью. Воспоминанія Герцена, т. е. «Былое и Думы», могутъ служить любопытнымъ комментаріемъ, для характеристики духа и направленія этой новой религіи и морали, стремившихся замѣнить ученіе объ умерщвленіи плоти религіей жизни тѣла - въ нихъ заключается не мало откровенныхъ и цѣнныхъ признаній по этой части.

Несмотря на строгость господствовавшаго тогда порядка, эти новыя доктрины, подрывавшія основы общественнаго строя—религію, семью, собственность, патріотизмъ, пропагандировались съ немалымъ успѣхомъ. Въ замаскированной формѣ онѣ проводились и въ печати, которая, въ лицѣ своихъ передовыхъ дѣятелей, по мѣрѣ возможности осмѣивала россійскій

патріотизмъ. Слово, «рассейскій» было изобрѣтено и введено Бѣлинскимъ, который, какъ это видно изъ его интимной переписки, пока только отчасти опубликованной, ставилъ руководящимъ принципомъ для всѣхъ просвѣщенныхъ друзей прогресса «возбужденіе ненависти къ гнусной рассейской дѣйствительности».

«Пора, писалъ онъ въ это время, — освободить личность человѣческую отъ гнусныхъ сковъ неразумной дѣйствительности».

Руководимая Герценомъ и Бѣлинскимъ печать, въ условной формѣ, искусно прикрывавшей содержаніе проводимыхъ идей, осмѣивала всѣ начала нашего общественнаго и государственнаго строя, а лежащія въ основѣ ихъ правила христіанской нравственности выдавала за затхлую ветошь, противную требованіямъ естественной морали. Эта пропаганда, недосказанная и только сквозившая въ печати, въ виду цензурныхъ условій, комментировалась и дополнялась путемъ устныхъ сношеній и кружковыхъ словопреній. По отзыву Достоевскаго, вполнѣ компетентнаго свидѣтеля и очевидца и даже, въ то время, участника этой пропаганды, она «овладѣвала сердцами и умами молодежи, во имя какого-то великодушія, такъ какъ проповѣдь о презрѣніи къ отечеству прикрывалась идеей всеобщаго братства народовъ, а христіанская религія, семья и собственность отвергались въ качествѣ, будто-бы, осужденныхъ наукой и исторіей, понятій, во имя идеи прогресса».

Буря, поднятая противъ книги Гоголя представителями такого образа мыслей, понятна; но противъ его «Переписки съ друзьями», съ великимъ раздраженіемъ возстали и люди другаго направленія, имѣвшіе съ первымъ мало общаго, напр. славянофилы Аксаковы (впрочемъ И. С. Аксаковъ въ этомъ случаѣ не вполнѣ раздѣлялъ увлеченія отца и брата) и умѣренные либералы изъ западниковъ, вскорѣ выступившіе въ роли консерваторовъ (Н. Ф. Павловъ и др.).

Произошло это отчасти по недоразумѣнію, вслѣдствіе торопливости въ мысляхъ и заключеніяхъ, отчасти вслѣдствіе увле-

ченія господствовавшимъ духомъ времени и, наконецъ, по винѣ самого Гоголя, избравшаго не совсѣмъ удачно форму для выраженія своихъ мыслей.

Самъ Гоголь скоро убѣдился въ этой ошибкѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ его письмо къ Жуковскому, въ которомъ онъ сознается, что его дѣло «говорить живыми образами, а не разсужденіями» [1]). Высказавъ въ своей «Перепискѣ» то, что было нужно русскому обществу, Гоголь сказалъ это не такъ, какъ было нужно, по справедливому замѣчанію П. К. Щебальскаго.

Для надлежащаго освѣщенія этой стороны вопроса, считаемъ не лишнимъ остановиться на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ личной жизни нашего великаго писателя, предшествовавшихъ изданію книги, и объяснить его къ ней отношенія.

V.

Въ маѣ 1842 года Гоголь уѣхалъ изъ Россіи скорѣе, чѣмъ предполагалъ, удрученный личными отношеніями, о которыхъ было упомянуто выше оглушенный отвлеченными и шумными словопреніями, безтолковой расноголосицей и суетливой торопливостью заключеній, плодившихъ безконечные споры.— которые онъ такъ мѣтко охарактеризовалъ въ своей «Перепискѣ» [2]), въ различныхъ кружкахъ нашей скороспѣлой интеллигенціи и ея литературныхъ углахъ. «Когда приглядываешься

---

[1]) Изъ Неаполя, 29 декабря 1847 г. Это замѣчательное письмо Гоголя, находящееся въ рукописномъ отдѣлѣ Императорской публичной библіотеки, опубликовано недавно, въ статьѣ П. А. Бычкова «Неизданныя письма Гоголя и Жуковскаго». «Русскій Вѣст.» за 1888 г. № 11.

[2]) «Выборныя мѣста изъ переписки съ друзьями», статья подъ заглавіемъ «Споры».

болѣе, чѣмъ слѣдуетъ,—писалъ Гоголь, изъ Дюссельдорфа, отъ 20 сентября 1842 г. С. С. Шевыреву,—въ этомъ кругу зло представляется огромнымъ и какъ будто обнимающимъ всю область литературы, но какъ выберешься, хотя на мигъ изъ этого круга и войдешь на мгновеніе въ себя, увидишь, что это такой ничтожный уголокъ, что о немъ даже помышлять не слѣдуетъ. Вблизи, когда побудешь съ ними, мало ли чего не вообразится? покажется даже, что это вліяніе страшно для будущаго, для юности, для воспитанія, а какъ взглянешь съ мѣста повыше, увидишь, что все это на минуту, все подъ вліяніемъ моды». «Человѣку, рожденному съ силами большими, слѣдуетъ, прежде чѣмъ сразиться съ міромъ, глубоко воспитать себя. Если же онъ будетъ принимать къ себѣ все современное, онъ выйдетъ изъ состоянія душевнаго спокойствія, безъ котораго невозможно наше воспитаніе». «Итакъ, мнѣ кажется,—писалъ Гоголь въ заключеніе,—современная журнальная литература должна производить въ разумномъ скорѣе равнодушіе къ ней, чѣмъ какое-либо сердечное огорченіе. Это плошка, которая не только подчасъ плохо горитъ, но даже еще и воняетъ». Сознавая высокое призваніе писателя блюсти священный огонь истины для людей, крутящихся въ хороводѣ современной суеты, потому что они могутъ наконецъ обратиться на мѣсто, гдѣ огни истины, и должны найти на своихъ мѣстахъ ея блюстителей, съ огнями пылающими полнымъ свѣтомъ. «Горе поставленнымъ стоять недвижно у этихъ священныхъ огней, если они увлекутся общимъ движеніемъ, хотя бы даже съ тѣмъ, чтобы образумить тѣхъ, которые мчатся». «Не опроверженіемъ минутнаго, а утвержденіемъ вѣчнаго должны заниматься многіе, которымъ Богъ далъ не общіе всѣмъ дары» [1]).

---

[1]) См. «Рус. Стар.» за 1875 г. кн. IX «*Неизданныя письма Гоголя*», т. е. не вошедшія въ собраніе его писемъ П. Кулиша, они были доставлены редакціи „Русск. Старины“ сыномъ покойнаго проф. Шевырева и напечатаны въ трехъ книжкахъ (сентябрь, октябрь и декабрь) этого журнала, за 1875 г. съ крайне тенденціознымъ предисловіемъ О. Ѳ. Миллера, увлечен-

Выработавъ себѣ такой взглядъ на обязанности писателя, Гоголь горячо принялся за свое душевное воспитаніе, чтобы свѣтильникъ его духа горѣлъ чистымъ и яснымъ пламенемъ. Онъ всецѣло предался этой задачѣ. Удрученный физическими недугами, особенно тяготившими его въ этотъ періодъ жизни, Гоголь съ величайшимъ рвеніемъ принялся за трудное дѣло духовнаго самовоспитанія. Видя недостатки своего школьнаго образованія, Гоголь усердно занялся восполненіемъ ихъ путемъ серьезнаго чтенія. Изъ его писемъ, изданныхъ Кулишомъ, а также обнародованныхъ послѣ и, наконецъ, посмертной «Исповѣди» Гоголя, мы видимъ, какъ много онъ работалъ надъ собой, погрузившись во всестороннее изученіе души человѣка. «Все, гдѣ только выражалось познаніе людей и души человѣка, отъ исповѣди свѣтскаго человѣка до исповѣди анахорета и пустынника, меня занимало, говоритъ онъ въ своей «Исповѣди», (собр. соч., десятое изд. т. IV, стр. 253, «Авторская исповѣдь»). Я получилъ въ школѣ, — говоритъ онъ далѣе, въ той же «Исповѣди», — воспитаніе довольно плохое, и потому не мудрено, что мысль объ ученіи пришла мнѣ въ зрѣломъ возрастѣ. Я началъ съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать, скрывая всѣ свои занятія [1]). Въ этихъ сло-

---

наго желаніемъ «снять Гоголя съ тѣхъ подмостковъ, на которыхъ его громоздили». Покойный проф. О. Ѳ. Миллеръ былъ увлеченъ тогда идеей освобожденія русскаго общества отъ культа великихъ людей и рабскаго ихъ почитанія. Ради этой тенденціи онъ счелъ своимъ долгомъ обрушиться и на Гоголя

[1]) Это признаніе Гоголя вслѣдъ за опубликованіемъ его записки, найденной въ его бумагахъ послѣ смерти и названной Шевыревымъ «Авторскою исповѣдью», въ извѣстномъ томѣ посмертныхъ сочиненій Гоголя, изданныхъ въ Москвѣ въ 1855 г., дало поводъ многимъ писавшимъ о Гоголѣ (Чернышевскій, Пыпинъ, Скабичевскій, Миллеръ и даже новѣйшій біографъ Гоголя г. Шенрокъ) неустанно повторять объ умственной несостоятельности Гоголя, какъ человѣка малообразованнаго. Авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» не былъ да и не могъ быть такимъ Извѣстно, что Гоголь, познакомившись съ Пушкинымъ, въ 1831 году, постоянно расширялъ кругъ своего образованія.

вахъ очевидна значительная доля преувеличенія, вслѣдствіи свойственной Гоголю склонности къ самообличенію, но они свидѣтельствуютъ, какъ серьезно взялся онъ на этотъ разъ за свое воспитаніе, надъ которымъ приходилось работать, впрочемъ, не одному Гоголю, а всѣмъ выдающимся русскимъ людямъ, которые вообще выходили мало подготовленными изъ школы.

Русская мысль, отторванная отъ своей исторической почвы ходомъ нашего развитія, испытывала тогда какую-то тревожную пустоту (это чувствовали не только московскіе славянофилы, сознаніе ея мелькало и въ самомъ Бѣлинскомъ, какъ это видно изъ одного письма его къ Боткину, въ іюнѣ 1841 г. а также его весьма замѣчательнаго письма изъ П-бурга въ декабрѣ 1847 г. къ Анненкову) [1]), и потому болѣзненно металась подъ вліяніемъ вѣяній, шедшихъ съ запада. Было довольно удачно замѣчено, что русскіе люди изъ интеллигенціи искали тогда самихъ себя, т. е. какихъ-нибудь устоевъ, необходимыхъ для самостоятельной мысли и дѣятельности. Среди этихъ самоищущихъ людей Гоголь, въ своихъ поискахъ за нормальнымъ русскимъ человѣкомъ, необходимымъ ему для продолженія «Мертвыхъ душъ», естественно наткнулся на вопросъ о духовномъ мірѣ самобытнаго русскаго человѣка, понимая, что безъ духовной самобытности никакая другая не возможна.

Этотъ сложный вопросъ на долго поглотилъ вниманіе и всѣ душевныя силы Гоголя, и привлекъ его къ изученію тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась духовная стихія нашей народной жизни. Онъ взглянулъ на этотъ вопросъ глубоко и принялся за творенія «Отцовъ и учителей церкви», видя, что наше народное міровоззрѣніе тѣсно связано съ православной церковью. Гоголю казалось, что душа русскаго человѣка, сохранившаго свою историческую самобытность, раскрывается только

1) Это письмо помѣщено въ изд. 1892 года книгѣ, подъ заглавіемъ «П. В. Анненковъ и его друзья» стр. 599—607, въ немъ любопытенъ желчный и рѣзкій отзывъ Бѣлинскаго о Шевченкѣ и Кулишѣ—я питаю личную вражду говоритъ Бѣлинскій, къ такого рода либераламъ и хохлацкимъ радикаламъ, которыхъ онъ называетъ ослами и пошлецами стр. 604.

въ этомъ направленіи, и здѣсь только можно найти проявленіе ея лучшихъ качествъ. Эту мысль впослѣдствіи выразилъ извѣстный критикъ А. Григорьевъ, говоря, что нашъ народный идеалъ — это святой, другимъ идеаломъ русскій человѣкъ не удовлетворяется.

Гоголь познакомился съ твореніями вселенскихъ учителей Восточной церкви въ переводѣ на русскій языкъ, по извѣстному изданію Московской духовной академіи, но кромѣ того онъ охотно читалъ духовныя поученія наставниковъ иночества, посвятившихъ себя пустынной жизни отшельниковъ (Діонисія Ареопагита Ефрема Сирина и др.). Извѣстная въ монашескомъ быту книга «Добротолюбіе» сдѣлалась его любимымъ чтеніемъ—въ ней онъ находилъ глубокое пониманіе души человѣческой и обширный матеріалъ изъ области духовнаго самонаблюденія и опыта, а также перечитывалъ произведенія нашихъ церковныхъ писателей (Дмитрія Ростовскаго, Тихона Задонскаго) и западныхъ богослововъ—Ѳомы Кемпійскаго и Босюэта. Извѣстная книга перваго «Подражаніе Христу» [1]) произвела сильное впечатлѣніе на Гоголя. Онъ розослалъ ее въ началѣ 1844 г. въ видѣ новогодняго подарка своимъ московскимъ друзьямъ (С. Т. Аксакову, Шевыреву, Погодину и Языкову), въ качествѣ средства отъ душевныхъ тревогъ, рекомендуя прочитывать изъ нея по одной главѣ въ утренній часъ, передъ началомъ дневныхъ заботъ. Эта книга и совѣты Гоголя, какъ ее читать, сильно взволновали Аксакова—онъ отвѣчалъ только два мѣсяца спустя и тѣмъ не менѣе въ возбужденномъ настроеніи. Письмо Аксакова въ высшей степени любопытно. Оно начинается тономъ раздраженія и упрека. «Я тогда читалъ Ѳому Кемпійскаго, когда вы еще не родились,—писалъ Аксаковъ,—и вдругъ вы

---

[1]) Это произведеніе западнаго богослова почитается и нашей церковью; одинъ изъ переводовъ ея на русскій языкъ сдѣланъ оберъ-прокуроромъ Св. Сунода К. П. Побѣдоносцевымъ, чтеніе этой книги рекомендуется и нашими церковными пастырями.

меня сажаетъ, какъ мальчика, за это чтеніе, нисколько не знавъ моихъ убѣжденій, да какъ еще? въ узаконенное время, послѣ кофею и раздѣляя чтеніе на главы, какъ на уроки... И смѣшно и досадно. Я боюсь какъ огня мистицизма, а мнѣ кажется, онъ какъ-то проглядываетъ у васъ... Терпѣть не могу нравственныхъ рецептовъ, ничего похожаго на вѣру въ талисманы. Вы ходите по лезвію ножа! Дрожу, чтобы не пострадалъ художникъ!.. Чтобы творческая сила не охладѣла отъ умственнаго напряженія отшельника». Таково начало письма, оно обнаруживаетъ сильное возбужденіе и раздраженіе человѣка, извѣстнаго своимъ благодушіемъ, который какъ будто обидѣлся менторствомъ Гоголя. Оно даетъ поводъ сказать, вотъ до чего доходила претензія Гоголя на роль моралиста: онъ взбѣсилъ своими совѣтами даже такого добраго человѣка и друга, какъ Аксаковъ. Но конецъ письма вовсе не соотвѣтствуетъ началу и объясняетъ совершенно иначе раздраженіе автора письма. «Вижу, какъ жалки всѣ мои возраженія, — писалъ Аксаковъ въ томъ же письмѣ, — не имѣющія даже достоинства искренности». Онъ признается, что его разсердило то, что Гоголь поднялъ въ душѣ его вопросы, которые, какъ ему казалось, давно сданы въ архивъ. «Я лгу, говоря, что не понимаю высокой стороны такого направленія (т. е. того, которое открывалось въ книгѣ о «Подражаніи Христу»). Я понималъ его всегда, особенно въ молодости, но оно только скользило по моей душѣ. Лѣнь, слабость воли, легкомысліе, живость и непостоянство характера, разнообразныя страстишки заставляли меня зажмуривать глаза и бѣжать прочь отъ ослѣпительнаго блеска, всегда лежащаго въ глубинѣ духа мыслящаго человѣка. Я надувалъ самъ себя, чтобы жить спустя рукава». Такимъ образомъ Аксаковъ самъ со свойственнымъ ему прямодушіемъ объясняетъ причину своего раздраженія — присланная Гоголемъ книга и его совѣты разбудили въ Аксаковѣ его собственные духовные порывы и стремленія, которые заплыли всякой дрянью, которая, какъ онъ самъ писалъ, вошла въ составъ его организма... «Мнѣ больно, когда ее трогаютъ. Вотъ вамъ, милый другъ, — говоритъ онъ въ за-

ключеніе, — состояніе моей души. О томъ уже поздно. Оставимъ это дѣло навсегда» [1]).

«Однимъ словомъ—«я сплю, мнѣ сладко усыпленье», обычный, хотя и съ рѣдкой искренностью выраженный отвѣтъ человѣческой немощи на призывъ къ подъему духа. Гоголь, относившійся къ вопросамъ своей духовной жизни серьезнѣе и строже, не думалъ искать успокоенія въ жизни спустя рукава. Онъ не жмурилъ глазъ, отворачиваясь отъ ослѣпительнаго блеска христіанскихъ идеаловъ жизни, лежавшихъ въ глубинѣ его духа, а мужественно усвоивалъ эти идеалы не только сердцемъ, но и разумомъ, что́ не замедлило выразиться въ несомнѣнномъ вліяніи его на многихъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ находился въ личныхъ сношеніяхъ и перепискѣ. Это вліяніе создалось независимо отъ громкой славы его прежнихъ литературныхъ произведеній. Въ Римѣ, Ниццѣ, Остендѣ—вездѣ, куда врачи посылали въ это время для поправленія силъ больнаго писателя, онъ встрѣчалъ русскихъ, особенно женщинъ, жаждавшихъ вѣры, надежды и любви и которыя, за неумѣніемъ найти ихъ въ своей церкви (какъ Свѣчина и кн. Волконская), попадали въ руки католическихъ аббатовъ. Въ Гоголѣ онѣ находили наставника и руководителя.

Имѣются указанія, что пріятельница Гоголя, А. О. Смирнова, также подверглась этой опасности, подчинившись временно вліянію проповѣдниковъ католицизма [2]). Она преодолѣла эти искушенія, оставшись вѣрной православной церкви. Напрасно и совершенно неосновательно утверждаютъ многіе, что Гоголь, вращаясь за границей, среди скучающихъ свѣтскихъ дамъ, исключительно ими былъ вовлеченъ въ роль духовнаго

---

[1]) Письмо С. Т. Аксакова къ Гоголю отъ 17 Апрѣля 44 г. «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», стр. 127—129.

[2]) Познакомившись, за границей, съ сыномъ извѣстнаго Жозефа де-Местра, она одно время увлеклась католицизмомъ и впослѣдствіи признавала, что обязана многимъ Гоголю, который удержалъ ее отъ этихъ увлеченій, тѣмъ болѣе что ея знакомая, извѣстная кн. Зинаида Волконская, въ это время приняла католическую вѣру и усердно пропагандировала ее.

моралиста и свѣтскаго совѣтника по душевнымъ дѣламъ. Къ Гоголю, какъ духовному наставнику и руководителю, обращались и такіе люди, какъ Самаринъ (см. вышеуказанное письмо въ «Русской Старинѣ»), да и письмо Аксакова, противъ воли и желанія писавшаго, указываетъ на компетентность Гоголя въ этихъ вопросахъ.

Все это располагало Гоголя къ убѣжденію, что его новая дѣятельность, плодъ тяжелаго и труднаго процесса духовнаго воспитанія, полезнѣе для общества, чѣмъ его прежняя литературная дѣятельность. Ставя себѣ задачей устремленіе общества къ прекрасному, для чего съ такой яркостью и силой онъ и показывалъ всю глубину мерзости мертвыхъ душъ, (т. е. лишенныхъ духовнаго свѣта), изображеніе пошлости которыхъ и составляетъ первую ступень, или часть его поэмы.—Гоголь предался съ величайшимъ рвеніемъ личной перепискѣ съ друзьями и знакомыми и даже незнакомыми, обращавшимися къ нему за совѣтами и искавшими у него средствъ и помощи отъ душевныхъ тревогъ.

Отвлекаясь этого рода дѣятельностью отъ своего великаго литературнаго труда (т. е. «Мертвыя души»), Гоголь однако вовсе не думалъ оставлять его. Удручаемый недугомъ, утомленный своей внутренней работой, онъ продолжалъ свою поэму съ великими усиліями, постоянно принуждая себя къ работѣ, въ которой продолжалъ видѣть цѣль своей жизни, часто жалуясь на совершенное изнуреніе силъ. 1845-й годъ былъ очень тяжелъ для Гоголя, онъ снова вынесъ трудную болѣзнь. Душа его изнемогала отъ страшной хандры, которую принесла болѣзнь. «Одно только чудо Божіе можетъ спасти меня, — писалъ онъ въ это время. Силы исчерпаны». Въ іюлѣ этого года онъ сжегъ первую редакцію второй части «Мертвыхъ душъ», которую незадолго передъ тѣмъ кончилъ [1]). Взыскательный и строгій къ себѣ художникъ былъ недоволенъ своимъ произведеніемъ;

[1]) Время перваго сожженія второй части «Мертвыхъ душъ» довольно точно установлено Н. С. Тихонравовымъ, въ примѣчаніяхъ къ изданному подъ его редакціей «Собранію сочиненій Гоголя».

причина этого недовольства весьма обстоятельно разъяснена самимъ Гоголемъ въ его «Перепискѣ съ друзьями» (см. четвертое его письмо къ разнымъ лицамъ, по поводу «*Мертвыхъ душъ*»). «Не легко, — говоритъ Гоголь въ этомъ письмѣ, — сжечь пятилѣтній трудъ, производимый съ такимъ болѣзненнымъ напряженіемъ, гдѣ всякая строка досталась потрясеніемъ, гдѣ было много такого, что составляло лучшія помышленія и занимало мою душу. Но все было сожжено и притомъ въ ту минуту, когда видя передъ собой смерть, мнѣ очень хотѣлось оставить послѣ себя хоть что-нибудь, обо мнѣ лучше напоминающее. Благодарю Бога, что далъ мнѣ силу это сдѣлать. Какъ только пламя унесло послѣдніе листы моей книги, ея содержаніе вдругъ воскресло въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ, подобно фениксу, изъ костра, и я увидѣлъ, въ какомъ безпорядкѣ было то, что я считалъ уже упорядоченнымъ и стройнымъ. Появленіе втораго тома, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, принесло бы скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Нужно принять въ соображеніе не наслажденіе какихъ-нибудь любителей искусства и литературы, но всѣхъ читателей, для которыхъ писались «Мертвыя души». Вывести нѣсколько прекрасныхъ характеровъ, обнаруживающихъ высокое благородство нашей породы, ни къ чему не поведетъ. Оно возбудитъ только одну пустую гордость и хвастовство. Многіе у насъ уже и теперь особенно между молодежью, стали хвастаться не въ мѣру русскими доблестями и думать вовсе не о томъ, чтобы ихъ углубить и воспитать въ себѣ, но чтобы выставить ихъ напоказъ и сказать Европѣ: «смотрите, нѣмцы: мы лучше васъ!» Это хвастовство—губитель всего. Оно раздражаетъ другихъ и наноситъ вредъ самому хвастуну. Наилучшее дѣло можно превратить въ грязь, если только имъ похвалишься и похвастаешь, а у насъ, еще не сдѣлавши дѣла, имъ хвастаются — хвастаются будущимъ! Нѣтъ, по мнѣ уже лучше временное уныніе и тоска отъ самаго себя, нежели самонадѣянность въ себѣ [1]).

[1]) Соч. Гоголя, т. IV, стр. 92 и 93.

*

Какъ это видно изъ позднѣйшаго письма Гоголя къ Жуковскому [1]), онъ былъ недоволенъ своимъ произведеніемъ, находя, что ему не удалось «выставить жизнь въ ея глубинѣ, такъ, чтобы она пошла въ поученіе». Писатель, если только онъ одаренъ творческой силой создаетъ собственные образы. Воспитайся прежде, какъ человѣкъ и гражданинъ земли своей, а потомъ уже принимайся за перо! Иначе все будетъ не впопадъ. Что́ пользы поразить позорнаго и порочнаго, выставя его на видъ всѣмъ, если не ясенъ въ тебѣ самомъ идеалъ ему противуположнаго прекраснаго человѣка? Какъ выставлять недостатки и недостоинство человѣческое, если не задалъ самому себѣ вопроса: въ чемъ же достоинство человѣка? и не далъ себѣ на это сколько-нибудь удовлетворительнаво отвѣта. Это значитъ разрушить старый домъ, прежде чѣмъ имѣешь возможность выстроить на мѣсто его новый. Но искусство не разрушеніе. Въ искусствѣ сѣмена созданья, а не разрушенья. Это чувствовалось всегда, даже въ тѣ времена, когда все было невѣжественно. Подъ звуки Орфеевой лиры строились города. Несмотря на неочищенное еще до сихъ поръ понятіе общества объ искусствѣ, всѣ однако говорятъ «искусство есть примиреніе съ жизнью». Это правда». «Искусство есть водвореніе въ душу порядка и стройности, а не смущенья и разстройства. Искусство должно изобразить намъ такимъ образомъ людей земли нашей, чтобы каждый изъ насъ почувствовалъ, что это *живые люди*, созданные и взятые изъ того же тѣла, изъ котораго и мы».

Не находя этихъ свойствъ въ своемъ произведеніи, т. е. во второй части «Мертвыхъ душъ», въ той редакціи, которую она имѣла въ 1845 году, Гоголь и сжегъ ее, вовсе не думая оставлять своего труда. Едва оправившись отъ болѣзни, онъ уже поглощенъ былъ мыслью о новыхъ матеріалахъ для втораго тома и усердно просилъ друзей, знакомыхъ и всѣхъ рус-

---

[1]) Изъ Неаполя отъ 29 декабря 1847 года. Я объ немъ уже говорилъ, оно напечатано въ IV т. соч. Гоголя (изданіе десятое) вслѣдъ за «Перепискою», стр. 279—284.

скихъ людей (въ предисловіи ко второму изданію перваго тома), о доставленіи таковыхъ, настойчиво объясняя, что ему крайне нужна вещественная и духовная статистика Россіи. Въ своей «Авторской исповѣди» Гоголь, говоритъ, что онъ никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. «У меня только то и выходило хорошо, что́ было взято изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности. Я никогда не писалъ портрета въ смыслѣ простой копіи. Я создавалъ портреты, но создавалъ вслѣдствіе соображенія, а не воображенія. Чѣмъ болѣе вещей принималъ я въ соображенье, тѣмъ вѣрнѣе выходило у меня созданье». (Соч. Гоголя, т. IV, стр. 256).

При такихъ свойствахъ и пріемахъ художественнаго творчества, сознательно усвоенныхъ Гоголемъ, онъ не могъ надѣяться на скорое окончаніе своего произведенія, которымъ его такъ торопили нетерпѣливые друзья. Гоголь сжегъ лѣтомъ 1845 г. неудовлетворившую его требованіямъ, въ первой редакціи, вторую часть «Мертвыхъ душъ», томясь желаніемъ оставить послѣ себя хоть что-нибудь лучшее. Лѣтомъ 1845 г. Гоголь былъ тяжело боленъ, и ему представлялась близость смерти, а онъ не хотѣлъ сойти въ могилу, оставивъ послѣ себя лишь сатирическія произведенія, устремленныя на порицаніе пошлости, не сказавъ примиряющаго, поучительнаго слова.

Мысль объ изданіи въ свѣтъ «Переписки съ друзьями» впервые возникла у Гоголя, какъ то видно изъ его письма къ Смирновой, еще въ апрѣлѣ 1845 года, т. е. до тяжкой болѣзни, постигшей его лѣтомъ этого года, т. е. прежде перваго сожженія второй части «Мертвыхъ душъ». Мнѣ бы хотѣлось, — говоритъ онъ, — пустить въ свѣтъ «произведеніе нынѣшняго меня», а не прежняго, которое было бы на потребу всѣмъ. Я мучилъ себя, насиловалъ писать, страдалъ тяжкими страданіями, видя безсиліе свое, и нѣсколько разъ причинялъ себѣ болѣзнь такимъ принужденіемъ и ничего не могъ сдѣлать, и все выходило принужденно и дурно. И много разъ тоска и даже чуть-чуть не

отчаяніе овладѣвало мной отъ этой причины. Не готовъ я былъ тогда для такихъ произведеній, къ которымъ стремилась душа моя. Въ апрѣлѣ 1845 года онъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе и, успокоенный временно устройствомъ своего денежнаго положенія [1]), съ грустью повторялъ, что ему стыдно вернуться въ Россію съ пустыми руками (т. е. не кончивъ втораго тома), одинъ упрекъ видѣлъ бы я себѣ на всемъ, какъ человѣкъ, посланный за дѣломъ, а возвратившійся съ пустыми руками, которому стыдно даже заговорить, стыдно лицо показать. Я слишкомъ зналъ и чувствовалъ, что до тѣхъ поръ, пока не съѣзжу въ Іерусалимъ, не буду въ силахъ сказать ничего утѣшительнаго, при свиданіи съ кѣмъ бы то ни было въ Россіи [2]). Далѣе, въ этомъ письмѣ онъ проситъ своего добраго друга (Смирнову), помолиться о немъ, чтобы Богъ укрѣпилъ его и послалъ ему возможность изготовить до отъѣзда, что должно изготовить и послать къ ней, вмѣсто себя, въ Петербургъ, гдѣ въ то время жила А. О. Смирнова, «небольшое произведеніе и не шумное по названію въ отношеніи къ нынѣшнему свѣту, но нужное для многихъ». Это—первое указаніе, которое мы встрѣчаемъ въ письмахъ Гоголя, на мысль объ изданіи разсматриваемой книги. Наступленіе весны и лѣченіе въ Карлсбадѣ не принесли облегченія больному писателю, который выбивался изъ силъ въ безплодной борьбѣ съ физическими недугами, какъ онъ писалъ Н. М. Языкову. По настоятельному совѣту друзей, онъ перебывалъ у разныхъ медицинскихъ знаменитостей Германіи, которые осматривали и ощупывали съ головы до пятокъ, высохшее отъ болѣзни тѣло Гоголя (перестучали всѣ мои кости и всего перещупали, жаловался онъ Языкову), давая самые разнорѣчивые совѣты.

Измученный болѣзнью и разногласицей медиковъ, Гоголь,—

---

[1]) Въ это время, какъ видно изъ письма его къ министру народнаго просвѣщенія С. С. Уварову, Гоголь получилъ пособіе отъ государя.

[2]) Письмо Гоголя къ Смирновой изъ Франкфурта, отъ 2 апрѣля 1845 г. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 170 и 176.

онъ два раза говѣлъ въ это лѣто, въ ожиданіи близкой смерти[1]), наконецъ, согласно указанію извѣстнаго, въ то время, врача Каруса, въ Дрезденѣ, признавшаго главной причиной болѣзни печень, — отправился въ Карлсбадъ, для пользованія тамошними водами.

Но щелочные источники совсѣмъ разслабили и разстроили больнаго, который, едва живой, выбрался изъ Карлсбада и, послѣ нѣкотораго отдыха, сталъ лѣчиться холодной водой въ Грефенбергѣ, что его нѣсколько освѣжило и облегчило, хотя онъ чувствовалъ «облегченіе какъ бы сквозь сонъ», и былъ доволенъ уже тѣмъ, что не въ силахъ ни о чемъ думать. Собравшись съ силами, онъ вернулся въ октябрѣ въ Римъ, гдѣ здоровье его стало понемногу поправляться. Въ ноябрѣ 1845 года, онъ писалъ Жуковскому изъ Рима, что рѣшился менѣе всего думать о своемъ здоровьѣ. «Что посылается отъ Бога, то посылается въ пользу. Уже теперь мой слабый умъ видитъ пользу великую отъ недуговъ: мысли въ нихъ въ итогѣ зрѣютъ и то, что повидимому замедляетъ, служитъ только къ ускоренію дѣла. «Я острю перо», говоритъ онъ въ заключеніи этого письма[1]). Въ началѣ 1846 г. Гоголь писалъ Смирновой: «голова и мысль вызрѣли, минуты выбираются такія, какихъ я недостоинъ, и во все время, какъ ни болѣло тѣло, ни хандра, ни глупая необъяснимая скука не смѣла приблизиться ко мнѣ. Да будетъ же благословенъ Богъ,

---

[1]) Письмо Гоголя къ Н. М. Языкову изъ Карлсбада отъ 26 іюля 1845 года. «Собр. соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 201. Въ какомъ болѣзненномъ состояніи находился Гоголь съ весны 1845 года, видно изъ его письма къ Смирновой, отъ 2 апрѣля этого года. При 18 градусахъ тепла въ комнатѣ, онъ не могъ согрѣться, лицо сдѣлалось зеленѣе мѣди, руки коченѣли (тамъ же, стр. 177). Послѣдующія письма Гоголя къ близкимъ друзьямъ, равно какъ и другіе источники, свидѣтельствуютъ, что онъ все лѣто 1845 года тяжело хворалъ. Академикъ Н. С. Тихонравовъ, въ своихъ примѣчаніяхъ редактора, къ IV тому «Соч. Гоголя» на стр. 471 совершенно справедливо замѣчаетъ, что его книга т. е. «Переписка» была, задумана, можно сказать, наканунѣ тяжкой болѣзни, которая едва не свела Гоголя въ могилу.

[2]) Соч. и письма, т. VI, стр. 227.

посылающій намъ все! И душѣ и тѣлу моему слѣдовало выстрадаться. Безъ этого не будутъ «Мертвыя души» тѣмъ, чѣмъ имъ быть должно».

Такимъ образомъ нѣсколько оправившійся отъ болѣзни Гоголь по-прежнему живетъ мыслью о своемъ произведеніи, но уничтоживъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ свою рукопись и нося, пока только въ мысляхъ, вторую часть, въ новомъ очищенномъ видѣ, не надѣясь при томъ на скорое возсозданіе ея,—онъ снова возвращается къ мысли о томъ «нужномъ для многихъ произведеніи», которое заключало бы въ себѣ плоды его внутренней душевной работы («нынѣшняго меня», какъ писалъ онъ Смирновой). Предположеніе, которое только бродило въ началѣ тяжелаго для него предшествовавшаго 45 года, — Гоголь въ письмѣ отъ 2 апрѣля 1845 г. лишь вскользь упоминаетъ о немъ—въ апрѣлѣ 1846 г. уже созрѣло. Поздравляя съ праздникомъ своего друга, поэта Языкова, онъ уже прямо и опредѣленно высказываетъ намѣреніе издать свою переписку «Кстати о письмахъ [1]). Ты ихъ береги. Я какъ разсмотрѣлъ все, что писалъ разнымъ лицамъ, въ послѣднее время, особенно нуждающимся и требовавшимъ отъ меня душевной помощи, вижу, что изъ этого можетъ составиться книга, полезная людямъ, страждущимъ на разныхъ поприщахъ. Страданія, которыми страдалъ я самъ, пришлись мнѣ въ пользу, и съ помощью ихъ мнѣ удалось помочь другимъ. Богъ вѣсть, быть можетъ, это будетъ полезно и тѣмъ, которые находились и не въ такихъ обстоятельствахъ и даже мало заботились о страданіяхъ другихъ. Я попробую издать, прибавивъ кое-что о литературѣ. Но покамѣстъ это между нами. Мнѣ нужно обсмотрѣть и все разглядѣть и обдумать».

Но съ наступленіемъ лѣта 1846 г., которое Гоголь желалъ провести въ разъѣздахъ, дѣйствовавшихъ на него благотворно, здоровье его снова расшаталось, и доктора опять предписали

---

[1]) Тамъ же стр. 239, письмо изъ Рима отъ 20 февраля 1846 года.

ему курсъ леченія, для чего Гоголь и отправился сначала въ Швальбахъ, а затѣмъ на морское купанье въ Остенде. Во время этого лѣченія Гоголь увлекся желаніемъ скорѣе издать свою нужную и полезную книгу. Съ лихорадочнымъ напряженіемъ силъ взялся онъ за перечистку, передѣлку своихъ писемъ, не назначавшихся для печати, и при этомъ, — какъ писалъ П. А. Плетневу, которому поручилъ изданіе «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями», «не лѣнился ни капли» и *даже черезъ это* не выполнилъ, какъ слѣдуетъ, лѣченіе на морскихъ водахъ» (въ Остенде), куда его послали врачи.

Четыре тетради писемъ, составляющихъ содержаніе книги, быстро одна за одной отсылались въ Петербургъ для печати Плетневу. Едва оправившійся отъ долгой и тяжкой болѣзни писатель совершенно изнемогъ отъ двухмѣсячной напряженной работы, «такъ усталъ, — писалъ онъ П. А. Плетневу, — что мочи нѣтъ». Собравши остатки силъ, Гоголь уѣхалъ изъ Остенде во Франкфуртъ, откуда и была выслана, двѣ недѣли спустя, т. е. 16-го октября, пятая и послѣдняя тетрадь «Переписки». Посылая ее, Гоголь писалъ: «Усталъ въ полномъ смыслѣ слова и разболѣлся вновь всѣмъ тѣломъ» [1]). Лихорадочная поспѣшность, съ которой полубольной писатель готовилъ къ печати свою книгу, отказавшись отъ укоренившейся въ немъ привычки, ставшей какъ бы природой процесса его литературной работы, — «долгаго обдумыванія» того, что писалось, конечно, отразилась невыгодно на изложеніи книги. Какъ извѣстно, Гоголь медленно и съ трудомъ находилъ форму для выраженія своихъ мыслей, обыкновенно глубоко захватывавшихъ предметъ, и часто жаловался на неумѣніе точно выражаться, что вызываетъ недоразумѣнія. Но эта торопливость, вообще столь не свойственная Гоголю, имѣла свою причину — она объясняется не только его предисловіемъ къ «Перепискѣ», но и интимными

---

[1]) Письмо отъ 16 октября 1846 года. «Соч. и письма Гоголя», т. VI. стр. 270.

письмами, нынѣ опубликованными. Гоголь боялся умереть, не исполнивъ своего долга, какъ писатель. Долгъ же писателя, по глубокому убѣжденію Гоголя, заключался не въ одномъ доставленіи пріятнаго занятія для ума и вкуса, а и въ поученіи людямъ — полезномъ для души. Это убѣжденіе сложилось въ Гоголѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ рѣшился посвятить всю жизнь своему произведенію («Мертвымъ душамъ»), содержаніе котораго развернулось во всемъ величіи передъ жаждавшимъ воплощенія своихъ идеаловъ художникомъ, вскорѣ послѣ его перваго пріѣзда въ Римъ.

Поэма «Мертвыя души» должна была изобразить три ступени души человѣческой. Первая часть — это состояніе грязи и пошлости души, лишенной духовнаго свѣта, вторая — проблески духовной жизни въ ея наиболѣе обыденныхъ и грубыхъ формахъ; въ ней должны были обрисовываться дѣятельные типы русской жизни, выступавшіе на различныхъ поприщахъ (Костанжогло, Муразовъ, генералъ-губернаторъ и др.), а также сошедшіе со сцены (генералъ Бетрищевъ), въ третьей — полное просвѣщеніе мертвыхъ душъ духовнымъ свѣтомъ высшей правды, которая все оживляетъ и животворитъ, проникая даже въ мрачную душу Плюшкина. передъ его смертью, и преобразивъ внутреннее существо плутоватаго героя поэмы, Чичикова, который въ третьей части, наконецъ, долженъ былъ попасть въ Сибирь [1]). Призваніе писателя быть учителемъ жизни—это задача, издавна манившая Гоголя — сначала она ему представлялась только въ туманной дали, а послѣ окончанія первой части «Мертвыхъ душъ» овладѣла всѣми его помыслами. Въ изданіи своей «Переписки съ друзьями» Гоголь видѣлъ исполненіе подвига, свыше на него наложеннаго, такъ какъ дѣятельность писателя представлялась ему подвигомъ поученія, устремляющаго людей къ высшимъ цѣлямъ ихъ духовной жизни. Онъ готовилъ свою

---

[1]) На такое перерожденіе Плюшкина и Чичикова, въ третьей части мы имѣемъ указаніе самаго Гоголя.

книгу съ такой лихорадочной торопливостью, не щадя своихъ силъ и здоровья, изнуреннаго болѣзнью, отступая отъ предписанныхъ ему правилъ лѣченія, подъ вліяніемъ страха за жизнь свою и возможности окончить начатый трудъ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Н. С. Тихонравовъ. Въ изданіи въ свѣтъ своей «Переписки» Гоголь видѣлъ не только искупленіе того, что было не досказано или недостаточно ясно выражено въ прежнихъ его произведеніяхъ (горячую любовь къ людямъ и къ душѣ человѣка), но и объясненіе своего долгаго молчанія (послѣ появленія первой части «Мертвыхъ душъ» прошло уже болѣе пяти лѣтъ) и хода своей внутренней жизни. Онъ самъ на это указываетъ въ письмѣ къ А. О. Смирновой, наканунѣ отправленія въ печать пятой и послѣдней тетради «Переписки». Въ этомъ же письмѣ Гоголь выражаетъ надежду, что Богъ дастъ ему радость принести добро многимъ душамъ.

Такова исторія составленія книги, которую Гоголь называлъ своей душевной исповѣдью. Она не мало удивила читающую публику, передъ которой популярный сатирикъ вдругъ открылъ свой внутренній міръ, до того времени тщательно скрываемый авторомъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» отъ постороннихъ глазъ и извѣстный лишь немногимъ близкимъ друзьямъ его. П. А. Кулишъ, въ своихъ «Запискахъ о жизни Гоголя», довольно удачно опредѣляетъ характеръ «Переписки» и произведенное ею впечатлѣніе, говоря: «Это была внезапно распахнувшаяся дверь во внутреннюю мастерскую Гоголя, въ тотъ моментъ, когда въ ней кипѣла самая жаркая работа и когда онъ находился въ напряженномъ, трепетномъ и вмѣстѣ энергично-восторженномъ настроеніи (т. II, стр. 61 и 62).

VI.

Обладая умомъ глубокимъ, проницательнымъ и высоко настроеннымъ, Гоголь по самому складу его ,былъ прежде всего художникъ. Онъ мыслилъ «живыми образами» и менѣе всего владѣлъ талантомъ логически-формальнаго, послѣдовательнаго и отчетливаго развитія своимъ мыслей. Онѣ сверкаютъ у него, какъ молнія, неуловимая и капризная. Ихъ трудно дисциплинировать и подчинить извѣстнымъ правиламъ.

«Въ словахъ моихъ, равно какъ и въ сочиненіяхъ,—писалъ Гоголь еще въ 1844 году Шевыреву, — существовала всегда страшная неточность. Почти всякимъ откровеннымъ словомъ своимъ я производилъ недоразумѣніе, и всякій разъ раскаявался, что открывалъ ротъ» [1]). Посылая, изъ Остенде, въ августѣ 1846 г., вторую тетрадь писемъ для «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки», онъ жалуется на то же самое, прося П. А. Плетнева исправить ошибки слога, сознавая недостатки формы даже въ болѣе обработанныхъ своихъ вещахъ, а тѣмъ пуще въ такихъ письмахъ, которыя въ началѣ вовсе не готовились для печати. Въ своей «Авторской исповѣди» Гоголь говоритъ, что самъ слышалъ (т. е. чувствовалъ) себя гораздо сильнѣе въ живыхъ образахъ повѣствовательнаго произведенія, чѣмъ въ разсужденіяхъ. «Мое дѣло — говорить живыми образами, а не разсужденіями», — писалъ онъ Жуковскому, вслѣдъ за изданіемъ своей «Переписки».

Тѣмъ не менѣе, для своей книги, которой онъ придавалъ такое значеніе и которая шла въ разрѣзъ съ господствующими теченіями, Гоголь избралъ мало послушную ему форму разсужденія, притомъ такъ торопился перечисткой и передѣлкой своихъ частныхъ писемъ, изъ которыхъ составлялась «Пере-

---

[1]) Письмо къ С. С. Шевыреву, отъ 14 октября 1844 года, изъ Франкфурта. Соч. и письма», т. VI, стр. 121.

писка», что не успѣлъ устранить изъ книги, какъ предполагалъ, все, что̀ могло получить смыслъ только послѣ его смерти, и исключить изъ нея все то, что̀ могло имѣть значеніе для немногихъ [1]).

Торопливая передѣлка и перечистка дружескихъ писемъ въ лицахъ, обращавшимся къ Гоголю за совѣтами и духовной помощью, въ книгу, назначенную для публики, несомѣнно неблагопріятно отозвались на ея тонѣ и способѣ изложенія. Эту ошибку очень скоро понялъ самъ Гоголь, сознаваясь, что выступилъ въ своей «Перепискѣ» нѣсколько на распашку. Въ письмахъ къ друзьямъ и знакомымъ, просившимъ у него совѣтовъ, онъ могъ, на основаніи своего личнаго душевнаго опыта, убѣждать и учить, не доказывая своихъ положеній, а лишь высказывая ихъ. Въ книгѣ, обращенной къ читающей публикѣ, стоявшей въ совершенно другихъ отношеніяхъ къ автору, такой тонъ и пріемы, конечно, были неудобны.

Спѣшное, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, изготовленіе писемъ къ печати имѣло послѣдствіемъ, что нѣкоторыя, глубоко вѣрныя мысли автора получили нѣсколько неряшливую аргументацію и небрежное изложеніе. Надо замѣтить, что литературныя статьи (т. е. тѣ, которыя спеціально написаны для книги) изложены иначе и лучше редактированы. Между тѣмъ тонъ писемъ, наскоро передѣланныхъ для печати, въ которыхъ Гоголь не

---

[1]) См. предисловіе Гоголя къ «Выбраннымъ мѣстамъ изъ переписки». Гоголю казалось, что онъ все это сдѣлалъ, какъ онъ и заявляетъ въ предисловіи. Но онъ ошибся. Занимаясь въ высшей степени усердно перечитываніемъ своихъ писемъ, второпяхъ онъ не успѣлъ выдѣлить частное изъ общаго и выкинуть чисто личные совѣты и указанія изъ общихъ размышленій, по занимавшимъ его вопросамъ. Помѣщеніе въ «Перепискѣ» завѣщанія наглядно свидѣтельствуетъ, что желаніе Гоголя отстранить все, что можетъ получить смыслъ только послѣ его смерти — не было выполнено. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ вина падаетъ на почтеннаго П. А. Плетнева, подъ наблюденіемъ котораго печаталась книга. Слѣдуя прямому указанію предисловія автора, ему слѣдовало выкинуть завѣщаніе, такъ какъ книга выпускалась въ свѣтъ при жизни Гоголя.

успѣлъ сгладить интимныхъ, чисто личныхъ свойствъ дружескихъ совѣтовъ, и далъ поводъ для дешеваго глумленія и мелкихъ придирокъ къ книгѣ, которая, по своему содержанію и несомнѣнно заслуживала болѣе добросовѣстнаго и серьезнаго обсужденія.

Приступая къ изложенію содержанія «Переписки», мы должны еще разъ напомнить читателямъ, что это совсѣмъ особенная книга, — она вовсе не трактатъ публициста, написанный по извѣстному плану, въ систематическомъ порядкѣ. «Переписка» проникнута единствомъ міросозерцанія автора, выработаннаго путемъ долгихъ размышленій и трудной душевной работы, но оно раскрывается отрывисто, въ недосказанныхъ иногда вполнѣ мысляхъ и вообще отличается отсутствіемъ внѣшняго порядка и стройности, что̀ не мало затрудняетъ передачу въ сжатомъ и краткомъ очеркѣ, ея содержанія.

Изъ письма Н. М. Языкову и предисловія Гоголя къ «Перепискѣ» видно, что книга подъ этимъ заглавіемъ составилась изъ прежде писанныхъ частныхъ писемъ къ разнымъ лицамъ, и двухъ или трехъ, спеціально написанныхъ для нея, литературныхъ статей [1]). На этихъ послѣднихъ я остановлюсь немного подробнѣе, такъ же, какъ и на тѣхъ письмахъ, которыя вызвали наиболѣе нареканій. Въ заключеніе я отмѣчу въ немногихъ словахъ содержаніе писемъ Гоголя, выкинутыхъ цензурой, при первомъ изданіи книги въ 1847 году.

Въ предисловіи къ «Перепискѣ» Гоголь говоритъ: «Я былъ тяжело боленъ; смерть уже была близка. Собравши остатокъ силъ своихъ и воспользовавшись первой минутой трезвости моего ума, я написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ возлагалъ, между прочимъ, на друзей моихъ, издать, послѣ моей смерти, нѣкоторыя изъ моихъ писемъ. Мнѣ хотѣлось хотя симъ искупить безполезность всего, доселѣ мною напечатаннаго, потому что въ письмахъ моихъ, по признанію тѣхъ, къ которымъ

---

[1]) Число статей, спеціально написанныхъ Гоголемъ для его книги, отчасти представляется спорнымъ.

они были написаны, находится болѣе нужнаго для человѣка, нежели въ моихъ сочиненіяхъ. Небесная милость Божія отвела отъ меня руку смерти. Я почти выздоровѣлъ: мнѣ стало легче, Но чувствую, однако, слабость силъ моихъ, которая возвѣщаетъ мнѣ ежеминутно, что жизнь моя на волоскѣ и, приготовляясь къ отдаленному путешествію къ Святымъ Мѣстамъ. необходимому душѣ моей, во время котораго можетъ все случиться, я захотѣлъ оставить, при разставаніи, что-нибудь отъ себя моимъ соотечественникамъ. Выбирая самъ изъ моихъ послѣднихъ писемъ, которыя мнѣ удалось получить назадъ, все, что болѣе относится къ вопросамъ, занимающимъ нынѣ общество, отстранивши все, что можетъ получить смыслъ только послѣ моей смерти, съ исключеніемъ всего, что могло имѣть значеніе только для немногихъ. Прибавляю двѣ, три статьи литературныя и, наконецъ, прилагаю свое завѣщаніе, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ моей смерти, еслибы она застигла меня на пути моемъ, возымѣло оно тотчасъ свою законную силу, какъ засвидѣтельствованное всѣми моими читателями.

«Сердце мое говоритъ мнѣ, что книга моя нужна и что она можетъ быть полезна. Я думаю такъ не потому, чтобы имѣлъ высокое о себѣ понятіе и надѣялся на умѣнье свое быть полезнымъ, но потому, что никогда еще доселѣ не питалъ такого сильнаго желанія быть полезнымъ» (соч. Гоголя, т. IV, стр. 3 и 4) [1]).

Публичное заявленіе о своемъ намѣреніи отправиться въ Іерусалимъ, а также прощеніе, которое испрашивалъ Гоголь далѣе въ томъ же предисловіи, у всѣхъ своихъ соотечественниковъ, во всемъ, чѣмъ ни случилось ему оскорбить ихъ, вызвало не мало глумленій. Объясняя причину такого обращенія, Гоголь писалъ, въ этомъ предисловіи: «Знаю, что моими необдуманными и незрѣлыми сочиненіями нанесъ я огорченіе

---

[1]) Въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, цитируя печатныя сочиненія Гоголя, я пользуюсь десятымъ ихъ изданіемъ, подъ редакціей академика Н. С. Тихонравова, вышедшимъ въ Москвѣ въ 1889 году.

многимъ, а другихъ даже вооружилъ противъ себя, вообще же во многихъ произвелъ неудовольствіе».

Это предисловіе, пожалуй, можно назвать наивнымъ, хотя оно скорѣе трогательно, чѣмъ смѣшно, свидѣтельствуя, какъ страдалъ самъ Гоголь, бичуя своей сатирой людскую пошлость. Но оно вызвало не только язвительныя насмѣшки, но и самое превратное толкованіе. Стали утверждать, что Гоголь отрекается отъ своихъ прежнихъ произведеній, составляющихъ славу и гордость нашей литературы, ради снисканія расположенія и покровительства сильныхъ міра сего.

Такое грубое объясненіе этого предисловія опровергается всей жизнью Гоголя и его извѣстными отношеніями къ своимъ произведеніямъ вообще. Всѣ великіе писатели-художники томились жаждой идеала, терзавшей ихъ въ большей или меньшей мѣрѣ, когда они приходили къ сознанію своего безсилія воплотить его.

Даже такія уравновѣшенныя и гармоническія натуры, какъ Гете и Пушкинъ, испытывали это чувство,—признакъ и, такъ сказать, печать дѣйствительно великаго дарованія писателя. Только заурядные, дюжинные таланты исполнены самодовольства и вполнѣ удовлетворены своими произведеніями. У Гоголя эта жажда идеала, страстно и чрезмѣрно напряженная, переходила, быть можетъ, въ крайность. Нашъ великій сатирикъ и юмористъ, такъ неотразимо смѣшившій своихъ читателей, сгоралъ, мучительно томясь этой жаждой, вслѣдствіе чего все написанное имъ казалось ему ложью. Такъ онъ относился рѣшительно ко всѣмъ своимъ произведеніямъ, не исключая и «Переписки». Такое отношеніе къ своимъ произведеніямъ мы видимъ у Гоголя, до и послѣ изданія этой книги. Извѣстно, что «Выборныя мѣста изъ переписки съ друзьями», послѣ выхода въ свѣтъ, подвергались самому рѣзкому и рѣшительному осужденію автора. Всего нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Гоголь писалъ Жуковскому: «Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духа взглянуть въ нее». Въ письмѣ къ Аксакову, въ августѣ того же 1847 г., онъ называлъ свою

книгу *«опрометчивой»* и вообще относился къ ней довольно жестоко, хотя стоялъ за то, что эта книга полезна и для него самого (какъ зеркало), и для русскаго общества. Въ своей «Авторской исповѣди» Гоголь, съ глубокимъ убѣжденіемъ говоритъ, что въ рѣдкомъ изъ его произведеній, не исключая и «Переписки», «не встрѣчается рядомъ зрѣлость и незрѣлость, мужъ и ребенокъ». «Темнота выраженій, во многихъ мѣстахъ сбиваетъ только читателя», — писалъ онъ въ своей «Исповѣди» про «Переписку»,—но еслибы полнѣе передать ту же самую мысль, со мною бы многіе перестали спорить». Не находя въ написанномъ полнаго и совершеннаго выраженія мыслей и образовъ, представлявшихся его духовному созерцанію, Гоголь безпощадно осуждалъ всѣ свои произведенія, до и послѣ «Переписки» [1]).

Знакомымъ съ біографіей Гоголя извѣстно, что онъ неоднократно сжигалъ свои рукописи, стоившія ему немало труда и времени. Взыскательность къ себѣ въ этомъ отношеніи Гоголя доходила до излишества; въ ней даже, быть можетъ, было что-то болѣзненное, но тѣмъ не менѣе только злая клевета могла объяснить его предисловіе къ «Перепискѣ» корыстнымъ исканіемъ житейскихъ выгодъ. Бѣлинскій тяжко погрѣшилъ, пустивъ въ ходъ, въ своемъ заграничномъ письмѣ, эту недостойную клевету. Гоголь, въ этотъ періодъ своей жизни (т. е. во время изданія «Переписки») велъ строгую жизнь подвижника-писателя, постепенно отказываясь отъ всѣхъ привычекъ роскоши, отъ всякаго пристрастія къ матеріальнымъ благамъ жизни, всецѣло поглощенный интересами исключительно духовнаго порядка.

Если въ его предисловіи къ «Перепискѣ», кромѣ вообще

---

[1]) Такъ же критически отнесся Гоголь къ «Перепискѣ» въ письмахъ къ П. В. Анненкову, изъ Остенде въ августѣ и сентябрѣ 47 г., напечатанныхъ, въ «Сборникѣ воспоминаній и переписки» послѣдняго, изданномъ въ С.-Петербургѣ въ 1892 г., подъ заглавіемъ *«П. В. Анненковъ и его друзья»*, т. I, стр. 500—511.

свойственнаго ему самообличенія, и сказались какія-либо особыя соображенія, заставившія его слишкомъ строго отнестись къ своимъ прежнимъ произведеніямъ, то они были совершенно инаго свойства и не имѣли ничего общаго съ тѣмъ, что̀ ему приписывалось [1]). Критика и послѣдователи Гоголя, которыхъ тогда уже было немало, создавали въ нашей литературѣ такъ называемую натуральную или обличительную школу, которая вовсе не соотвѣтствовала идеямъ и взглядамъ Гоголя на жизнь и искусство. Это тенденціозное искаженіе характера и смысла его сатиры производило болѣзненное впечатлѣніе на писателя, и онъ временами даже чувствовалъ, какъ бы отвращеніе къ своимъ прежнимъ литературнымъ трудамъ — одностороннее и грубое пониманіе которыхъ удручало художника. Не предвидя возможности скорымъ окончаніемъ «Мертвыхъ душъ» разъяснить дѣйствительный смыслъ своей сатиры—горькаго плача любви надъ людской пошлостью—онъ готовъ былъ возненавидѣть всѣ свои прежнія произведенія, не исключая и своего любимаго дѣтища—«Мертвыхъ душъ». Но такое настроеніе было у него временнымъ и скоропроходящимъ—это былъ болѣзненный вопль непонятаго современниками писателя-художника. Въ той же «Перепискѣ», въ четвертомъ письмѣ, по поводу «Мертвыхъ душъ» Гоголь говорилъ: «Бываетъ время, когда нельзя иначе устремить общество или цѣлое поколѣніе къ прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости» («Переписка», стр. 93).

Слѣдующая за завѣщаніемъ «Женщина въ свѣтѣ», есть письмо Гоголя къ одной свѣтской дамѣ, давнишней и хорошей

---

[1]) Для объясненія и въ извѣстной степени оправданія отношеній Бѣлинскаго къ книгѣ Гоголя, слѣдуетъ принять во вниманіе его собственное крайне болѣзненное состояніе, его *«желчную слабость»*, которую оплакивалъ его ближайшій другъ В. П. Боткинъ (см. Письма послѣдняго къ П. В. Анненкову въ томъ же Сборникѣ, стр. 522). Бѣлинскій уѣхалъ заграницу въ злой чахоткѣ, измученный борьбой сердца съ теоретическимъ умомъ и удрученный своими семейными обстоятельствами.

знакомой Гоголя. Оно вызвало также не мало злостныхъ и превратныхъ толкованій и ядовитыхъ упрековъ и т. д. На немъ остановимся нѣсколько подробнѣе. Это письмо, по весьма правдоподобному предположенію Н. С. Тихонравова, было написано Софьѣ Михайловнѣ Вельегорской, вышедшей въ 1840 г. замужъ за графа В. А. Соллогуба (писателя). Гоголь давно и дружески былъ знакомъ съ семействомъ Вьельгорскихъ и принималъ самое сердечное участіе въ ея судьбѣ, какъ это видно изъ многихъ писемъ его къ А. О. Смирновой, также старой и хорошей знакомой семейства Вьельгорскихъ. Эта прекрасная, по общему отзыву, женщина пользовалась особенной симпатіей Гоголя, который дѣлалъ для нея даже выписки изъ духовныхъ книгъ, противъ унынія, когда ею овладѣвало послѣднее, среди шума и суеты тяготившей ее свѣтской жизни, которую она вынуждена была вести, уступая вкусамъ и желанію своего мужа. Если Гоголь и заслуживаетъ упрека, помѣстивъ это письмо въ «Перепискѣ», то только въ томъ отношеніи, что не выдѣлилъ и не исключилъ изъ него, вопреки указанію предисловія, частнаго изъ общаго и далъ тѣмъ поводъ къ совершенно произвольнымъ и превратнымъ обобщеніямъ совѣтовъ и утѣшеній, вызванныхъ чисто личными условіями жизни той свѣтской женщины, къ которой было обращено это письмо, чего не хотѣли принять во вниманіе придирчивые критики этого письма (С. Т. Аксаковъ, Бѣлинскій и Н. Ф. Павловъ) [1]).

---

[1]) Критическія замѣчанія С. Т. Аксакова находятся въ его письмахъ къ Гоголю и къ сыну (Ивану Сергѣевичу) Рецензія Бѣлинскаго на «Переписку» была помѣщена въ «Современникѣ» за 1847 г., см. «Соч. Бѣлинскаго». Москва, 1861 г., часть одиннадцатая стр. 80—103. Письма Н. Ф. Павлова къ Гоголю, посвященныя критикѣ «Переписки», были напечатаны въ «Моск. Вѣд.» за 1847 г. (№ 28, 38 и 46) и вслѣдъ за тѣмъ перепечатаны въ «Современникѣ», съ примѣчаніемъ отъ редакціи, въ которомъ заявлялось, что эти письма слѣдуетъ признать образцомъ благородной полемики. Они перепечатаны въ «Рус Архивѣ» за 1890 г., № 2, съ примѣчаніями П. И. Бартенева, который называетъ эти письма «замѣчательными», съ чѣмъ однако, согласиться довольно трудно. Они замѣча-

Гоголь начинаетъ это письмо указаніемъ на то вліяніе, которое имѣетъ и можетъ имѣть женщина, въ современномъ обществѣ. «Оно можетъ быть очень велико именно теперь,—говоритъ онъ,—въ нынѣшнемъ состояніи общества, въ которомъ, съ одной стороны, представляется утомленная образованность гражданская, а съ другой—какое-то охлажденіе душевное, какая-то нравственная усталость, требующая оживотворенія. Чтобы произвести это оживотвореніе, необходимо содѣйствіе женщины. Эта истина въ видѣ какого-то темнаго предчувствія пронеслась вдругъ по всѣмъ угламъ міра и все чего-то теперь ждетъ отъ женщины» [1]).

Н. Ф. Павловъ, посвятившій цѣлое письмо критикѣ *«Женщины въ свѣтѣ»*, въ которомъ обнаруживается лишь желаніе блеснуть остроуміемъ и уколоть Гоголя тонкими намеками на обманутыя имъ ожиданія Россіи и на его слабость переписываться съ графинями [2]), прикидываясь непонимающимъ, замѣчаетъ: «мы не знаемъ этихъ угловъ, гдѣ все теперь чего-то ждетъ отъ женщины». Изъ начала письма критика однако видно, что онъ вполнѣ понялъ, какое именно движеніе въ обществѣ имѣлъ въ виду Гоголь. Г-нъ Павловъ, въ началѣ своего критическаго письма, самъ весьма подробно разсуждаетъ о женскомъ вопросѣ, поднятомъ тогда во французской литературѣ, извѣстными романами Жоржъ-Зандъ, и жалуется на то,

---

тельны лишь пустословіемъ, легкостью въ мысляхъ и мелкими придирками, хотя они въ свое время признавались *„образцовыми“* см Письма Боткина къ Анненкову, въ томъ же Сбор., стр. 533 и 537. Боткинъ, восхищаясь остроcловіемъ московскаго критика, даже произвелъ его въ Вольтеры, въ письмѣ къ А. А. Краевскому. Вѣрнѣе оцѣнила свойство писемъ Павлова-Смирнова (см. ея письмо къ Гоголю «Рус. Старины» 1890 г. № 11, стр. 253—254.

[1]) Соч. Гоголя, т. IV, стр. 12.

[2]) «Ахъ, мнѣ постижима эта склонность», иронически восклицаетъ критикъ. Мнѣ самому, по неизвинительной слабости всегда казалось, что графиня чѣмъ-то лучше неграфини, женщина въ свѣтѣ предпочтительнѣе женщины дома, но за то съ такимъ направленіемъ я уже не рѣшаюсь записываться въ лѣкаря душъ». (Письмо четвертое, «Русскій Архивъ» 1890 г. № 2, стр. 308. Любопытно, что Бѣлинскій находилъ, что вся эта полемика Павлова, такъ умна, что мочи нѣтъ.

что домашнее благополучіе перестало быть цѣлью женщины которая изъ-подъ мирнаго крова перенесена въ невидимую даль. и главнымъ дѣломъ стало вліяніе на общество, лихорадочная забота о другихъ, участіе въ судьбахъ человѣчества». Вслѣдствіе такого направленія, сознается критикъ, поднялись отовсюду крики о правахъ женщины, о новомъ угнетеніи, не замѣченномъ тѣми, которые брались перечислять всѣ виды угнетеній. Эти крики непонятнымъ образомъ достигли въ самыя отдаленныя мѣста и нарушали согласіе у людей самыхъ мирныхъ. Европа усѣялась вечерами политическими, литературными, соціальными; явились женскія общества. Разумѣется. стало несносно жить, мелко ютиться въ своей семьѣ, какъ улиткѣ въ раковинѣ, и изливать на нее всѣ сокровища сердца. когда предстоитъ поприще болѣе обширное, когда тамъ, гдѣ-то, страждетъ все человѣчество. Высокая мысль, полное отсутствіе эгоизма, породившія однако страшную пустоту души». Виновата ли въ томъ чудная женщина Франціи (т. е. Жоржъ-Зандъ), разсказавшая намъ исторію страшныхъ болѣзней и не придумавшая ни одного лѣкарства, или она сама не что иное, какъ горькая жертва своего времени—спрашиваетъ критикъ— и осторожно уклоняется отъ отвѣта, объясняя, что въ его статьѣ не мѣсто такому вопросу (см. четвертое письмо въ «Рус. Архивѣ», стр. 303 и 304).

Такимъ образомъ, изъ словъ самого критика видно, что вопросъ о положеніи и роли женщины занималъ тогда общество и литературу, и потому Гоголь имѣлъ достаточное основаніе поставить его въ своемъ письмѣ, указывая, что все чего-то ждетъ отъ женщины.

Поставивъ вопросъ этотъ прямо, безъ тѣхъ виляній, къ которымъ прибѣгаетъ критикъ, расшаркивающійся ради моды передъ чудной женщиной Франціи [1]), Гоголь въ своемъ письмѣ и разрѣшаетъ его, съ своей точки зрѣнія, для Россіи. Оставивши, пишетъ Гоголь, все прочее въ сторонѣ, посмотримъ на

[1]) Т. е. Жоржъ-Зандъ.

нашу Россію и въ особенности на то, что у насъ такъ часто передъ глазами—на множество всякаго рода злоупотребленій. Окажется, что большая часть взятокъ, несправедливостей по службѣ и тому подобнаго, въ чемъ обвиняютъ нашихъ чиновниковъ и нечиновниковъ, всѣхъ классовъ, произошла или отъ расточительности ихъ женъ, которыя такъ жадничаютъ блистать въ свѣтѣ большомъ или маломъ и требуютъ на то денегъ отъ мужей, или же отъ пустоты ихъ домашней жизни, преданной какимъ-то идеальнымъ мечтамъ, а не существу ихъ обязанностей, которыя въ нѣсколько разъ прекраснѣе и возвышеннѣе всякихъ мечтаній. (Женщина въ свѣтѣ, т. IV, стр. 12). Такое простое и здравое освѣщеніе вопроса почему-то ужасно не понравилось критикамъ «Переписки» (Павлову и Бѣлинскому). Развивая свою мысль, Гоголь писалъ: «Мужья не позволили бы себѣ и десятой доли производимыхъ ими безпорядковъ, еслибы ихъ жены исполняли хотя сколько-нибудь свой долгъ. Душа жены—хранительный талисманъ для мужа, оберегающій его отъ нравственной заразы, она есть сила, удерживающая его на прямой дорогѣ, и проводникъ, возвращающій его съ кривой на прямую; и наоборотъ душа жены можетъ быть его зломъ и погубить его на вѣки». Вы сами, говоритъ Гоголь, обращаясь къ свѣтской женщинѣ, къ которой писалъ «это хорошо почувствовали и такъ хорошо выразили» [1]).

Въ такомъ мнѣніи Гоголя можно признать нѣкоторую односторонность, впрочемъ, весьма понятную въ виду характера письма. Въ немъ освѣщается одна сторона вопроса, и содержатся дружескіе совѣты, обращенные къ молодой и красивой женщинѣ, тоскующей о безцѣльности своей свѣтской жизни, на которую она обречена вопреки своимъ желаніямъ. Очевидно, Гоголю не приходилось въ письмѣ къ такой замужней женщинѣ обличать слабости и пороки мужей ея круга, рекомен-

---

[1]) Письмо Гоголя «Женщина въ свѣтѣ», какъ это видно изъ содержанія, было отвѣтомъ на письмо его хорошей знакомой.

дуя ей бросить мужа и свѣтъ, съ его суетными удовольствіями и пустотой и искать болѣе разумной жизни въ «одиночку», въ качествѣ эмансипировавшей себя отъ свѣтскихъ предразсудковъ дамы. Пропагандисты новѣйшей морали, шестидесятыхъ годовъ, какъ извѣстно, весьма просто разрѣшали вопросъ, занимавшій Гоголя; по ихъ мнѣнію жена должна была бросить мужа, поступить на какіе-нибудь курсы, заняться акушерствомъ, театромъ или переплетнымъ мастерствомъ, или какой-нибудь модной наукой, съ поѣздкой за границу въ Цюрихъ или другое мѣсто, изъ наиболѣе пригодныхъ для усвоенія прогрессивныхъ идей. Но Гоголь смотрѣлъ иначе на обязанности женщины. Онъ держался мнѣнія, что долгъ замужней женщины прежде всего заключается въ исполненіи наложенныхъ на нее бракомъ обязанностей и что она должна раздѣлять условія жизни своего мужа и такимъ образомъ нести свой крестъ. По его мнѣнію, во всякомъ положеніи и на всякомъ мѣстѣ можно найти себѣ полезное душевное дѣло и что пустота свѣтской жизни не исключаетъ возможности нравственнаго и душевнаго дѣланія для хорошей и чистой женщины. Эта основная мысль Гоголя вполнѣ ясна, хотя его критики нашли болѣе удобнымъ для себя, обходя ее, привязываться къ мелочамъ и словамъ—ихъ острословіе достигало цѣли, роняя въ глазахъ публики значеніе и авторитетъ книги.

«Я не вижу возможности доказать, что въ Россіи мужья большей частью берутъ взятки оттого, что жены ихъ жадничаютъ блистать въ свѣтѣ или предаются идеальнымъ мечтамъ. Да вѣдь брали же взятки и тогда, какъ не было свѣта, т. е. до Петра, когда жены не жадничали блистать и не предавались идеальнымъ мечтамъ», замѣчаетъ авторитетнымъ тономъ Павловъ, повторяя въ данномъ случаѣ лишь Бѣлинскаго, который въ своей критической статьѣ о «Перепискѣ», въ началѣ 1847 года, въ «Современникѣ», писалъ, что онъ пораженъ страннымъ открытіемъ Гоголя, что взяточничество у насъ произошло отъ щегольства чиновницъ, что, конечно, хорошо, еслибы онѣ перестали щеголять, но что еще было бы лучше имъ отказаться

отъ чая, кофе и даже обѣда и дурной привычки прикрывать свое тѣло чѣмъ-либо другимъ, кромѣ самой грубой парусины. Тогда имъ незачѣмъ было бы просить у мужа денегъ, а мужьямъ незачѣмъ было бы брать даже жалованье, не только взятки. Исправленіе нравовъ было бы совершенное! «Съ этимъ, однако, продолжаетъ Бѣлинскій, не могутъ согласиться люди практическіе, обладающіе здравымъ смысломъ и опытомъ, а не вдохновеніемъ.» [1]).

Таковы критическіе пріемы оппонентовъ «Переписки», съ апломбомъ заявлявшихъ, что они черпаютъ свои мысли изъ разума, разсудка, опыта и знанія, а не во вдохновеніи страждущаго разстройствомъ мозга, намекая при этомъ на автора «Переписки», который-де обнаружилъ несомнѣнное его разстройство изданіемъ своей книги.

Павловъ, хотя воздерживается отъ такихъ грубыхъ намековъ, за то докторально упрекаетъ Гоголя въ томъ, что онъ путаетъ понятія о нравственности у молодой женщины, отвергая начало свободной воли у мужчины, лишая послѣдняго человѣческаго достоинства и превращая его въ машину, которая повинуется движенію посторонней силы. «Не правда, отъ нравственной заразы жена не можетъ уберечь мужа, патетически восклицаетъ критикъ, котораго въ Москвѣ называли мужемъ m-lle Янишъ, «ибо это значитъ запретить ему думать и хотѣть, а въ этой области онъ долженъ давать себѣ отчетъ одинъ, безъ сопровожденія жены: это его неотъемлемая собственность [1]).

Такое искаженіе мыслей автора «Переписки» невольно изумляетъ читателя; не знаешь даже, чему приписать его: странной ли путаницѣ понятій или раздраженію противъ основныхъ мыслей автора «Переписки». Бѣлинскій былъ послѣдовательнѣе; ему не нравился христіанскій взглядъ на бракъ «Переписки». Увлеченный пропагандой эмансипаціи женщины, ко-

---

[1]) Соч Бѣлинскаго, т. XI, стр 84 и 85.

[2]) См. Четвертое письмо Н. Ф. Павлова къ Гоголю, «Рус. Архивъ» 1890 г. № 2, стр. 307.

торую проповѣдывала Жоржъ Зандъ, Бѣлинскій осмѣивалъ все, что шло въ разрѣзъ съ этой тенденціей, и поэтому набросился на письмо Гоголя «Женщина въ свѣтѣ».

Остальная часть письма носитъ, такъ сказать, личный характеръ; это совѣты и утѣшенія, обращенные къ хорошей знакомой, поставленной въ извѣстныя условія жизни, — обстоятельство, которое не слѣдуетъ упускать изъ вида, при добросовѣстной оцѣнкѣ этихъ совѣтовъ. Въ нихъ проводится любимая мысль Гоголя, что «на всякомъ мѣстѣ можно дѣлать добро» и что причина многихъ современныхъ золъ—недовольство своимъ положеніемъ, вслѣдствіе чего каждому представляется, что онъ не на своемъ мѣстѣ. «Нужно теперь подумать всѣмъ намъ, какъ на своемъ мѣстѣ дѣлать добро». Отвѣчая молодой и свѣтской женщинѣ, которая жаловалась, что не имѣетъ дѣтей и заботъ, лежащихъ на другихъ [1]), не знаетъ, что съ собой дѣлать, потому что не находитъ себѣ прямыхъ обязанностей въ «выдохшемся свѣтскомъ обществѣ», которое казалось ей безлюднѣе самаго безлюдья и представляло одни пустые выѣзды. Гоголь пишетъ ей: «Но тѣмъ не менѣе свѣтъ все же населенъ; въ немъ люди и притомъ такіе же, какъ и вездѣ. Они и болятъ, и страждутъ, и нуждаются, и безъ словъ вопіютъ о помощи,—и увы! даже не знаютъ, какъ попросить о ней». «Вы говорите,—продолжаетъ онъ,—что даже и не знаете и не можете придумать, чѣмъ вы можете быть кому-нибудь полезны въ свѣтѣ, что для этого нужно быть такой высоко умной и всезнающей женщиной, что голова кружится, при одномъ помышленіи обо всемъ этомъ». «А если для этого нужно быть только тѣмъ, что вы уже есть? Все, что вы ни говорите о самой себѣ, совершенная правда; вы точно слишкомъ молоды, не пріобрѣли ни познанія людей, ни познанія жизни, словомъ—ничего того, что

---

[1]) «Мужъ не обремененъ занятіями, и потому не представляется надобности помогать ему и ухаживать за нимъ, дѣла не разстроены и не заставляютъ ѣхать въ деревню и заняться хозяйствомъ, исполняя обязанности помѣщицы» - наивно сѣтуетъ она.

необходимо, дабы оказывать помощь душевную другимъ; можетъ быть, даже вы и никогда этого не пріобрѣтете; но у васъ есть другія орудія, съ которыми вамъ все возможно». «Во-первыхъ, вы имѣете уже красоту, во-вторыхъ неопозоренное, неоклеветанное имя, въ третьихъ—власть, которой вы сами въ себѣ не подозрѣваете—власть чистоты душевной». Здѣсь Гоголь объясняетъ свой взглядъ на женскую красоту и говоритъ о ея высокомъ значеніи и смыслѣ, при чемъ въ его словахъ сказывается художникъ, который такъ же, какъ и Пушкинъ, ставилъ красоту «выше міра и страстей». «Чистая, истинная красота, говорилъ Гоголь, бесѣдуя съ художниками въ Римѣ, «хвала Богу на землѣ» [1]).

«Красота женщины еще тайна», замѣчаетъ Гоголь въ этомъ письмѣ. «Богъ не даромъ повелѣлъ инымъ изъ женщинъ быть красавицами; не даромъ опредѣлено, чтобы всѣхъ равно поражала красота, даже и такихъ, которые ко всему безчувственны и ни къ чему не способны» («Женщина въ свѣтѣ», стр. 14, т. IV). «Стало быть, это орудіе сильное», продолжаетъ Гоголь, но вы имѣете еще высшую красоту—чистую прелесть какой-то особенной одной вамъ свойственной невинности, которую я не умѣю опредѣлить словомъ, но въ которой такъ и свѣтится всѣмъ ваша голубиная душа». «Знаете ли, что мнѣ признавались наиразвратнѣйшіе изъ нашей молодежи, что передъ вами ничто дурное не приходило имъ въ голову, что они не отваживаются сказать въ вашемъ присутствіи двусмысленнаго слова». «Кто не смѣетъ себѣ позволить, при васъ, дурной мысли, тотъ уже ея стыдится, а такое обращеніе въ самого себя, хотя бы даже мгновенное, есть уже первѣйшій шагъ человѣка къ тому, чтобы стать лучше. Въ прибавленіе ко всему

---

[1]) Такой отзывъ Гоголя о красотѣ мы слышали отъ нѣсколькихъ лицъ и между прочимъ отъ покойнаго И. Ф. Золотарева. Послѣдній, встрѣтивши случайно, зимой 1874—75 года, въ Римѣ одного стараго художника-неудачника, знавшаго Гоголя, въ разговорѣ съ нимъ о взглядахъ Гоголя на искусство, припомнилъ эти слова Гоголя.

этому вы уже имѣете, самимъ Богомъ водворенное вамъ въ душу, стремленіе, или,какъ вы называете, жажду добра. Неужели вы думаете, что даромъ внушена вамъ эта жажда, отъ которой вы не спокойны ни на минуту» (тамъ же, стр. 14 и 15). «Отчего», спрашиваетъ Гоголь, въ заключеніе письма, «вы такъ испугались разсказовъ о свѣтскомъ развратѣ. Онъ точно есть, и еще даже въ большей мѣрѣ, нежели вы думаете, но вамъ и знать объ этомъ не должно. Вамъ ли бояться жалкихъ соблазновъ свѣта? Влетайте въ него смѣло, съ тою же сіяющей вашей улыбкой, входите въ него, какъ въ больницу, наполненную страждущими, но не въ качествѣ доктора, приносящаго строгія предписанія и горькія лѣкарства: вамъ не слѣдуетъ разсматривать, какими болѣзнями кто боленъ. У васъ нѣтъ способности распознавать и исцѣлять болѣзни, и я вамъ не дамъ такого совѣта, какой мнѣ бы слѣдовало дать всякой другой женщинѣ, къ тому способной. Ваше дѣло только—приносить страждущему вашу улыбку, да тотъ голосъ, въ которомъ слышится человѣку прилетѣвшая съ небесъ его сестра — ничего больше» (стр. 15 и 16). Здѣсь въ каждой строкѣ видѣнъ художникъ, который любуется свѣтлымъ и чистымъ образомъ красоты въ женщинѣ, къ которой онъ пишетъ. Очевидно, что суровый аскетизмъ моралиста вовсе не убилъ въ Гоголѣ художника, котораго уже въ то время оплакивали его московскіе друзья (Письмо Гоголя къ «Женщинѣ въ свѣтѣ» помѣчено 1846 г.). С. Т. Аксаковъ еще въ 1844 г., «дрожавшій», какъ онъ писалъ Гоголю [1]), чтобы умственное напряженіе отшельника не охладило творческой силы чувства, опасаясь, чтобы отъ духовнаго настроенія Гоголя въ немъ не пострадалъ художникъ, однако, этого не замѣтилъ и не оцѣнилъ. Напротивъ,

[1]) Письмо отъ 17 апрѣля 1844 г., а также и позднѣйшія сѣтованія С. Т. Аксакова на эту тему въ его письмахъ, напечатанныхъ въ «Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ». Москва 1890 г. Эта брошюра издана въ свѣтъ Н. М. Павловымъ, послѣ смерти И. С. Аксакова, который не желалъ издавать оставленную его отцомъ рукопись, безъ соотвѣтствующихъ примѣчаній и комментаріевъ.

такое «кажденіе красотѣ» его возмутило, и онъ увидѣлъ въ этомъ письмѣ только ложь и лесть. «Онъ, т. е. Гоголь», писалъ Аксаковъ сыну, въ Калугу, послѣ прочтенія «Переписки», «льститъ женщинѣ, ея кратотѣ, ея прелестямъ».

Въ семьѣ Аксаковыхъ, еще прежде появленія въ печати книги Гоголя, рѣшили, что онъ или боленъ, или потерялъ разсудокъ, а въ его религіозномъ направленіи даже заподозрили вліяніе католицизма, хотя и не замѣчаемое имъ самимъ, какъ послѣдствіе продолжительной жизни за-границей [1]).

Но если Аксаковъ, искренно любившій Гоголя, негодовалъ и возмущался «Женщиной въ свѣтѣ», въ частныхъ письмахъ, другой его московскій знакомый, считавшійся также пріятелемъ нашего великаго писателя, Н. Ф. Павловъ, издѣвался надъ этой статьей «Переписки», въ печати, пользуясь случаемъ, чтобы блеснуть остроуміемъ салоннаго болтуна.

Ничего кромѣ этого послѣдняго и не содержится въ полемическихъ письмахъ этого критика, утверждающаго, что онъ началъ читать поученія автора свѣтской женщинѣ, съ большимъ уваженіемъ къ роли наставника и учителя и съ великимъ предубѣжденіемъ въ пользу автора, отъ котораго ожидалъ суроваго слова истины, свѣтлой мысли и добраго урока, какъ свѣтской женщинѣ, такъ и другимъ дочерямъ Евы. Но велико было мое разочарованіе, тщетны были мои надежды, острить онъ, обращаясь къ Гоголю. «Вы пустились въ комплименты, бывшіе въ употребленіи по гостинымъ восемнадцатаго вѣка; вы смотрите на исторію, какъ смотрѣлъ французъ Лемонте; вы проповѣдуете идолопоклонство передъ женской красотой, позволительное не нравоучителю девятнадцатаго столѣтія, а герою того войска, которое дралось когда-то десять лѣтъ за прекрасную Елену; вы признаете въ красавицѣ такое могущество, что, читая васъ, такъ и хочется влюбиться въ женщину безобразную» и т. д. («Рус. Архивъ» за 1890 г. № 2 стр. 305).

---

[1]) См. выписки изъ писемъ одной изъ дочерей С. Т. Аксакова (Вѣры Сергѣевны) къ ея родственницѣ М. Г. Карташевской, въ Петербургъ „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“, стр. 155).

Изъ вышеизложеннаго содержанія письма «Женщинѣ въ свѣтѣ» видно, что критика это—не болѣе, какъ упражненіе въ острословіи, обнаруживающее полное непониманіе того, что̀ написано Гоголемъ. Съ такими пріемами полемики можно исказить всякую мысль, ради забавы публики, вообще падкой на такія искаженія, когда они льстятъ ея настроенію.

Въ заключеніе полемическихъ красотъ своего обличительнаго письма П. Ф. Павловъ, цѣпляясь за неточность или пожалуй неловкость редакціи одной фразы письма, становится въ докторальную позу, намекая, что Гоголь не изучилъ исторію во всѣхъ подробностяхъ. Вотъ эта—дѣйствительно неудачная фраза: «Если уже одинъ безсмысленный капризъ красавицы бывалъ причиной переворотовъ всемірныхъ и заставлялъ дѣлать глупости напумнѣйшихъ людей, что же было бы тогда, еслибы этотъ капризъ былъ осмысленъ и направленъ къ добру». («Переписка», «Женщина въ свѣтѣ», стр. 14).

Очевидно, Гоголь здѣсь имѣлъ въ виду не всемірные перевороты въ исторіи, а лишь историческія событія, въ которыхъ играли роль женщины, и притомъ еще обмолвился словомъ *капризъ*, выставляя возможность благого вліянія красоты въ обществѣ, когда обладающая ею женщина одушевлена добрыми намѣреніями и цѣлями. Пользуясь этимъ неудачнымъ выраженіемъ Гоголя, критикъ не ограничивается указаніемъ на него, а съ комическимъ самодовольствомъ и важностью восклицаетъ: «гдѣ же этотъ всемірный переворотъ, котораго причиной былъ безсмысленный капризъ красавицы? Назовите. Всемірные перевороты совершались по требованію всемірныхъ идей». Исторія, какъ увѣряютъ, есть свѣтильникъ истины. Неужели стоило бы ей учиться, если бы въ ней разсказывались капризы красавицъ?»

Въ данномъ случаѣ, говоря о капризахъ красавицы, бывшихъ причиной переворотовъ, Гоголь, кажется, имѣлъ въ виду Клеопатру (онъ въ началѣ сороковыхъ годовъ прилежно читалъ драмы Шекспира). Если великій драматургъ нѣсколько преувеличилъ роль египетской красавицы, въ исторической

борьбѣ Антонія съ Октавіемъ, то едва-ли справедливо казнить Гоголя за ту же погрѣшность въ письмѣ къ свѣтской женщинѣ, которую онъ старался убѣдить въ возможности ея вліянія на среду, въ которой она вращалась—вѣдь это письмо отнюдь не лекція исторіи.

Всего удивительнѣе заключеніе полемическаго письма московскаго критика, который выводитъ изъ неловкой фразы Гоголя его солидарность съ послѣдователями Лойолы. «Существуетъ историческое ученіе, заявляетъ онъ, которое признаетъ возможность превратить зло въ добро (т. е. пользоваться капризами для благихъ цѣлей). Оно признаетъ всѣ средства дозволенными для достиженія благихъ цѣлей, оно учитъ направлять зло къ добру. Но вѣдь этимъ занимаются послѣдователи Лойолы», т. е. іезуиты («Р. Ар.», стр. 309).

Гоголь не любилъ возражать критикамъ, особенно если не находилъ въ нихъ существенныхъ и серьезныхъ указаній и притомъ еще сомнѣвался въ искренности выражаемыхъ ими мнѣній, хотя всегда внимательно прислушивался къ голосу критики [1]). Извѣстно также, что онъ тщательно собиралъ всѣ критическія замѣчанія на «Выборныя мѣста изъ переписки съ друзьями», придавая значеніе нѣкоторымъ изъ нихъ. Но критическія письма Павлова не произвели на него сильнаго впечатлѣнія; онъ шутливо отзывается объ нихъ въ письмѣ къ Шевыреву, отъ 2 декабря 1847 г., относя ихъ къ произведеніямъ литературныхъ наѣздниковъ, разбившихъ въ-пухъ его «Переписку» [2]).

---

[1]) См. Письмо Гоголя къ А. О. Смирновой, изъ Рима отъ 2 ноября 1842 г. Въ томъ же смыслѣ высказался онъ и въ письмѣ къ С. Т. Аксакову изъ Гастейна отъ 18 августа того же года. С. Т. Аксаковъ въ «Исторіи знакомства съ Гоголемъ» неоднократно указываетъ на то, какъ дорожилъ Гоголь всякимъ критическимъ замѣчаніемъ (см. стр. 53 и 54, а также 188).

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 441. Гоголя заинтересовало первое критическое письмо Павлова, въ остальныхъ же двухъ—онъ справедливо видѣлъ лишь желаніе критика «порисоваться передъ публикой».

Въ письмѣ подъ заглавіемъ «Значеніе болѣзней», адресованномъ къ гр. А. П. Толстому, близкому и вѣрному другу Гоголя [1]), послѣдній развиваетъ свою любимую мысль о нравственномъ значеніи болѣзней и страданій, очищающихъ духовную природу человѣка. Эта мысль не новая,—она давно и краснорѣчиво разработана многими извѣстными духовными писателями. Въ нашей свѣтской литературѣ, послѣ Гоголя ее съ большимъ талантомъ проводилъ О. М. Достоевскій, во многихъ и притомъ лучшихъ своихъ произведеніяхъ. Въ настоящемъ очеркѣ я считаю излишнимъ касаться этого предмета.

Слѣдующая затѣмъ статья, по порядку четвертая, въ «Перепискѣ»—о томъ, что такое слово», стр. 18—21, при первомъ своемъ появленіи въ печати, отзывомъ о Погодинѣ, котораго всѣ узнали подъ буквой П., возбудила сильное неудовольствіе въ людяхъ близкихъ къ послѣднему. С. Т. Аксаковъ писалъ, что Гоголь публично обезчестилъ Погодина. Она начинается воспоминаніемъ о Пушкинѣ, говорившемъ: «слова поэта суть уже его дѣла», и содержитъ вѣрную и тонкую оцѣнку одъ Державина. Въ ней указано, что для славы Державина слѣдовало бы сжечь цѣлую половину его одъ, представляющихъ лишь пошлую пародію и намалеванную каррикатуру «на орлиную замашку» другихъ его дѣйствительно одушевленныхъ одъ. Державинъ слишкомъ повредилъ себѣ тѣмъ, что не сжегъ цѣлой половины ихъ. «Сколько усомнилось въ искренности чувствъ его потому только, что нашло ихъ во многихъ мѣстахъ выраженными слабо и бездушно». «И все потому, что не сожжено то, что должно быть предано огню». «Въ словахъ писателя», говоритъ далѣе Гоголь, должна дышать святыня того, что должно быть свято. Чѣмъ истины выше, тѣмъ нужно быть осторожнѣе съ ними, иначе онѣ вдругъ обратятся въ общія мѣста, а общимъ мѣстамъ уже не вѣрятъ. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемѣрные, или даже просто не приго-

---

[1]) IV т. стр. 17 и 18, а также прим. редактора (Н. С. Тихонравова) къ этому тому Соч. Гоголя, стр. 478—481.

товленные проповѣдыватели Бога, дерзавшіе произносить имя Его неосвященными устами. Обращаться со словомъ нужно честно: оно есть высшій даръ Бога человѣку. Бѣда произносить его писателю въ тѣ поры, когда онъ находится подъ вліяніемъ страстныхъ увлеченій, досады или гнѣва или какого-нибудь личнаго нерасположенія къ кому бы то ни было, словомъ, въ тѣ поры, когда еще не пришла въ стройность его собственная душа. Въ «неосторожномъ», по сознанію самого Гоголя, отзывѣ о Погодинѣ, однако, вовсе не заключалось того, что представилось встревоженнымъ друзьямъ послѣдняго, упрекавшимъ автора «Переписки» въ публичномъ оскорбленіи Погодина.

Собственно говоря, въ этомъ письмѣ порицалась лишь торопливость этого неутомимаго общественнаго дѣятеля, въ области науки и литературы, достоинства котораго тутъ не весьма ясно и твердо указаны тономъ полнаго убѣжденія. Въ видѣ примѣра того, что съ самымъ чистѣйшимъ желаніемъ добра можно произвести зло, Гоголь ссылается на своего пріятеля П***. «Онъ торопился, пишетъ Гоголь, всю свою жизнь, спѣша дѣлиться всѣмъ съ своими читателями, сообщать имъ все, чего ни набиралъ самъ, не разбирая, созрѣла ли мысль въ его собственной головѣ, такимъ образомъ, дабы стать близкой и доступной всѣмъ, словомъ—выказывалъ передъ читателями себя всего, во всемъ своемъ *неряшествѣ*. И что же? Замѣтилъ ли читатель тѣ благородные и прекрасные порывы, которые сверкали у него весьма часто? Приняли ли отъ него то, чѣмъ онъ хотѣлъ съ ними подѣлиться? Нѣтъ, они замѣтили въ немъ одно только неряшество и неопрятность, которыя прежде всего замѣчаетъ человѣкъ и ничего отъ него не приняли» [1]). Обыкновенно этотъ отзывъ Гоголя о Погодинѣ объясняютъ личнымъ его раздраженіемъ противъ стараго московскаго пріятеля, съ которымъ у него установились натянутыя отношенія, послѣ зимы 41 г., которую Гоголь провелъ въ Москвѣ въ домѣ Погодина; кромѣ того, статья «О томъ, что такое слово», помѣчена 1844 годомъ

---

[1]) «Выбранныя мѣста изъ переписки». Соч. Гоголя т. IV, стр. 20.

а какъ разъ въ этомъ году Погодинъ снова вызвалъ неудовольствіе Гоголя, безцеремонно напечатавъ безъ его согласія въ «Москвитянинѣ» портретъ, вовсе не предназначавшійся къ обращенію въ публикѣ, подаренный ему Гоголемъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ [1]). Но въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе, какія чувства питалъ авторъ къ Погодину не въ 44 г., а въ іюлѣ 1846 года, когда готовилъ къ печати эту статью передъ отсылкой ее Плетневу, для помѣщенія въ «Перепискѣ». Читателю уже извѣстно настроеніе и состояніе Гоголя въ это время. Лѣтомъ этого года Гоголь несомнѣнно былъ сильно боленъ серьезно готовился къ смерти и даже два раза говѣлъ. Принимая во вниманіе общее состояніе его духа, слѣдуетъ прійти къ заключенію, что личныя обиды, причиненныя ему Погодинымъ, были прощены, и вовсе не мстительное чувство руководило имъ при помѣщеніи этой статьи. Самъ Гоголь весьма категорически указываетъ на это, въ откровенномъ письмѣ къ Шевыреву изъ Неаполя, отъ 4 марта 1847 г., хотя О. О. Миллеръ въ своихъ комментаріяхъ къ письмамъ Гоголя въ «Рус. Старинѣ» (см. 12 книжку за 1875 г.), а равно Н. С. Тихонравовъ, болѣе безпристрастный въ оцѣнкѣ Гоголя, въ своихъ примѣчаніяхъ къ статьѣ «О томъ, что такое слово», относится съ недовѣріемъ къ объясненіямъ этого письма.

Вотъ что писалъ Гоголь къ Шевыреву, между прочимъ, по этому поводу: «Что же касается словъ С. Т. Аксакова, будто я обезчестилъ Погодина публично, то это совершенно несправедливо. Моей ненависти противъ Погодина никто не отыскалъ въ этихъ словахъ о Погодинѣ изъ людей, которымъ не знакомы наши отношенія. Ихъ увидѣли вы потому, что взглянули уже глазами предубѣжденными, и потому, что вамъ извѣстны многія такія обстоятельства, которыя не могутъ быть извѣстны читателю. Если же кто отыщетъ въ нихъ слѣдъ ненависти и озлобленія моего противъ Погодина, тогда безчестіе мнѣ, а не Погодину. Кто же выигралъ, я или Погодинъ? Кому слава—мнѣ

[1]) См. примѣчанія Н. С. Тихонравова къ этой статьѣ «Переписки», стр. 481—485 т. IV, изд. подъ его редакціей. Соч. Гоголя.

или Погодину?» (См. «Рус. Старина» 1875 г., книжка 12. Письмо Гоголя къ Шевыреву отъ 4 марта 1847 г.).

Даже такой строгій судья Гоголя, какъ покойный профессоръ Миллеръ, признаетъ, что послѣ бури, воздвигнутой на «Переписку», Гоголь значительно умягчился сердцемъ, и письма его послѣдней поры отзываются искренностью и задушевностью, которыя во всей прежней перепискѣ его просвѣчивали лишь кое-гдѣ («Рус. Старина» за 1875 г. № 12, стр. 677). Кромѣ того извѣстно, что, когда впослѣдствіи Гоголь думалъ выпустить вторымъ изданіемъ «Переписку», онъ не предполагалъ исключить изъ статьи «О томъ, что такое слово»,—отзывъ о Погодинѣ, а хотѣлъ лишь дополнить его въ книгѣ письмомъ къ С. С. Шевыреву—«О достоинствѣ сочиненій и литературныхъ трудовъ Погодина», о чемъ и писалъ Шевыреву [1]). Трудно предположить, чтобы Гоголь, такъ строго относившійся ко всѣмъ своимъ слабостямъ, особенно въ послѣдній періодъ жизни, захотѣлъ оставить въ «Перепискѣ» отзывъ о Погодинѣ, дѣйствительно вызванный личной обидой, раздраженіемъ и чувствомъ мести. Перечитывая теперь въ названной статьѣ то, что говоритъ Гоголь о Погодинѣ, мнѣ кажется, слѣдуетъ прійти къ заключенію, что Гоголь былъ правъ, признавая свой отзывъ о Погодинѣ лишь «неосторожнымъ словомъ», которое онъ не успѣлъ взвѣсить въ виду спѣшнаго приготовленія книги къ печати—его не было бы въ книгѣ, еслибы авторъ самъ печаталъ ее [2]).

Н. С. Тихонравовъ, настаивая на желаніи Гоголя упрекнуть

[1]) Письмо изъ Неаполя отъ 27 апрѣля 1847 г. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 374.

[2]) Для правильной оцѣнки этого довольно щекотливаго, хотя въ сущности весьма второстепеннаго вопроса, слѣдуетъ принять во вниманіе не только письма Гоголя къ Шевыреву, но и къ Н. Н. Шереметевой. Это послѣднее отличается глубокой искренностью, какъ и всѣ письма его къ этой высокочтимой имъ женщинѣ, къ которой Гоголь относился, какъ къ матери (см. Соч. и письма Гоголя, т. IV, стр. 365 и 366). Я остановился подробнѣе на довольно скучныхъ подробностяхъ этихъ пререканій, только потому, что О. Ѳ. Миллеръ укоризненно замѣчаетъ по поводу отзыва Гоголя о Погодинѣ: «Бѣда, если писатель станетъ писать подъ вліяніемъ досады, личностей» и т. д.

Погодина и, повидимому, не соглашаясь съ объясненіемъ Гоголя (мы не даемъ особой вѣры «оговоркѣ Гоголя», т. е. въ письмѣ къ Шевыреву отъ 4 марта 47 г.), ссылается на то, «что, несмотря на всю поспѣшность подготовки писемъ и статей къ печати, они подвергались, при перепискѣ съ черновыхъ набросковъ и съ отправленныхъ къ разнымъ лицамъ оригиналовъ, значительнымъ редакціоннымъ передѣлкамъ. По такому знатоку пріемовъ работы, въ высшей степени нервнаго Гоголя, какъ почтенный издатель его сочиненій, должно быть извѣстно, что Гоголь считалъ необходимымъ лично просматривать корректуры, видя въ этомъ единственное средство провѣрить и взвѣсить впечатлѣніе написаннаго на читателя, и только по болѣзни и въ виду невозможности ѣхать въ Россію отказался отъ личнаго наблюденія за печатаніемъ «Переписки». Такимъ образомъ, можно и должно допустить, что сказанная статья, если и «была не чужда цѣли упрекнуть Погодина, въ нѣкоторыхъ недостаткахъ, вредящихъ ему и ставящихъ его въ непріятныя отношенія къ людямъ», то въ намѣренія Гоголя вовсе не входило оскорбить Погодина. На это и сводятся всѣ объясненія самого Гоголя, которыя поэтому нельзя признать неискренними, какъ это старались доказать критики «Переписки».

Наиболѣе сильное мѣсто въ отзывѣ о Погодинѣ было выкинуто въ первомъ изданіи «Переписки», т. е. 1847 г., тѣмъ не менѣе, какъ писалъ С. Т. Аксаковъ Гоголю, вслѣдъ за выходомъ книги, упрекая его въ злобныхъ выходкахъ противъ Погодина, послѣдній былъ сначала такъ оскорбленъ статьей «О томъ, что такое слово», что даже плакалъ, по словамъ Аксакова [1]).

Вся эта исторія имѣетъ въ настоящее время лишь тотъ интересъ, что объясняетъ еще одну изъ причинъ чисто личнаго неудовольствія московскихъ славянофиловъ противъ «Пе-

[1]) Въ «Жизни и Трудахъ Погодина» Н. П. Барсуковымъ помѣщены отрывки изъ его Дневника, передающіе личныя его впечатлѣнія по поводу «Переписки» Гоголя. Сначала, по свидѣтельству Дневника Погодина, «огорчилъ до слезъ, но когда перечелъ всю книгу, то увидѣлъ что Гоголь вовсе не хотѣлъ обругать и оскорбить его». (Жизнь и Труды Погодина т. VIII стр, 544).

реписки». Они считали Погодина своимъ человѣкомъ и, состоя въ ожесточенной полемикѣ, съ кружкомъ Бѣлинскаго, полемизировавшаго съ ними въ «От. Запискахъ», даже заподозрили Гоголя въ нѣкоторомъ заискиваніи передъ послѣднимъ, вслѣдствіе чего будто бы въ «Перепискѣ» и появился неблагопріятный для Погодина отзывъ.

Но съ этой стороны нападенія на «Переписку» шли съ неменьшимъ, если только это возможно, ожесточеніемъ, и притомъ имѣли болѣе принципіальный характеръ.

Бѣлинскій негодовалъ, подвергая всякаго рода бичеваніямъ автора «Переписки», между прочимъ и потому, что видѣлъ въ ней «гнусное потворство крѣпостному праву» и любовный дифирамбъ связи русскаго народа съ его владыками. Въ своемъ заграничномъ письмѣ къ Гоголю, Бѣлинскій, объясняя свое раздраженіе противъ его книги, писалъ: «великій писатель», который такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давъ ей возможность взглянуть на самое себя, какъ будто въ зеркалѣ, является съ книгой, въ которой во имя Христа и Церкви учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ побольше денегъ, учитъ ругать ихъ» и т. д.

Поводомъ къ такой пламенной діатрибѣ послужило XXII письмо «Переписки», подъ заглавіемъ «Русскій помѣщикъ». Я изложу содержаніе его нѣсколько подробнѣе, чтобы показать читателямъ, на какомъ явномъ и странномъ искаженіи смысла этого письма держится исполненное негодованія обвиненіе критика [1].

Оно адресовано къ одному изъ пріятелей Гоголя, имя котораго скрыто подъ буквами Б. И. Б. и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ біографамъ—повидимому, человѣку хорошему, рѣшившемуся серьезно посвятить себя исполненію своихъ обя-

[1]) Даже пріятель Бѣлинскаго, В. П. Боткинъ, находилъ, «что нападенія Бѣлинскаго на Гоголя написаны безъ довольной обдуманности, но О. Ѳ. Миллеръ тридцать пять лѣтъ спустя ставитъ это письмо на пьедесталъ, прославляя за него «нашего славнаго критика» и утверждая, что оно имѣло не только временное значеніе, какъ думаютъ нѣкоторые, но и сохраняетъ его до сихъ поръ, заклеймивъ навсегда позорныя страницы «Переписки» («Рус. Старина» 1875 г. № 12, стр. 662 и 663).

занностей въ деревнѣ, въ качествѣ помѣщика 800 душъ крестьянъ. Называя его «варваромъ», Бѣлинскій не имѣлъ другого основанія, кромѣ общаго предположенія, что всѣ помѣщики варвары.

«Главное то, что ты уже пріѣхалъ въ деревню и положилъ себѣ непремѣнно быть помѣщикомъ; прочее все придетъ само собой», такъ начинается письмо [1]). Какъ извѣстно, Гоголь ставилъ весьма высоко исполненіе помѣщикомъ его обязанностей, видѣлъ въ нихъ службу государству, ничуть не ниже той, которую несутъ разные великочиновные люди на другихъ поприщахъ. Такой взглядъ высказывается и въ дошедшихъ до насъ черновыхъ отрывкахъ второй части «Мертвыхъ душъ».

Совѣты, съ которыми обращается Гоголь къ своему пріятелю-помѣщику, поселившемуся въ деревнѣ, показываютъ, съ какимъ энтузіазмомъ относился онъ къ этому вопросу—причину чего я объясню ниже. Въ этихъ совѣтахъ писателя, мечтающаго о благоустройствѣ сельскаго быта, на почвѣ существовавшихъ тогда между помѣщиками и крестьянами отношеній, т. е. при крѣпостной зависимости, конечно, можно видѣть несбыточную фантазію, можно даже осмѣивать авторитетный тонъ этихъ совѣтовъ, но во всякомъ случаѣ въ нихъ нѣтъ ничего такого, что бы обличало въ Гоголѣ «проповѣдника кнута и панегириста татарскихъ нравовъ», по выраженію Бѣлинскаго. «Не смущайся мыслями, будто бы прежнія узы, связывавшія помѣщика съ крестьянами, исчезнули на вѣки, писалъ Гоголь. «*Что они исчезли, это правда, что виноваты въ томъ сами помѣщики, это тоже правда* [2]), но чтобы навсегда или навѣки онѣ ис-

---

[1]) См. «Переписку», въ IV т. Сочиненій Гоголя, стр. 118—125.

[2]) Напечатанныя курсивомъ слова были выкинуты цензоромъ А. В. Никитенко, изъ перваго изданія книги. (См. «Выбранныя мѣста изъ переписки», С.-Петербургъ 1847 г., стр. 155). Вообще любопытно сравнить подлинный текстъ «Переписки», въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ Н. С. Тихонравовымъ, въ IV т. десятаго изданія соч. Гоголя,—съ этимъ первымъ изданіемъ книги. Самъ Гоголь въ письмѣ къ П. А. Плетневу (отъ 11 февраля 1847 г.), называетъ первое изданіе «Переписки» «обгрызаннымъ Н. (т. е. Никитенко) оглодкомъ» (см. Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 336).

чезнули,—плюнь ты на такія слова: сказать ихъ можетъ только тотъ, кто дальше своего носа ничего не видитъ». Это замѣчаніе Гоголя требуетъ объясненія. Въ сороковыхъ годахъ уже стало у насъ возникать мнѣніе, что отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ должны быть поставлены на чисто экономическую почву, устранявшую всякую нравственную и бытовую связь между ними. Крестьяне должны правильно отбывать возложенныя на нихъ повинности, до остальнаго помѣщику нѣтъ дѣла. Гоголь возстаетъ противъ этого взгляда, называетъ его незаконнымъ и несогласнымъ съ нашими обычаями и натурой русскаго человѣка, а своему пріятелю рекомендуетъ относиться совершенно иначе къ его крестьянамъ. «Собери прежде всего мужиковъ,—писалъ Гоголь,—и объясни имъ, что̀ такое ты и что̀ такое они; что помѣщикъ ты надъ ними не потому, что тебѣ хотѣлось повелѣвать и быть помѣщикомъ, но потому, что ты уже есть помѣщикъ, что ты родился помѣщикомъ, что взыщетъ съ тебя Богъ, если бы ты промѣнялъ это званіе на другое, потому что всякій долженъ служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ, что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога». Какъ видно изъ дальнѣйшаго содержанія письма Гоголя, онъ совѣтуетъ своему пріятелю-помѣщику служить примѣромъ для своихъ крестьянъ въ трудѣ и доброй жизни. «Возьми самъ въ руки топоръ или косу; это будетъ для тебя въ добро и полезнѣе для твоего здоровья всякихъ Маріенбадовъ, медицинскихъ моціоновъ и вялыхъ прогулокъ. Заведи, чтобы при началѣ всякаго общаго дѣла, какъ-то: посѣва, покосовъ, уборки хлѣба былъ пиръ на всю деревню, чтобы въ эти дни былъ общій столъ для всѣхъ мужиковъ на твоемъ дворѣ, какъ бы въ день самаго Свѣтлаго Воскресенія, и обѣдалъ бы ты самъ вмѣстѣ съ ними и вмѣстѣ съ ними вышелъ на работу, и въ работѣ былъ бы передовымъ, подстрекая всѣхъ работать молодцами, похваливая тутъ же удальца и укоряя тутъ же лѣнивца. Когда же наступитъ осень и кончатся полевыя работы, воспраздную такимъ же образомъ и еще большимъ пиршествомъ окончаніе работъ, въ сопровожденіи торжественнаго и благодарственнаго молебна.

Мужика не бей, но умѣй пронять его хорошенько словомъ; ты же на мѣткія слова мастеръ. Держи у себя въ запасѣ всѣ синонимы молодца для того, кого нужно подстрекнуть, и всѣ синонимы бабы для того, кого нужно попрекнуть, чтобы слышала вся деревня, что лѣнтяй и пьяница—есть баба и дрянь. Въ комнатѣ не засиживайся, а появляйся чаще на крестьянскихъ работахъ.

Кромѣ того, Гоголь совѣтуетъ своему пріятелю поддерживать и охранять въ деревнѣ уваженіе «къ добрымъ мужикамъ и старикамъ», сравнивая ихъ въ этомъ отношеніи съ самимъ помѣщикомъ; чтобы передъ «примѣрными мужиками и хозяевами» всѣ снимали шапки и давали имъ, съ почетомъ, дорогу, а который бы посмѣлъ оказать имъ какое-нибудь неуваженіе и не послушать ихъ умныхъ словъ, того тутъ же распеки, при всѣхъ; скажи ему: «ахъ ты не вымытое рыло, самъ весь зажилъ въ сажѣ, такъ что глазъ не видать, а не хочешь оказать чести честному» [1]). А примѣрныхъ мужиковъ, призвавши къ себѣ и, если они старики, посадивши ихъ передъ собой, потолкуй съ ними о томъ, какъ они могутъ наставлять и учить добру другихъ, исполняя, такимъ образомъ, то, что повелѣлъ намъ Богъ».

Съ такими совѣтами къ своему пріятелю-помѣщику обратился Гоголь, при существовавшемъ тогда порядкѣ вещей. Можно, конечно, оспаривать и отвергать ихъ удобоисполнимость. Можно говорить о неудачной формѣ совѣтовъ. Можно наконецъ усумниться въ практической компетентности Гоголя, придававшаго такое значеніе установленію рекомендуемыхъ имъ отношеній помѣщика къ крестьянамъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, заключалась вся суть дѣла, а все прочее «приползетъ само собой». «Христосъ не даромъ сказалъ», утверждалъ Гоголь: «сія вся вамъ приложатся». Въ крестьянскомъ быту эта

---

[1]) Изъ сравненій этого мѣста съ письмомъ къ важному лицу, именно съ страницей 160 т. IV Соч., гдѣ говорится о дворянинѣ, который «*весь зажилъ въ грязи и сажѣ*», ясно, что этотъ упрекъ касается неопрятности нравственной, а не физической, вопреки ошибочному толкованію Бѣлинскаго, въ его заграничномъ письмѣ.

истина еще виднѣе, нежели въ нашемъ; у нихъ богатый хозяинъ и хорошій человѣкъ—синонимы. И въ которую деревню заглянула только христіанская жизнь, тамъ мужики лопатами гребутъ серебро [1]).

Но тѣмъ не менѣе, перечитывая это письмо, можно только удивляться вызванному имъ негодованію. Очевидно, надо прійти къ заключенію, что возставали на Гоголя не только за то, что было высказано въ книгѣ, но и за то, чего въ ней не было. Гоголь особенно возбудилъ противъ себя многихъ тѣмъ, что, говоря объ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянамъ, онъ воздержался отъ всякаго протеста противъ крѣпостнаго права, хотя бы въ видѣ намека.

Однако, слѣдуетъ ли допустить, несмотря на такую программу отношеній помѣщика къ крестьянамъ, предложенную въ этомъ письмѣ, чтобы Гоголь не желалъ упраздненія крѣпостнаго права? Мысли и взгляды Пушкина по этому вопросу достаточно извѣстны, а Гоголь благоговѣйно слѣдовалъ во всемъ указаніямъ и мыслямъ своего великаго наставника и въ этомъ доходилъ даже до крайности [2]). Дѣло въ томъ, что онъ зналъ отъ того же Пушкина, а также отъ Смирновой и Жуковскаго, что вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостной зависимости былъ уже рѣшенъ въ принципѣ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, въ царствованіе котораго постоянно собирались секретные комитеты для его обсужденія. Зная все это, Гоголь, очевидно, думалъ, что въ государственномъ дѣлѣ такой важности, всякая попытка писателя торопить ходъ его не только не будетъ допущена, но можетъ повредить самому его успѣху. Поэтому вовсе не будучи чуждъ этому вопросу, но считая себя некомпетентнымъ въ разрѣшеніи его, Гоголь желалъ отъ всей души содѣйствовать установленію болѣе нравственныхъ отношеній между помѣщиками

---

[1]) «Выбранныя мѣста изъ переписки», стр. 120.

[2]) Такъ извѣстно, напр., что Гоголь, между прочимъ, выказывалъ нерасположеніе къ А. Н. Муравьеву только потому, что его не любилъ Пушкинъ.

и ихъ крестьянами, полагая, что этимъ способомъ можетъ быть подготовлена благопріятная почва для разрѣшенія вопроса, который своею трудностью и сложностью пугалъ самого Императора Николая Павловича.

Правда, въ этомъ письмѣ Гоголь рекомендуетъ русскому помѣщику дѣятельную опеку надъ его крестьянами, предписывая ему пещись также и объ ихъ нравственности.

Не входя въ теоретическое обсужденіе этого мнѣнія Гоголя, мы тѣмъ не менѣе позволимъ себѣ замѣтить, что совѣты его не были исключительно измышленіемъ его фантазіи, дѣломъ его личнаго взгляда, а имѣли нѣкоторое основаніе въ нашихъ народныхъ нравахъ и бытовыхъ преданіяхъ. Намѣченный имъ типъ русскаго помѣщика понятнѣе и ближе къ народу, чѣмъ какой-либо другой, и хотя рѣшительно осуждается либеральной доктриной, но такіе помѣщики пользовались расположеніемъ крестьянъ, когда умѣло брались за дѣло.

Помѣщикъ, раздѣлявшій съ народомъ его работу, дѣлившій съ народомъ нужду, существовалъ въ нашемъ быту, на что есть вполнѣ достовѣрныя указанія. Кромѣ того, во многимъ губерніяхъ нашихъ, особенно въ Малороссіи, существовалъ въ старину и даже въ началѣ вѣка обычай угощать крестьянъ передъ началомъ и въ концѣ полевыхъ работъ, причемъ помѣщикъ средней руки, не тронутый европейской цивилизаціей, садился за одинъ столъ съ крестьянами.

Такимъ образомъ, въ письмѣ Гоголя, подъ заглавіемъ «Русскій помѣщикъ», ничего позорнаго не заключается, да и вообще Гоголь не только лучше зналъ нашего крестьянина, но и любилъ его не менѣе вознегодовавшихъ на него, за это письмо, народолюбцевъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его интимныя письма и, между прочимъ, его письмо къ матери и сестрамъ отъ 3-го апрѣля 1851 года изъ Одессы [1]). Л. Н. Толстой, по выходѣ въ отставку поселившись въ деревнѣ, читалъ и много разъ перечитывалъ «Выбранныя мѣста изъ переписки», и письмо Гоголя

[1]) Соч. и письма, т. VI, стр. 527 и 528.

къ русскому помѣщику произвело на него сильное впечатлѣніе и притомъ не возбудило въ немъ никакого негодованія; его извѣстный очеркъ «Утро помѣщика» носитъ довольно очевидно слѣды этого вліянія [1]).

Новѣйшее ученіе Толстаго о необходимости ручнаго труда едва-ли не ведетъ свое начало отъ этого письма. Гоголь первый сказалъ представителю нашей интеллигенціи: «Возьми самъ въ руки топоръ или косу и займись домашней ручной работой», онъ только не возводилъ этого въ общее правило, какъ Л. Н. Толстой, а рекомендовалъ своему пріятелю-помѣщику, примѣняясь къ его характеру и личнымъ свойствамъ, какъ наиболѣе легкое средство вліянія на народъ.

Въ глазахъ Гоголя такой трудъ былъ средствомъ, а не

---

[1]) Въ этомъ Очеркѣ» или отрывкѣ изъ неоконченнаго романа,—какъ онъ названъ авторомъ,—написанномъ въ 1852 г., Л. Н. Толстой высказываетъ почти тотъ же взглядъ на призваніе и положеніе помѣщика въ деревнѣ. Правда, гуманно-деликатный и застѣнчивый резонеръ-помѣщикъ, выведенный Толстымъ, въ этомъ очеркѣ, князь Неклюдовъ, видимо, стѣсняется и конфузится своей властью надъ крестьянами, но Арина, мать Давыдки Бѣлаго, едва ли не наиболѣе симпатичная автору представительница крестьянскихъ воззрѣній деревни, требуетъ отъ него, чтобы онъ «постращалъ» ея сына Давыдку, который только «хлѣбъ лопаетъ, лежа на печкѣ, а работы отъ него, какъ отъ прѣлой колоды». Эта Арина явно недовольна деликатными укорами помѣщика ея «ледащему сыну» Давыдкѣ; она желаетъ, чтобы онъ пробралъ его крѣпкимъ и мѣткимъ словомъ, вродѣ тѣхъ, которыя рекомендовалъ Гоголь, въ своемъ письмѣ, и даже старалась подвинуть на это Неклюдова своимъ примѣромъ, обзывая своего лѣнивца-сына «олухомъ», «лодыремъ», который раздулся, лежа на печкѣ, какъ мельничный боровъ. «Смотри, гладухъ какой», повторяетъ она съ негодованіемъ, «кажись, есть чему работать», и требуетъ отъ помѣщика, «*чтобы онъ имъ обдумалъ*». Отказъ помѣщика вмѣшаться въ устройство семейнаго положенія Давыдки, за котораго, какъ за бѣднаго и лѣниваго мужика, никто не хочетъ идти за-мужъ, приводитъ въ великое недоумѣніе и горе радѣющую о своемъ домѣ Арину, и она, опустивъ голову и разводя руками, печально восклицаетъ: «кто же насъ обдумаетъ, коли не ты». (Соч. гр. Л. Н. Толстаго, шестое изд., часть II, «Утро помѣщика», стр. 44—47).

цѣлью, онъ не придавалъ ему общеобязательнаго характера, не возводилъ въ одностороннюю, не допускающую исключеній отвлеченную доктрину, и хотя высоко цѣнилъ физическій трудъ, но не ставилъ его выше труда умственнаго и духовнаго. Въ этомъ-то и заключается существенная разница между взглядомъ Гоголя и ученіемъ Толстаго [1]).

С. Т. Аксаковъ и его кружокъ даже усмотрѣли въ «Перепискѣ», какъ это видно изъ писемъ Аксакова къ сыну въ Калугу, склонность автора къ католицизму [2]). Но въ книгѣ Гоголя помѣщены два письма его къ графу А. П. Толстому («Нѣсколько словъ о нашей церкви и духовенствѣ», подъ № VIII, и «О томъ же», № IX) [3]), совершенно устраняющія это странное обвиненіе. Эти письма весьма замѣчательны, обнаруживая въ авторѣ глубокое пониманіе значенія церкви. Гоголь былъ первый изъ нашихъ свѣтскихъ писателей, который заговорилъ серьезно о православной вѣрѣ. А. С. Хомяковъ, превосходившій Гоголя богословскимъ образованіемъ, начитанностью, и притомъ обладавшій блестящими философскими способностями и строгою точностью изложенія и доказательствъ-конечно, сдѣлалъ въ этой области несравненно болѣе. Хомяковъ былъ выдающійся православный богословъ, котораго Ю. О. Самаринъ даже приравнялъ къ отцамъ церкви, Гоголь же—только великій художникъ, вѣрно понявшій и оцѣнившій значеніе церкви въ нашей жизни.

---

[1]) Въ «Литературныхъ замѣткахъ» г. Волынскаго («Сѣв. Вѣстникъ» № 1 за 1893 г., стр. 170) приведенъ изъ частнаго письма, не бывшаго въ печати, слѣдующій отзывъ Л. Н. Толстаго: «Перечелъ я книгу (т. е. «Выбранныя мѣста изъ переписки») въ третій разъ. Всякій разъ, когда я ее читалъ, она производила на меня сильное впечатлѣніе. Гоголь многое сказалъ въ своихъ письмахъ, но пошлость, имъ обличенная, закричала: «онъ сумасшедшій!», и Гоголь, нашъ Паскаль — лежитъ подъ спудомъ, Пошлость господствуетъ, и я всѣми силами стараюсь сказать то же, что сказано Гоголемъ.

[2]) «Исторія моего знакомства», стр. 166, а также III т. «Письма И. С. Аксакова».

[3]) «Соч. Гоголя, т. IV, стр. 35—39.

Въ своихъ письмахъ о церкви Гоголь высказываетъ мысль, что церковь должна святиться въ насъ, а не въ словахъ нашихъ. «Зачѣмъ вы хотите,—говоритъ онъ, обращаясь къ лицу, которому адресовано письмо,—чтобы наше православіе, доселѣ отличавшееся величавымъ спокойствіемъ, столь ему пристойнымъ, стало въ ряды европейскихъ крикуновъ и начало, подобно имъ, печатать опрометчивыя брошюры». Гоголь совѣтуетъ не смущаться нападеніями западныхъ писателей, которые говорятъ, что наша церковь трупъ (они говорятъ ложь, хотя и выводятъ ее логично правильнымъ выводомъ). «Мы трупы, а не церковь наша, а они по насъ назвали церковь трупомъ. Эта церковь,—объясняетъ далѣе Гоголь,—какъ цѣломудренная дѣва, сохранялась одна только отъ временъ апостольскихъ, въ непорочной первоначальной чистотѣ. Эта церковь, которая вся, съ своими глубокими догматами и малѣйшими обрядами наружными, какъ бы снесена прямо съ неба для русскаго народа, одна въ силѣ разрѣшить всѣ узлы недоумѣній и вопросы наши» (стр. 36).

Въ этомъ первомъ письмѣ о церкви указавъ, что истину надо возвѣщать благоуханіемъ души, Гоголь прибавляетъ: «пусть миссіонеръ католичества западнаго бьетъ себя въ грудь, размахивая руками, и краснорѣчіемъ рыданій и словъ исторгаетъ скоро высыхающія слезы. Проповѣдникъ католичества восточнаго не долженъ прибѣгать къ такимъ пріемамъ. Пусть онъ подвигаетъ людей тихимъ голосомъ, исходящимъ изъ души, въ которой умерли всѣ желанія міра, и потрясаетъ сердца однимъ уже своимъ смиреннымъ видомъ, такъ, чтобы всѣ воскликнули: «Не произноси словъ: слышимъ и безъ нихъ святую правду твоей церкви» (стр. 36).

Во второмъ письмѣ о церкви и духовенствѣ Гоголь возстаетъ противъ мнѣнія, что церковь наша слаба оттого, что наше духовенство мало имѣетъ свѣтскости и ловкости обращенія въ обществѣ. «Нѣкоторые новѣйшіе умники выдумали, говоритъ Гоголь, въ заключеніе этого письма, будто нужно толкаться среди свѣта, чтобы узнать его. Это просто вздоръ. Опроверже-

ніемъ такого мнѣнія служатъ всѣ свѣтскіе люди, которые толкаются вѣчно среди свѣта и при всемъ томъ бываютъ всѣхъ пустѣе. Воспитываются для свѣта не посреди свѣта, но вдали отъ него, въ глубокомъ внутреннемъ созерцаніи, въ изслѣдованіи собственной души своей, ибо тамъ законы всего и всему: найди только прежде ключъ къ своей собственной душѣ. Когда же найдешь, тогда этимъ самымъ ключемъ отопрешь души всѣхъ (стр. 38).

Въ письмѣ къ Жуковскому подъ заглавіемъ «Просвѣщеніе» Гоголь писалъ: «Разбирая пристально нить событій міра, вижу всю мудрость Божію, попустившую временное раздѣленіе церквей, повелѣвшую одной стоять неподвижно и какъ бы вдали отъ людей, а другой—волноваться вмѣстѣ съ людьми: одной—не принимать никакихъ нововведеній, кромѣ тѣхъ, которыя внесены святыми людьми лучшихъ временъ христіанства и первоначальными отцами церкви, другой, мѣняясь и примѣняясь ко всѣмъ обстоятельствамъ времени, духу и правиламъ людей, вносить всѣ нововведенія, сдѣланныя даже порочными и не святыми епископами; одной—на время какъ бы умереть для міра; другой—на время какъ бы овладѣть всѣмъ міромъ; одной—подобно скромной Маріи, отложивши всѣ попеченія о земномъ, помѣститься у ногъ самого Господа, затѣмъ, чтобы лучше наслушаться словъ Его, прежде чѣмъ примѣнить и передать людямъ, другой же, подобно заботливой хозяйкѣ Мароѣ, гостепріимно хлопотать около людей, передавая имъ еще не взвѣшенныя всѣмъ разумомъ слова Господни. Благую часть избрала первая что̀ такъ долго прислушивалась къ словамъ Господа, вынося упреки недальновидной сестры своей, которая уже осмѣлилась называть ее *мертвымъ трупомъ* и даже заблудшей и отступившей отъ Господа. Не легко примѣнить слово Христово къ людямъ и слѣдовало ей прежде сильно проникнуться имъ самой. За то въ нашей церкви сохранилось все, что̀ нужно для просыпающагося нынѣ общества. Въ ней кормило и руль наступающему новому порядку вещей и чѣмъ болѣе вхожу въ нее сердцемъ, умомъ и помышленіемъ, тѣмъ болѣе изумляюсь

чудной возможности примиренія тѣхъ противорѣчій, которыя не въ силахъ примирить теперь церковь западная». Объяснивъ далѣе, что западная церковь, которая была достаточна для прежняго несложнаго порядка, теперь только отталкиваетъ отъ Христа, будучи не въ силахъ освѣтить узкимъ свѣтомъ своимъ всякій нынѣшній предметъ, со всѣхъ сторонъ, и чѣмъ больше хлопочетъ о примиреніи, тѣмъ болѣе вноситъ раздора, Гоголь говоритъ: «Всѣ сознаются въ томъ, что этимъ самымъ введеніемъ въ себя множества постановленій человѣческихъ, сдѣланныхъ такими епископами, которые, не достигнувъ святостью жизни своей до полной и многосторонней христіанской мудрости, она (т. е. западная церковь) съузила взглядъ свой на жизнь и міръ, и не можетъ обхватить ихъ. Полный и всесторонній взглядъ на жизнь остался на ея восточной половинѣ, видимо сбереженной для позднѣйшаго и полнѣйшаго образованія человѣка. Въ ней просторъ не только душѣ и сердцу человѣка, но и разуму во всѣхъ его верховныхъ силахъ» [1]).

Мысли Гоголя о значеніи церкви вызвали замѣчаніе Бѣлинскаго, что «времена наивнаго благочестія давно уже прошли для нашего общества», и что Гоголь не достаточно знакомъ съ исторіей и вообще мало подготовленъ, чтобы судить о положеніи духовенства на западѣ [2]). Любопытно, что Бѣлинскій отнесся съ высоты величія и съ претензіей на мнимую ученость даже въ такомъ вопросѣ, въ которомъ былъ менѣе всего компетентенъ. Конечно, не Бѣлинскому было учить Гоголя, какъ смотрѣть на католическую церковь и ея духовенство,—Гоголя, который провелъ нѣсколько лѣтъ въ центрѣ католическаго міра и къ тому же былъ основательно знакомъ какъ съ произведеніями западныхъ богослововъ, такъ и съ проповѣдью католическихъ патеровъ въ Римѣ и Парижѣ.

Но аскетизмъ, въ которомъ упрекали Гоголя и его одно-

---

[1]) «Выборныя мѣста изъ переписки» (XVII, «Просвѣщеніе» т. IV, Соч. Гоголя, стр. 77—79).

[2]) См. письмо Бѣлинскаго къ Гоголю изъ Зальцсбруна, въ «Полярной Звѣздѣ» за 1855 г.

сторонее увлеченіе церковными идеалами однако вовсе не исключали, въ немъ, если можно такъ выразиться культа искусства, которое онъ ставитъ весьма высоко въ своей Перепискѣ. Лучшимъ доказательствомъ, что Гоголь не былъ тѣмъ мистикомъ и узкимъ клерикаломъ, какимъ его выставляютъ наши торопливые въ своихъ заключеніяхъ поборники прогресса, можетъ служить его письмо къ гр. А. П. Толстому «О театрѣ» [1]).

«Вы помышляете только объ одномъ душевномъ спасеніи вашемъ, говоритъ Гоголь, обращаясь къ лицу, къ которому адресовано письмо, и не найдя еще той дороги, которой вамъ предназначено достигнуть его, почитаете все что̀ ни есть въ мірѣ соблазномъ и препятствіемъ къ спасенію. Монахъ не строже васъ. Такъ и нападенія ваши на театръ односторонни и несправедливы. Вы подкрѣпляете себя тѣмъ, что нѣкоторыя вамъ извѣстныя и духовныя лица возстаютъ противъ театра; но они правы, а вы не правы. Разберите лучше: точно-ли они возстаютъ противъ театра, или только противъ того вида, въ которомъ онъ теперь намъ является. Церковь начала возставать противъ театра въ первые вѣка всеобщаго водворенія христіанства, когда театры одни оставались прибѣжищемъ уже повсюду изгнаннаго язычества и притономъ безчинныхъ его вакханалій. Вотъ почему такъ сильно гремѣлъ противъ нихъ Златоустъ. Но времена измѣнились. Міръ весь перечистился съизнова поколѣніями свѣжихъ народовъ Европы, которыхъ образованіе началось уже на христіанскомъ грунтѣ и тогда сами святители начали первые вводить театръ: театры завелись при духовныхъ академіяхъ. Нашъ Дмитрій Ростовскій, справедливо поставляемый въ рядъ св. отцовъ церкви, слагалъ пьесы для представленія въ лицахъ. Стало быть не театръ виноватъ. Все можно извратить и всему можно дать дурной смыслъ, человѣкъ же на это способенъ. Но надобно смотрѣть

---

[1]) Выбранныя мѣста изъ «Переписки». (Соч. Н. В. Гоголя т. IV, стр. 59 — 70). Подлинное заглавіе этого письма: «*О театрѣ, объ одностороннемъ взглядѣ на театръ и вообще объ односторонности*».

на вещь въ ея основаніи и нато, чѣмъ она должна быть, а не судить о ней по каррикатурѣ, которую на нее сдѣлали. Театръ ничуть не бездѣлица и вовсе не пустая вещь, если принять въ соображеніе то, что въ немъ можетъ помѣститься вдругъ толпа изъ пяти, шести тысячъ человѣкъ и что вся эта толпа, ни въ чемъ не сходная между собой, разбирая ее по единицамъ, можетъ вдругъ потрястись однимъ потрясеніемъ, зарыдать однѣми слезами и засмѣяться однимъ всеобщимъ смѣхомъ. Это такая кафедра, съ которой можно много сказать міру добра. Отдѣлите только собственно называемый высшій театръ отъ всякихъ балетныхъ скаканій, водевилей, мелодрамъ, и тѣхъ мишурно-великолѣпныхъ зрѣлищъ для глазъ, угождающихъ разврату вкуса или разврату сердца и тогда посмотрите на театръ. Театръ, на которомъ представляется высокія трагедіи и комедіи, долженъ быть въ совершенной независимости отъ всего. Странно и соединить Шекспира съ плясуньями или плясунами въ лайковыхъ штанахъ. Что за сближеніе? Ноги—ногами, а голова—головой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы это поняли: театръ высшихъ драматическихъ представленій тамъ отдѣленъ и пользуется одинъ поддержкой правительствъ но поняли это въ отношеніи порядка внѣшняго. Слѣдовало подумать не шутя о томъ, какъ поставить всѣ лучшія произведенія драматическихъ писателей такимъ образомъ, чтобы публика привлекалась къ нимъ вниманіемъ, и открылось бы ихъ нравственное благотворное вліяніе, которое есть у всѣхъ великихъ писателей. Шекспиръ, Шериданъ, Мольеръ, Гете, Шиллеръ, Бомарше, даже Лессингъ, Реньяръ и многіе другіе изъ второстепенныхъ писателей прошедшаго вѣка ничего не произвели такого, что бы отвлекало отъ уваженія къ высокимъ предметамъ; къ нимъ даже не перешли и отголоски того, что̀ бурлило и кипѣло у тогдашнихъ писателей фанатиковъ, занимавшихся вопросами политическими и разносившихъ неуваженіе къ святынѣ. У нихъ если и попадаются насмѣшки, то надъ лицемѣріемъ, надъ кощунствомъ, надъ кривымъ толкованіемъ праваго, а никогда надъ тѣмъ, что̀ составляетъ корень человѣческихъ доблестей;

напротивъ чувство добра слышется строго даже и тамъ, гдѣ брызжутъ эпиграммы». (Выбр. Мѣста изъ «Переписки» стр. 59—61).

Въ такой оцѣнкѣ значенія театра вполнѣ сказался художникъ, какимъ былъ и остался до конца Гоголь и можно только изумляться ослѣпленію близорукихъ критиковъ его книги, которые совершенно просмотрѣли эту характерную ея сторону.

Въ разсматриваемомъ письмѣ заслуживаетъ также вниманія краснорѣчивая защита Пушкина отъ одностороннихъ, чтобы не сказать нелѣпыхъ, нападокъ Маяка, обвинявшаго нашего великаго поэта въ развращеніи общества и въ отдаленіи его отъ христіанства.

Гоголь рѣшительно возсталъ противъ такого извращенія смысла поэзіи критическими кривотолками сотрудниковъ извѣстнаго А. Е. Бурачка (издателя Маяка). Односторонніе люди и притомъ фанатики, говорится въ этомъ письмѣ къ гр. Толстому— язва для общества; бѣда той землѣ и государству, гдѣ въ рукахъ такихъ людей очутится какая либо власть. У нихъ нѣтъ никакого смиренія христіанскаго и сомнѣнія въ себѣ; они увѣрены, что весь свѣтъ вретъ и одни они только говорятъ правду. «Не будьте похожи на тѣхъ святошей, которые бы желали разомъ уничтожить все, что ни есть на свѣтѣ, видя во всемъ одно бѣсовское. Ихъ удѣлъ—впадать въ самыя грубыя ошибки (тамъ же стр. 66 и 67).

Другъ мой писалъ Гоголь въ заключеніе этого письма, храни васъ Богъ отъ односторонности: съ нею всюду человѣкъ производитъ зло: въ литературѣ, на службѣ, въ семьѣ, въ свѣтѣ, словомъ—вездѣ! Одностороній человѣкъ самоувѣренъ; односторонній человѣкъ дерзокъ; односторонній человѣкъ всѣхъ вооружаетъ противъ себя. Односторонній человѣкъ ни въ чемъ не можетъ найти середины. Односторонній человѣкъ не можетъ быть истиннымъ христіаниномъ: онъ можетъ быть только фанатикомъ. Односторонность въ мысляхъ показываетъ только то, что человѣкъ еще на дорогѣ къ христіанству, но не достигнулъ его, потому что христіанство даетъ многосторонность уму. Другъ

мой, мы призваны въ міръ не за тѣмъ, чтобы истреблять и разрушать, но подобно самому Богу все направлять къ добру,— даже и то, что уже испортилъ человѣкъ и обратилъ во зло. Нѣтъ такого орудія въ мірѣ, которое не было бы предназначено на службу Бога. Тѣ же самые трубы, тимпаны, лиры и кимвалы, которыми славили язычники идоловъ своихъ, по одержаніи надъ ними царемъ Давидомъ побѣды, обратились на восхваленіе истиннаго Бога, и еще больше обрадовался весь Израиль, услыхавъ хвалу Ему на тѣхъ иструментахъ, на которыхъ они до того не раздавались [1])

Рамки настоящей статьи лишаютъ меня возможности разсмотрѣть подробнѣе и по порядку содержаніе всѣхъ тридцати двухъ статей, предназначенныхъ Гоголемъ для его книги и высланныхъ имъ для печати Плетневу. Въ первомъ изданіи «*Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями*», вышедшемъ въ свѣтъ въ послѣдніе дни т. е. въ концѣ декабря 1846 г., въ Петербургѣ, было выкинуто пять статей, хотя до сихъ поръ въ точности неизвѣстно, всѣ ли онѣ были исключены цензоромъ А. В. Никитенко или нѣкоторыя изъ нихъ были устранены, по личному усмотрѣнію П. А. Плетнева. Эти пять статей, а именно: «*Нужно любить Россію*» (XIX), «*Нужно проѣздиться по Россіи*» (XX), «*Что такое губернаторша*» (XXI), «*Страхи и ужасы Россіи*» (XXVI) и «*Занимающему важное мѣсто*» (XXVIII) вошли въ «Переписку» только въ изданіи сочиненій Гоголя, сдѣланномъ въ Москвѣ въ 1867 г. Ѳ. В. Чижовымъ. Онѣ имѣютъ существенное значеніе и могутъ служить лучшимъ опроверженіемъ упрека Бѣлинскаго, обвинявшаго Гоголя въ томъ, что онъ, издавая свою «*Переписку*», только славословилъ существовавшій у насъ порядокъ вещей и пѣлъ ему диѳирамбы.

Такая характеристика книги, въ высшей степени пристрастная и односторонняя, даже въ томъ видѣ, въ какомъ она по-

---

[1]) Выбранныя мѣста изъ «Переписки» стр. 70.

явилась въ свѣтъ въ 47 г. [1]), вполнѣ опровергается вышеуказанными, исключенными, помимо воли и желанія автора, статьями.

Тогдашнее состояніе Россіи представлялось Гоголю далеко, не въ розовомъ цвѣтѣ, хотя онъ крѣпко вѣрилъ въ ея будущее. «Всякое истинное русское чувство глохнетъ, и некому его вызвать», писалъ Гоголь въ своей книгѣ [2]). «Дремлетъ наша удаль дремлетъ рѣшимость и отвага на дѣло, дремлетъ наша крѣпость и сила, дремлетъ умъ нашъ, среди вялой и бабьей свѣтской жизни, которую привили къ намъ подъ именемъ просвѣщенія». «На колѣна передъ Богомъ и проси у него гнѣва и любви. Гнѣва—противъ того, что̀ губитъ человѣка, любви—къ бѣдной душѣ человѣка». Гоголь не скрывалъ «множество болѣзней и страданій, накопившихся внутри Россіи, и въ письмѣ къ гр. А. П. Толстому, подъ заглавіемъ «Нужно любить Россію», онъ только убѣждалъ его, что надо возлюбить Россію [3]). «Если только русскій возлюбитъ Россію, то возлюбитъ и все, что̀ ни есть въ Россіи. Безъ страданій и болѣзней, которыя въ такомъ множествѣ накопились внутри ея и въ которыхъ виновны мы сами, не почувствовалъ бы никто изъ насъ къ ней состраданія. А состраданіе есть уже начало любви». «Безчинства, неправда, взятки»,—писалъ Гоголь въ томъ же письмѣ—«вызываютъ уже не крики негодованія благородныхъ на безчестныхъ, но вопль всей земли». Но прямой любви еще не слышно ни въ комъ—ея нѣтъ таки и въ васъ, говоритъ онъ, обращаясь къ лицу, къ которому адресовано письмо, если только умѣете печалиться да раздражаться слухами обо всемъ дурномъ, что̀ въ ней дѣлается, все это производитъ только «*черствую досаду да уныніе*». «Нѣтъ, это еще не любовь,

---

[1]) На первомъ изданіи «Переписки» поставленъ 1847 г., хотя оно вышло въ Петербургѣ въ послѣдніе дни 46 г., первые экземпляры книги появились въ Москвѣ, по свидѣтельству кн. Вяземскаго, какъ разъ на новый 1847 годъ.

[2]) «Выбранныя мѣста изъ переписки» стр. 74, т. IV. «*Предметы для лирическаго поэта*» Письма Н. М. Языкову. Они вошли въ первое изданіе «Переписки».

[3]) Тамъ же, 95.

*

далеко вамъ до любви, это только одно отдаленное предвѣстіе ея. Если вы дѣйствительно полюбите Россію, у васъ пропадетъ сама собой близорукая мысль, которая зародилась теперь у многихъ честныхъ и даже умныхъ людей, будто въ теперешнее время они ничего не могутъ сдѣлать для Россіи, будто они ей не нужны совсѣмъ. Нѣтъ, если вы дѣйствительно полюбите Россію, вы будете рваться служить ей». Въ письмѣ подъ заглавіемъ: «*Нужно проѣздиться по Россіи*», адресованномъ тому же графу Толстому, и, какъ видно изъ его начала, помышлявшему объ удаленіи въ монастырь отъ мірской суеты, Гоголь говорилъ: «Чтобы имѣть право удалиться отъ міра, нужно умѣть распроститься съ міромъ, для васъ такъ же, какъ и для меня, заперты двери желанной обители. Монастырь вашъ—Россія! Облеките же себя умственно рясой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нея, ступайте подвизаться къ ней. Она теперь зоветъ сыновъ своихъ еще крѣпче, чѣмъ когда-либо прежде. Уже душа въ ней болитъ, и раздается крикъ ея душевной болѣзни. Вспомните, что когда приходила бѣда ей, тогда изъ монастырей выходили монахи и становились въ ряды спасать ее. Чернецы Ослябя и Пересвѣтъ, съ-благословенія самого настоятеля, взяли въ руки мечъ, противный христіанину и легли на кровавомъ полѣ битвы, а вы не хотите взять поприще мирнаго гражданина, и гдѣ же?—въ самомъ центрѣ Россіи» [1]). Совѣтуя своему другу (т. е. А. П. Толстому), нѣсколько лѣтъ проживавшему заграницей, чтобы лучше узнать «нынѣшнюю Россію», проѣхаться по ней самому, онъ писалъ: «Слухамъ не вѣрьте никакимъ. Вѣрно только то, что еще никогда не бывало въ Россіи такого необыкновеннаго разнообразія и несходства въ мнѣніяхъ и вѣрованіяхъ, никогда различіе образованія и воспитанія не отталкивало такъ другъ отъ друга всѣхъ, никогда еще не было «такого разлада во всемъ». Сквозь все это пронесся духъ сплетней, пустыхъ невозможныхъ выводовъ, глу-

---

[1]) «Переписка», XX, ст. 96 и 97, т. IV. Соч. Гоголя.

нѣйшихъ слуховъ, одностороннихъ и ничтожныхъ выводовъ [1]). Въ своемъ большомъ и весьма интересномъ письмѣ къ лицу, «занимающему важное мѣсто» (тому же А. П. Толстому), въ той же книгѣ Гоголь писалъ: «Во имя Бога, берите всякую должность, какая бы ни была вамъ предложена, не смущайтесь ничѣмъ. Придется ли вамъ ѣхать къ черкесамъ на Кавказъ или по-прежнему занять мѣсто генералъ-губернатора—вы теперь нужны повсюду». Объясняя далѣе, почему считаетъ гр. А. П. Толстаго нужнымъ и полезнымъ государственнымъ дѣятелемъ, Гоголь писалъ: «Васъ не шевелитъ уже честолюбіе, васъ уже не завлекаютъ впередъ ни чины, ни награды, вы уже не думаете вовсе, чтобы порисоваться передъ Европой и сдѣлать изъ себя историческое лицо». «Очень знаю,—продолжаетъ онъ,—что теперь трудно начальствовать внутри Россіи, гораздо труднѣе, чѣмъ когда-либо прежде и, можетъ быть, труднѣе, чѣмъ на Кавказѣ: много злоупотребленій, завелись такія лихоимства которыя истребить нѣтъ никакихъ человѣческихъ силъ. Знаю и то, что образовался другой незаконный ходъ дѣйствій, мимо законовъ государства, и уже обратился почти въ законный, такъ что законы остаются только для вида; и если вникнешь пристально въ то самое, на что другіе глядятъ поверхностно, не подозрѣвая ничего, то закружится голова у наумнѣйшаго человѣка. Но вы и тутъ поступите умно. Христіанское смиреніе заставитъ васъ и здѣсь не предаваться покуда выводамъ гордаго ума, но терпѣливо осмотрѣться. Зная, подъ какимъ множествомъ вліяній посторонних находится теперь всякій человѣкъ и какъ всѣ они имѣютъ соприкосновеніе съ отправленіемъ его должности, вы прежде полюбопытствуете узнать каждаго изъ занимающихъ главныя должности, узнать его со всѣхъ сторонъ, въ его домашней и семейной жизни, съ его образомъ мыслей, наклонностями и привычками. Для этого вамъ не нужно употреблять шпіоновъ. Нѣтъ, вы разспросите его

[1]) «Переписка». «Нужно проѣздиться по Россіи», XX, стр. 98, т. IV. Соч Гоголя.

самого. Онъ вамъ скажетъ все и съ вами разговорится, потому что въ лицѣ вашемъ есть уже что-то такое, что внушаетъ къ вамъ довѣрчивость во всѣхъ, съ помощью этого вы узнаете то, чего не узнаетъ никогда крикунъ-нахрапъ или такъ называемый распекатель». «Вы не будете преслѣдовать за несправедливость никого отдѣльно до тѣхъ поръ, покуда не выступитъ передъ вами ясно вся цѣпь, необходимымъ звеномъ которой есть замѣченный вами чиновникъ. Вы уже знаете, что вина такъ теперь разложилась на всѣхъ, что никакимъ образомъ нельзя сказать вначалѣ, кто виноватъ болѣе другихъ: есть безвинно-виноватые и виновно-невинные. Потому самому, теперь нужно быть осторожнѣй и осмотрительнѣй, чѣмъ когда-либо прежде». «Генералъ-губернаторъ,—говоритъ далѣе Гоголь въ томъ же письмѣ,—посылается съ тѣмъ, чтобы ускорить біеніе государственнаго пульса внутри губерній, привести въ быстрѣйшее движеніе все правительственное производство въ губернскихъ мѣстахъ, какъ связанныхъ между собой, такъ и независимыхъ, состоящихъ подъ управленіемъ отдѣльныхъ министерствъ, дать толчекъ всему, своимъ полномочіемъ облегчить затруднительность многихъ мѣстъ въ ихъ сношеніяхъ съ отдаленными министерствами, не внося никакихъ новыхъ элементовъ и ничего не заводя отъ себя, все заставить обращаться быстрѣй въ законныхъ границахъ, уже указанныхъ и опредѣленныхъ. Власть эту, состоящую въверховномъ блюденіи надъ тѣмъ, что уже было заведено, вы приняли за хлопотливую обязанность управителя, который самъ долженъ изворачиваться въ хозяйствѣ.

Далѣе, развивая свой взглядъ на обязанности генералъ-губернатора, важныя и нужныя; Гоголь писалъ: «Во-первыхъ, ввести всякую должность въ ея точныя границы и всякаго чиновника губерніи въ полное познаніе его должности. Это дѣло очень не бездѣльное. Въ послѣднее время почти всѣ губернскія должности нечувствительнымъ образомъ выступили изъ предѣловъ и границъ, указанныхъ закономъ. Однѣ слишкомъ стали обрѣзаны и стѣснены, другія раздвинулись дѣйствіемъ въ ущербъ прочимъ; прямыя мѣста обезсилѣли и ослабѣли отъ

множества косвенныхъ и временныхъ. Въ послѣднее время стали особенно чувствоваться полномочіе и развязанныя руки тамъ, гдѣ нужно препятствовать въ дѣйствіяхъ, и связанныя руки тамъ, гдѣ нужно споспѣшествовать имъ. Возвратить всякую должность въ ея законный кругъ тѣмъ болѣе стало теперь трудно, что сами чиновники сбились въ своемъ понятіи о ней» [1]).

«Вы очень хорошо знаете, что приставить новаго чиновника для того, чтобы ограничить въ воровствѣ прежняго, значитъ сдѣлать двухъ воровъ вмѣсто одного. Да и вообще система ограниченія самая мелочная система. Человѣка нельзя ограничить человѣкомъ; на слѣдующій годъ окажется надобность ограничить и того, который приставленъ для ограниченія, и тогда ограниченіямъ не будетъ конца. Эта пустая и жалкая система, подобно всѣмъ другимъ системамъ отрицательнымъ, могла образоваться только въ государствахъ колоніальныхъ, которыя составились изъ народа всякаго сброда, не имѣющаго національной цѣлизны и духа народнаго, гдѣ неизвѣстны ни самоотверженіе, ни благородство, а только одни корыстные личные взгляды. Нужно оказать довѣріе къ благородству человѣка, а безъ того вовсе не будетъ благородства. Кто знаетъ, что на него смотрятъ какъ на мошенника, и приставляютъ къ нему со всякихъ сторонъ надсмотрщиковъ, у того невольно отнимаются руки. Нужно развязать каждому руки, а не связывать ихъ; нужно напирать на то, чтобы каждый держалъ самъ себя въ рукахъ, а не на то, чтобъ его держали другіе; чтобъ онъ былъ строже къ себѣ въ нѣсколько разъ самаго закона, чтобы онъ видѣлъ самъ, чѣмъ онъ подлецъ передъ своею должностью; словомъ, чтобы онъ былъ введенъ въ значеніе высшей своей должности [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гоголь доказывалъ, что надо ввести дворянство въ истинное познаніе своего званія. Сословіе это, въ

---

[1]) Переписка. «Занимающему важное мѣсто», XXVIII, т. IV, стр. 149—53.

[2]) Тамъ же, стр. 156 и 157.

своемъ истинно русскомъ ядрѣ, прекрасно, несмотря на временно наросшую чужеземную шелуху. Но дворянство этого еще не слышитъ. Многіе едва только догадываются, другіе пребываютъ въ совершенномъ объ этомъ невѣжествѣ, третьи берутъ себѣ въ идеалъ дворянство государствъ иностранныхъ, четвертые даже не задаютъ себѣ вопроса: нужно ли дворянство? Если же и находятся между ними такіе, которые имѣютъ объ этомъ какія-либо свѣтлыя мысли, то мысли эти еще не раздаются въ массахъ и масса ихъ не слышитъ. Коснувшись затѣмъ вопроса о зарожившихся въ то время признакахъ недоразумѣній и взаимнаго недовѣрія между правительствомъ и дворянствомъ, Гоголь рѣшительно отвергалъ такое противное нашей исторіи раздвоеніе, объясняя, что только наши враги, и притомъ съ злымъ умысломъ, могутъ указывать Государю Россіи на какихъ-то фантастическихъ бояръ, оспаривающихъ самую власть, съ другой стороны, старающихся внушить дворянству, что Государь не благоволитъ къ нимъ. Горячо опровергая эти лукавыя инсинуаціи, Гоголь настойчиво убѣждаетъ того государственнаго сановника, къ которому было адресовано его письмо, разъяснить всю правду, не скрывая ничего, дворянамъ, тоскующимъ по поводу мнимаго нерасположенія къ нимъ Государя[1]). «Скажите,—далѣе продолжаетъ онъ,—что Государь любитъ дворянство, но любитъ его въ истинно русскомъ значеніи, въ томъ видѣ, въ какомъ оно должно быть по духу самой земли нашей. Да и не можетъ быть иначе. Ему ли не любить цвѣтъ своего народа? А у насъ дворянство есть цвѣтъ нашего же народа, а не какое нибудь пришлое сословіе. Но слѣдуетъ, чтобъ дворянство само себя показало и опредѣлило значеніе своего званія, потому что въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь, при этомъ

---

[1]) Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ Императоръ Николай Павловичъ серьезно думалъ объ эмансипаціи крестьянъ. Этотъ вопросъ дѣятельно обсуждался въ секретномъ комитетѣ, подъ личнымъ его наблюденіемъ. Слухи объ этомъ проникли въ публику и вызвали тѣ толки о нерасположеніи Государя къ дворянству, о которыхъ упоминается въ этомъ письмѣ.

отсутствіи единства въ общемъ духѣ, при этомъ разнообразіи мыслей, воспитанія, жизни, привычекъ, при такомъ сбивчивомъ образѣ понятій о самомъ себѣ, никому не могутъ они подать дѣйствительной и полной идеи о томъ, что̀ такое въ нашей землѣ дворянство». Дворянство наше образовалось совсѣмъ иначе, чѣмъ въ другихъ земляхъ. «Оно началось не насильственнымъ приходомъ вассаловъ-завоевателей, всегдашнихъ оспаривателей верховной власти и вѣчныхъ угнетателей сословія низшаго. Началось оно у насъ личными заслугами, основаными на достоинствѣ нравственномъ, а не на силѣ. Въ нашемъ дворянствѣ нѣтъ гордости преимуществомъ своего сословія, какъ въ другихъ земляхъ, нѣтъ спѣси нѣмецкаго дворянства, у насъ хвастаются родомъ или древностью своего происхожденія только нѣкоторые англоманы, которые заразились этимъ, проѣздомъ черезъ Англію».

Гоголь желалъ видѣть въ нашемъ дворянствѣ какъ бы сосудъ, заключающій нравственное благородство страны, долженствующее разноситься по лицу всей русской земли, чтобы дать понятіе всѣмъ сословіямъ почему оно называется цвѣтомъ русскаго народа. Онъ полагалъ, что такое понятіе о призваніи дворянства живетъ въ немъ, и его можно пробудить даже въ худшихъ его представителяхъ, *«которые всѣ зажили въ грязи и сажѣ»*: обратившись къ ихъ благородному чувству, ихъ можно вызвать на поступки, которые засвидѣтельствуютъ о такомъ сознаніи. Здѣсь, кажется, Гоголь имѣлъ въ виду предстоявшую дворянству дѣятельность въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, о которомъ въ то время много говорили въ высшихъ сферахъ и о чемъ Гоголь зналъ отъ Жуковскаго, Смирновой и Толстаго, къ которому было адресовано цитируемое письмо [1]).

---

[1]) Я объ этомъ слышалъ отъ покойнаго К. К. Зедергольма (въ постриженіи о. Климентъ), умершаго въ Оптиной пустыни въ 1878 г. Онъ былъ весьма близокъ къ графу А. П. Толстому, при которомъ служилъ по духовному вѣдомству. Онъ передавалъ мнѣ нѣкоторыя любопытныя воспоминанія графа о Гоголѣ.

Въ этомъ письмѣ высказано желаніе, чтобъ русское дворянство также великодушно, какъ оно становилось нѣкогда въ ряды противъ непріятеля, также стало теперь на неприманчивыя мѣста и должности, въ борьбѣ съ неправдой гражданской. «Скажите имъ,—писалъ онъ въ этомъ письмѣ къ Толстому,—что Россія точно несчастна, что несчастна отъ грабительства и неправды, которыя до такой наглости никогда еще не возносили рогъ свой, что болитъ сердце у Государя такъ, какъ никто изъ нихъ не знаетъ, не слышитъ и не можетъ знать».

Это желанія и надежды Гоголя отчасти исполнились въ достопамятную эпоху освобожденія крестьянъ, когда русское дворянство принесло не мало жертвъ этому историческому дѣлу, съ благороднымъ самоотверженіемъ и честью послуживъ государственной задачѣ, въ лицѣ мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Открывшаяся въ недавнее время нашему дворянству дѣятельность, на трудномъ поприщѣ мѣстнаго управленія, вполнѣ соотвѣтствуетъ взглядамъ Гоголя на призваніе дворянства нести общественную и земскую службу на мѣстахъ, посвятивъ себя служенію общественной правды и порядка. На этомъ поприщѣ, по выраженію Гоголя, русское дворянство «можетъ показать и высоту своего знанія, и благородство своей природы».

Но, быть можетъ, нѣсколько идеализируя характеръ и свойства русскаго дворянства, Гоголь ясно сознавалъ его недостатки, отсутствіе характера и крѣпости воли. Нѣкоторыя указанія на это встрѣчаются, какъ въ его «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки», такъ и въ другихъ письмахъ, опубликованныхъ послѣ его смерти. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна XXIV статья «Переписки» подъ заглавіемъ: «Чѣмъ можетъ быть жена для мужа». Эта статья, какъ извѣстно, подверглась усиленному глумленію и осмѣянію со стороны критики, вслѣдствіе наивности нѣкоторыхъ доводовъ (совѣтъ раздѣлить свои деньги на семь кучъ), вызванныхъ спѣшностью ея редакціи. Но въ ней не мало вѣрныхъ мыслей и замѣчаній относительно необходимости русскому человѣку вообще и дворянину въ частности пріобрѣсти

привычку управлять собой, при недостаткѣ которой неизбѣжнымъ послѣдствіемъ будетъ отсутствіе характера и слабость воли. «Вы оба расплываетесь и распускаетесь среди жизни, какъ мыло въ водѣ, говоритъ онъ, обращаясь къ замужней женщинѣ, которая такъ же, какъ и мужъ ея, по мнѣнію Гоголя, страдала этимъ общимъ нашимъ недостаткомъ.

Совѣты, которые даетъ Гоголь этой супружеской четѣ, олицетворявшей, по его мнѣнію, безсиліе и безхарактерность, при многихъ добрыхъ качествахъ, дѣйствительно формулированы довольно неудачно, но въ нихъ содержится несомнѣнно здравое основаніе—указаніе на необходимость внѣшняго порядка въ жизни, какъ благопріятнаго условія для достиженія и душевнаго порядка. Укрѣпляясь въ первомъ, можно нечувствительно преуспѣть и въ послѣднемъ. «Все у насъ теперь расплылось и распинуровалось, говоритъ Гоголь. Дрянь и тряпка сталъ теперь всякъ человѣкъ, обратя себя въ подлое подножіе и раба самыхъ пустѣйшихъ и мелкихъ обстоятельствъ, и нѣтъ теперь свободы, въ истинномъ смыслѣ. Эта свобода заключается не въ томъ, чтобы говорить произволу своихъ желаній: *да*, но въ томъ, чтобы умѣть имъ сказать: *нѣтъ*».

Въ статьѣ «Что такое губернаторша» также не видно желанія все хвалить и славословить. Ободряя свою старую знакомую, испытавшую уныніе и усталость, послѣ первыхъ встрѣчъ и знакомства съ нашимъ провинціальнымъ обществомъ, Гоголь писалъ ей: «Гоните роскошь (покамѣстъ нѣтъ другаго дѣла), уже и это благородное дѣло, гоните ее, эту гадкую сѣверную роскошь, эту язву Россіи, источницу всѣхъ тѣхъ несправедливостей и всѣхъ мерзостей, какія у насъ есть». Узнавъ изъ письма Смирновой, что ея мужъ калужскій губернаторъ, нашелъ въ одномъ уѣздѣ судью, человѣка рѣдкой честности и благородства, который къ тому-же оказался человѣкомъ весьма просвѣщеннымъ,—«мнѣ нравится, писалъ Гоголь,—что онъ пріѣхалъ къ вамъ въ такой бѣдной одеждѣ, въ какой его не пустили бы, какъ вы говорите, въ петербургскую переднюю. Хотѣлъ бы я въ эту минуту поцѣловать полу его заношеннаго фрака».

«Не пугайтесь же, говоритъ онъ въ заключеніи этого письма, мерзостей и особенно не отвращайтесь отъ тѣхъ людей, которые покажутся вамъ отчего-либо мерзкимя. Вы ищите все избранныхъ и лучшихъ, а любить надо всѣхъ».

VII.

Какъ я уже сказалъ, Гоголь прежде и болѣе всего былъ великій художникъ и такимъ остался до конца. Напрасно пытались, послѣ изданія «Переписки», и въ этомъ усомниться нѣкоторые его критики. Тургеневъ, привѣтствовавшій «фіаско книги, какъ одно изъ утѣшительныхъ проявленій тогдашняго общественнаго мнѣнія», — рѣшительно признаетъ за Гоголемъ это качество. «Великій поэтъ и художникъ былъ передо мной, замѣчаетъ И. С. Тургеневъ, описывая свое свиданіе съ Гоголемъ въ Москвѣ 20 октября 1851 г. (т. е. всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Гоголя) и вспоминая отзывы Гололя о значеніи литературы, призваніи писателя, отношеніяхъ его къ своимъ произведеніямъ, процессѣ работы и, если такъ можно выразиться, говоритъ Тургеневъ, — самой физіологіи сочинительства»,—я слушалъ его съ благоговѣніемъ, даже когда не соглашался съ нимъ» [1]).

Пріемы и природа художественнаго творчества много и долго занимали Гоголя и онъ глубоко ихъ понималъ. Въ его сочиненіяхъ мы находимъ рядъ драгоцѣнныхъ указаній по этой части—онъ раскрылъ и освѣтилъ передъ нами болѣе, чѣмъ кто-либо, внутреннія пружины самаго процесса работы художника. Въ повѣсти «Портретъ», именно въ томъ передѣланномъ видѣ, въ какомъ она явилась въ 1842 г. въ «Современникѣ» Плетнева, содержатся откровенія великаго мастера

---

[1]) Полн. собр. соч. Тургенева, изданіе третье, т. X, стр. 67 и 68.

и вдумчиваго художника, проливающія яркій свѣтъ на сложные вопросы и тайны художественнаго творчества. Въ этой геніальной повѣсти [1]) Гоголь, задолго до новѣйшихъ споровъ объ отношеніи искусства къ натурѣ, намѣтилъ законныя грани для натурализма въ искусствѣ. «Изслѣдуй, изучай все, что не видишь, покори все своей кисти, но умѣй находить во всемъ внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну творенія»,—говоритъ въ этой повѣсти отказавшійся отъ міра старый художникъ своему сыну, также художнику, передъ его отправленіемъ въ Италію. (Устами этого стараго художника, очевидно, говоритъ самъ Гоголь). «Блаженъ избранникъ, владѣющій ею. Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ создатель-художникъ такъ же великъ, какъ и въ великомъ, въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ черезъ него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души. Намекъ о божественномъ, небесномъ раѣ заключенъ для человѣка въ искусствѣ, и оттого оно выше всего». Истинный художникъ,—объясняетъ А. А. Григорьевъ, указывая на глубокій смыслъ этой повѣсти для пониманія свойствъ художественнаго творчества, — самъ вѣруетъ въ разумность создаваемой имъ жизни, свято дорожитъ правдой, и оттого въ прозрачномъ его произведеніи сквозитъ очевидно созерцаемый имъ идеалъ: фигуры его рельефны, но не до такой степени, чтобы прыгать изъ рамъ, за ними есть еще что-то, что зоветъ насъ къ безконечному и что связываетъ ихъ самихъ съ безконечнымъ незримой связью. Въ «Портретѣ» указаны Гоголемъ настоящіе законы художе-

[1]) См. отзывъ объ ней Аполлона Григорьева, который признаетъ ее глубокою по своему смыслу. Этотъ весьма компетентный, въ вопросахъ художественнаго творчества, критикъ придавалъ большое значеніе признаніямъ Гоголя относительно процесса «извнутри выходящаго творчества и находилъ ихъ многознаменательными и многопоясняющими Соч Апол. Григорьева, т. 1, стр. 12.

свеннаго творчества, требующіе, чтобы предметы видимаго міра отразились сперва въ душѣ самаго художника, чтобы въ въ нихъ, по его выраженію, «просвѣчивала душа создавшаго», и только при этомъ условіи выходятъ живыя самостоятельныя созданія искусства, а не мертвые сколки съ видимыхъ явленій.

Въ этой повѣсти Гоголя мастерски оцѣнено и осуждено «какъ проступокъ, какъ нестройный крикъ, рабское, буквальное подражаніе натурѣ. Написанные въ такомъ духѣ (съ буквальной точностью въ передачѣ каждой черты) глаза ростовщика «Портрета»—«*вонзились*» въ зрителя и производили непріятно странное впечатлѣніе, разрушая гармонію цѣлаго, хотя это были живые человѣческіе глаза, но такое ихъ изображеніе не было произведеніемъ искусства». «Казалось, говоритъ Гоголь, что эти глаза были вырѣзаны изъ живаго человѣка и вставлены въ портретъ». Несмотря на мастерство художника въ живости изображенія, написанный имъ портретъ производилъ тяжелое и непріятное впечатлѣніе, въ немъ не было чудныхъ звуковъ успокоенія, отличающихъ высокія созданія искусства, исходящія изъ души художника, который все извлеченное изъ міра внѣшняго долженъ претворить въ себѣ, а живописецъ былъ удрученъ и не свободенъ духомъ, когда писалъ портретъ; онъ насиловалъ себя, бездушно заглушивъ свое творчество, чтобы быть только вѣрнымъ природѣ. Оттого написанный имъ портретъ производилъ не чувства художника, который и въ тревогѣ дышетъ покоемъ, а тревожныя мятежныя чувства. Самое тщательное подражаніе природѣ *выходитъ угломъ* у того, кто, не постигнувъ законовъ художественнаго творчества и не обладая глазомъ, способнымъ уловить плывучую округлость линій, заключенныхъ въ природѣ, только копируетъ ее.

Очевидно, что все, что говорилъ и писалъ о литературѣ такой тонкій знатокъ пріемовъ и свойствъ художественнаго искусства и мастеръ въ немъ, имѣетъ значеніе и интересъ въ качествѣ мнѣній высоко-свѣдущаго и авторитетнаго писателя,

какъ бы ни были они своеобразны, даже въ отрывочной, и не вполнѣ выработанной формѣ изложенія. Въ «Перепискѣ» кромѣ нѣсколькихъ писемъ, посвященныхъ литературѣ [1]) есть еще одна довольно большая статья, спеціально написанная Гоголемъ для этой книги. Она озаглавлена: «Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенности». Эта статья была окончена Гоголемъ въ октябрѣ 1846 г. Отправляя ее для печати Плетневу, онъ писалъ: «Торопливо тебѣ отправить пятую заключительную тетрадь. Такъ усталъ, что мочи нѣтъ; насилу сладилъ, особенно со статьей о поэзіи, которую въ три эпохи жизни писалъ и вновь сожигалъ, и наконецъ теперь написалъ потому именно, что она необходима моей книгѣ, въ объясненіе элементовъ русскаго человѣка [2]).

Вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ «Бориса Годунова» Пушкина, т. е. въ концѣ 1830 г., Гоголь написалъ объ немъ статью, въ которой пытался выразить взглядъ свой на характеръ поэтическаго творчества и хотя, повидимому, дорожилъ этой статьей [3]), но не рѣшался печатать ее при жизни. Въ 1845 г. онъ набросалъ для «Современника» Плетнева «Сказаніе о русскихъ поэтахъ и хотѣлъ уже отослать его Плетневу.

---

[1]) Въ «Перепискѣ» въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особаго вниманія «Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу Мертвыхъ душъ». (Соч. Гоголя, т. IV, стр. 80—94). Въ этихъ письмахъ, по отзыву А. Григорьева, «великій художникъ яснѣе враговъ и поклонниковъ своихъ опредѣлилъ свойства и значеніе своего таланта, хотя это признаніе его дало поводъ къ кривымъ и дѣтскимъ толкамъ и даже насмѣшкамъ, къ *вѣчному стыду русской критики*».

[2]) Письмо къ Плетневу изъ Франкфурта отъ 16 окт. 46 г. Сочин. и Письма Гоголя, т. VI, стр. 269 и 270.

[3]) Эту статью въ рукописи, имъ самимъ тщательно переписанной, Гоголь подарилъ С. Т. Аксакову, надписавъ на ней: «какъ вамъ кажется, какъ вы находите это сочиненіе?» Статья Гоголя о поэмѣ Пушкина въ первый разъ была напечатана И. С. Аксаковымъ въ его газетѣ «*Русь*» за 1881 г., № 12. Самъ Гоголь, при жизни, напечаталъ въ «Литературной газетѣ» (№ 1 за 1830 г.) только небольшое вступленіе къ ней въ формѣ разговора публики по поводу выхода «Бориса», въ книжной лавкѣ Смирдина (см. прим. Н. С. Тихонравова къ IV т. Соч. Гоголя, стр. 546 и 547).

но былъ остановленъ Жуковскимъ, признавшимъ это сказаніе не достаточно выработаннымъ и зрѣлымъ, вслѣдствіе чего оно и было сожжено. Такимъ образомъ, напечатанная Гоголемъ въ «Перепискѣ» статья о русской поэзіи представляетъ наиболѣе полное выраженіе его взглядовъ на нашу литературу.

«Несмотря на внѣшніе признаки подражанія въ нашей поэзіи, въ ней очень много своего», такъ начинается эта статья. «Самородный ключъ ея уже билъ въ груди народа, тогда, когда самое имя его еще не было ни на чьихъ устахъ. Струи его пробивались въ нашимъ пѣсняхъ, въ которыхъ мало привязанности къ жизни и ея предметамъ, но много привязанности къ какому-то безграничному разгулу, къ стремленію, какъ бы унестись куда-то вмѣстѣ съ звуками. Струи его пробиваются въ пословицахъ нашихъ, въ которыхъ видна необыкновенная полнота народнаго ума, умѣвшаго сдѣлать все своимъ орудіемъ: иронію, насмѣшку, наглядность, мѣткость живописнаго соображенія, чтобы составить животрепещущее слово, которое проникаетъ насквозь природу русскаго человѣка, задирая все ея живое. Струи его пробиваются наконецъ, въ самомъ словѣ церковныхъ пастырей,—словѣ простомъ, не краснорѣчивомъ, но замѣчательномъ по стремленію стать на высоту того святаго безстрастія, на которое опредѣлено взойти христіанину, по стремленію направить человѣка не въ увлеченіямъ сердечнымъ, но къ высшей, умной трезвости духовной» [1]).

«Но не изъ этихъ трехъ источниковъ ведетъ свое начало наша нынѣшняя поэзія, — писалъ Гоголь въ 1846 г. — Она какъ и нашъ новый гражданскій порядокъ (послѣ преобразованія Петра), произошла не изъ началъ, уже пребывавшихъ прежде въ землѣ нашей. Гражданское строеніе наше произошло отъ потрясенія, отъ того богатырскаго потрясенія всего государства, которое произвелъ Царь-преобразователь, когда

---

[1]) Выбранныя мѣста изъ «Переписки». Сочиненія Гоголя, т. IV, стр. 169 и 170.

воля Божія вложила ему мысль ввести молодой народъ свой въ кругъ европейскихъ государствъ и вдругъ познакомить его со всѣмъ, что ни добыла себѣ Европа долгими годами борений и страданій. Крутой поворотъ былъ нуженъ русскому народу (европейское просвѣщеніе уже слишкомъ вызрѣло, и великъ былъ наплывъ его). Европейское просвѣщеніе было огниво, которымъ слѣдовало ударить по всей начинавшей дремать нашей массѣ. Огниво не сообщаетъ огня кремню, но, покамѣстъ имъ не ударишь, не издастъ кремень огня. Огонь излетѣлъ вдругъ изъ народа. Огонь этотъ былъ восторгъ — восторгъ отъ пробужденія, восторгъ въ началѣ безотчетный; никто еще не услышалъ, что онъ пробудился затѣмъ, чтобы, съ помощью европейскаго свѣта, разсмотрѣть поглубже себя, а не копировать Европу; все только услышало, что пробудилось. Переворотъ, который обыкновенно на нѣсколько лѣтъ обливаетъ кровью потрясенное государство, если производится бореніями внутреннихъ партій, былъ произведенъ въ виду всей Европы, въ такомъ порядкѣ, какъ маневръ хорошо выученнаго войска. Россія вдругъ облеклась въ государственное величіе, заговорила громами блеснула отблескомъ европейскихъ наукъ. Все въ молодомъ государствѣ пришло въ восторгъ, издавая тотъ крикъ изумленія, который издаетъ дикарь при видѣ навезенныхъ блестящихъ сокровищъ. Восторгъ этотъ отразился на нашей поэзіи или лучше — онъ создалъ ее. Вотъ почему поэзія, въ первомъ стихотвореніи, появившемся въ печати, приняла у насъ торжествующее выраженіе, стремясь высказать въ одно и то же время восхищеніе отъ свѣта, внесеннаго въ Россію, изумленіе отъ великаго поприща, ей предстоящаго, и благодарность царямъ, того виновникамъ. Съ этихъ поръ стремленіе къ свѣту стало нашимъ элементомъ, шестымъ чувствомъ русскаго человѣка, и оно-то дало ходъ нашей нынѣшней поэзіи, внеся новое начало, котораго не видно было ни въ одномъ изъ трехъ источниковъ ея, о которыхъ упомянуто въ началѣ [1]).

[1]) Тамъ же, стр. 171.

Послѣ этого, широкою кистью набросаннаго, вступленія Гоголь переходитъ къ характеристикѣ Ломоносова и Державина. Въ немногихъ словахъ, но выпуклыми и твердыми чертами, какъ рѣзцомъ на мраморѣ, изображаетъ онъ съ мастерствомъ художника, фигуры того и другаго, ихъ свойства и мѣсто въ нашей поэзіи. Ломоносовъ стоитъ впереди нашей поэзіи, какъ вступленіе впереди книги. Это восторженный юноша, котораго манитъ свѣтъ науки и ожидающее его впереди поприще. Случаемъ онъ попалъ въ поэты: восторгъ отъ нашей побѣды заставилъ его набросать первую оду. Впопыхахъ занялъ онъ отъ сосѣдей нѣмцевъ размѣръ и форму, не разсмотрѣвъ даже, приличны ли они русской рѣчи. Въ его, реторически составленныхъ, одахъ нѣтъ и слѣдовъ творчества, но восторгъ уже слышенъ повсюду, гдѣ онъ прикасается къ предметамъ, близкимъ его науколюбивой душѣ и любезной его сердцу Россіи, на которую онъ глядитъ подъ угломъ ея сіяющей будущности.

Среди холодныхъ строфъ у него выливаются и такія, въ которыхъ, говоря его же стихами:

Божественный пророкъ Давидъ
Священными шумитъ струнами
И Бога полными устами
Исайя восхищенъ гремитъ.

Въ описаніяхъ Ломоносова виденъ натуралистъ, котораго сила чистосердечнаго восторга обратила въ поэта. Стихотворная рѣчь Ломоносова, заключенная въ узкихъ формахъ нѣмецкаго ямба, не стѣснила языка—языкъ его движется въ узкихъ строфахъ свободно и величественно, какъ полноводная рѣка въ нестѣсненныхъ берегахъ. Языкъ его въ стихахъ даже лучше и свободнѣе, чѣмъ въ прозѣ, и его не даромъ называютъ отцомъ нашей стихотворной рѣчи. Его поэзія начинающійся разсвѣтъ, она вспыхиваетъ, какъ зарница, освѣщая не все, но только нѣкоторыя строфы. Россія является у него въ общихъ географическихъ очертаніяхъ — онъ намѣчаетъ точками и

линіями ея границы, предоставляя другимъ наложить краски. Ода вошла въ обычай: торжество, побѣда, тезоименитство, даже иллюминація и фейерверкъ стали ея предметомъ. Слагатели одъ, подражавшіе Ломоносову, выразили только бездарную прыть вмѣсто восторга, за исключеніемъ—говоритъ Гоголь,—Петрова, не чуждаго силы и стихотворнаго огня. Но огниво ударило по кремню и поэзія уже вспыхнула. Не успѣла замолкнуть лира Ломоносова, какъ уже заводилъ свои первыя пѣсни Державинъ.

Державинъ, съ картинно-величавой наружностью, какъ и всѣ люди временъ Екатерины, развернулся въ какой-то еще дикой свободѣ, со множествомъ недоконченнаго и не отдѣланнаго въ частяхъ. Онъ всѣмъ, даже воспитаніемъ отличается отъ Ломоносова. Первый весь предался наукамъ, стихотворство было для него только развлеченіемъ и отдыхомъ, Державинъ же весь предался ему, считая многостороннее образованіе излишнимъ и не нужнымъ. Самодержавное государственное величіе Россіи слышится также и у него, но уже виденъ не одинъ географическій очеркъ государства — въ его поэзіи выступаютъ люди и жизнь. У Державина уже замѣтно творчество. Указавъ на гиперболическій розмахъ рѣчи Державина, Гоголь спрашиваетъ, откуда въ немъ это исполинское пареніе, остатки ли это сказочнаго богатырства, которое, въ видѣ темнаго пророчества, носится до сихъ поръ надъ нашей землей, или оно навѣяно отдаленнымъ татарскимъ происхожденіемъ поэта, степями, гдѣ бродятъ остатки ордъ, распаляющихъ воображеніе разсказами о богатыряхъ, въ нѣсколько верстъ вышиной, живущихъ по тысячѣ лѣтъ на свѣтѣ. Все у него крупно, а слогъ у него такъ крупенъ, какъ ни у кого изъ нашихъ поэтовъ. Въ его Водопадѣ цѣлая эпопея слилась въ одну стремящуюся оду, и передъ творцомъ ея другіе поэты кажутся почти пигмеями. Державинъ, можно сказать, пѣвецъ величія. Все у него величаво, величавъ образъ Екатерины, величава Россія, созерцающая себя въ осьми моряхъ своихъ, его полководцы—орлы. Поэтическіе образы его, не имѣя пластической оконченности (Гоголь

*

лишетъ окончательности), какъ бы теряются въ какомъ-то духовномъ очертаніи, что придаетъ имъ еще болѣе величія. Въ видѣ примѣра Гоголь ссылается на извѣстное изображеніе старца Каснія. Объясняя свойство слога Державина и производимое имъ впечатлѣніе, Гоголь говоритъ: «причина его въ соединеніи самыхъ высокихъ словъ и образовъ съ самыми простыми и обыденными или низкими», какъ выражается Гоголь. Такъ, изображая свой идеалъ величественнаго мужа, закаленнаго въ дѣлѣ жизни, правдиваго, непреклоннаго и всегда готоваго на бой, къ которому такъ часто обращается Державинъ въ одахъ своихъ, надписанныхъ къ другимъ лицамъ, онъ очерчиваетъ его слѣдующими стихами:

И смерть какъ гостью ожидаетъ,
Крутя задумавшись усы.

Но надо замѣтить, прибавляетъ Гоголь, какъ эти, такъ и другія исполинскія свойства Державина превращаются у него въ неряшество и безобразіе всякій разъ, когда его оставляетъ вдохновеніе. Тогда рѣчь, языкъ, слогъ его приходятъ въ безпорядокъ, все скрипитъ у него, какъ телѣга съ ненамазанными колесами, и стихотвореніе — точно трупъ, оставленный душой.

«Слѣды собственнаго неоконченнаго образованія, какъ умственнаго, такъ и нравственнаго отразились замѣтно на твореніяхъ Державина,—говоритъ Гоголь въ заключеніе—и онъ представляется намъ громадной, невоздѣланной скалой, которая поражаетъ всѣхъ, хотя никто передъ ней долго не застаивается».

Конечно, въ этихъ блестящихъ и художественныхъ характеристикахъ родоначальниковъ нашей новой поэзіи можно сдѣлать нѣсколько поправокъ, но тѣмъ не менѣе въ нихъ обнаруживается болѣе вѣрное и глубокое пониманіе ихъ достоинствъ и недостатковъ, чѣмъ то, которое проводилось въ тогдашней нашей критикѣ, въ лицѣ Бѣлинскаго, относившагося довольно пренебрежительно къ Ломоносову и Державину.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи этого очерка нашей поэзіи, написаннаго какъ бы съ высоты полета,—мастерски, хотя и въ немногихъ чертахъ, намѣченъ переходъ отъ вѣка Екатерины къ вѣку Александра, причемъ не упущена и тѣсная связь литературы съ состояніемъ и настроеніе общественной среды.

Вѣкъ Екатерины, полководцы-орлы, вельможная роскошь и жизнь унеслись, какъ сновидѣніе, говоритъ Гоголь. Наступилъ вѣкъ Александра, опрятный, благопристойный, вылощенный. Все застегнулось, какъ бы почувствовавъ, что уже черезъчуръ раскинулось на распашку, и устремилось къ наружному благоприличію. Французы стали вполнѣ образцы всему и, какъ щеголи Парижа, такъ и ловкіе французскіе поэты надолго завладѣли нашимъ обществомъ. Однакожъ къ чести вѣрнаго поэтическаго чутья нашего, надо сказать, что въ образецъ пошелъ одинъ Лафонтенъ, затѣмъ именно, что былъ ближе къ природѣ. Указавъ какъ отразилось французское вліяніе на Дмитріевѣ, Хемницерѣ и Богдановичѣ, Гоголь говоритъ, что въ ихъ произведеніяхъ русскій языкъ получилъ свободу и легкость, незнакомую Державину, На мѣсто одъ стали прибывать всѣ роды и формы поэзіи. Дмитріевъ показалъ много таланта вкуса, и простоты, убилъ напыщенность и высокопарность, внесенныя бездарными подражателями Державина и Ломоносова. Но поверхностная эпоха не могла дать богатаго содержанія нашей поэзіи: одно обще-свѣтское стало предметомъ ея, и она сама стала похожа на гостиный разговоръ свѣтскаго человѣка, въ которомъ отсутствуетъ все важное и душевное. Послѣдніе звуки Державина умолкнули, какъ звуки церковнаго органа, и поэзія наша по выходѣ изъ церкви очутилась вдругъ на балѣ.

Наступившее вслѣдъ за тѣмъ вліяніе нѣмецкой литературы обрисовано съ той же живой и яркой образностью. Чуткая поэзія наша остановилась съ любопытствомъ младенца передъ такимъ явленіемъ, какъ нѣмецкій романтизмъ, съ его неясными грезами, таинственными преданіями, чудесными происшествіями и т. д. Наши собственныя славянскія начала на-

поминали нашей поэзіи о чемъ-то и у нея похожемъ. Успѣху этого вліянія много содѣйствовало то, что у насъ явился поэтъ, который показалъ весь этотъ новый и необыкновенный міръ сквозь ясное стекло своей собственной природы, намъ болѣе доступной, чѣмъ нѣмецкая. Этотъ поэтъ — Жуковскій. Далѣе слѣдуетъ характеристика Жуковскаго, быть можетъ нѣсколько пристрастная. Гоголь высоко почиталъ его какъ человѣка и друга Пушкина и, кромѣ того, преклонялся передъ критическимъ чутьемъ Жуковскаго, подчиняясь суду его критики, которая своей тонкостью и вѣрностью, какъ свидѣтельствуетъ Гоголь, изумляла Пушкина, сердившагося на Жуковскаго за то, что онъ зарываетъ свой критическій талантъ и не пишетъ критикъ.

Въ то время, когда Жуковскій еще въ первой порѣ своего поэтическаго развитія, отрѣшивъ нашу поэзію отъ земли и существенности ея, уносилъ ее въ область безтѣлесныхъ видѣній, другой поэтъ Батюшковъ, какъ бы въ отпоръ сталъ прикрѣплять ее къ землѣ и тѣлу, выказывая всю прелесть осязаемой существенности.

Жуковскій принесъ нашей поэзіи звуки сѣверныхъ пѣвцовъ Европы, Батюшковъ обвѣялъ ее ароматическими звуками полудня, познакомивши съ Аріостомъ, Тассомъ, Петраркой, Парни и нѣжными отголосками древней Эллады. Нашъ стихъ, начинавшій принимать воздушную неопредѣленность, благодаря Батюшкову, исполнился скульптурной выпуклости, какая видна у древнихъ, и той звучащей нѣги, какая слышна у южныхъ поэтовъ новой Европы.

Затѣмъ, переходя къ Пушкину, Гоголь говоритъ: *Въ немъ середина.* Ни отвлеченной идеальности перваго, ни преизобилія сладострастной роскоши втораго. Все уравновѣшано, сжато сосредоточено, какъ въ русскомъ человѣкѣ, который не многоглаголивъ на передачу ощущенія, но хранитъ и совокупляетъ его долго въ себѣ, такъ что отъ этого долговременнаго ношенія оно уже имѣетъ силу взрыва, если выступитъ наружу. Поэтъ—говоритъ Гоголь въ этой статьѣ,—«это чуткое созданіе,

на все откликивающееся въ мірѣ и себѣ одному не имѣющее отклика. Такимъ и былъ Пушкинъ, которому опредѣлено показать въ себѣ это независимое существо, это звонкое эхо, откликающееся на всякій отдѣльный звукъ». Что же было предметомъ его поэзіи?—спрашиваетъ Гоголь. Все стало его предметомъ и ничто въ особенности. Нѣмѣетъ мысль передъ безчисленностью его предметовъ. Чѣмъ онъ не поразился и передъ чѣмъ не остановился? Отъ заоблачнаго Кавказа и картиннаго черкеса до бѣдной сѣверной деревушки съ балалайкой и трепакомъ у кабака,—вездѣ, всюду: на модномъ балѣ, въ избѣ, въ степи, въ дорожной кибиткѣ—все становилось его предметомъ. На все, что ни есть во внутреннемъ человѣкѣ, начиная отъ его высокой и великой черты, до малѣйшаго вздоха его слабости и ничтожной примѣты, его смутившей, онъ откликнулся такъ же, какъ откликнулся на все, что ни есть въ природѣ видимой и внѣшней. Все становится у него отдѣльной картиной, все предметъ его.

Изо всего какъ ничтожнаго, такъ и великаго, онъ исторгаетъ одну электрическую искру того поэтическаго огня, который присутствуетъ во всякомъ твореніи Бога,—его высшую сторону, знакомую только поэту, не дѣлая изъ нея никакого примѣненія къ жизни въ потребность человѣку, не обнаруживая никому, зачѣмъ исторгнута эта искра, не подставляя къ ней лѣстницы ни для кого изъ тѣхъ, кто глухъ къ поэзіи. Ему ни до кого не было дѣла. Онъ заботился только о томъ, чтобы сказать однимъ одареннымъ поэтическимъ чутьемъ: «смотрите какъ прекрасно Божіе твореніе». Отъ этого сочиненія его представляютъ явленіе изумительное противорѣчіемъ тѣхъ впечатлѣній, какія они порождаютъ въ читателяхъ. Въ глазахъ людей весьма умныхъ, но не имѣющихъ поэтическаго чувства, они—отрывки недосказанные, легкіе, мгновенные; въ глазахъ людей, одаренныхъ поэтическимъ чутьемъ, они полныя поэмы, обдуманныя, оконченныя, все заключающія въ себѣ, что имъ нужно. Всѣ наши русскіе поэты: Державинъ, Жуковскій, Батюшковъ удержали свою личность, у одного Пушкина

ся нѣтъ. Что схватишь изъ его сочиненій о немъ самомъ? Поди улови его характеръ, какъ человѣка! На мѣсто его предстанетъ тотъ же чудный образъ, на все откликающійся и одному только себѣ не находящій отклика. Всѣ сочиненія его полный арсеналъ орудій поэта. Пушкинъ слышалъ свое назначеніе лучше тѣхъ, которые задавали ему запросы, и съ любовью исполнялъ его. Даже и въ тѣ поры, когда онъ метался самъ въ чаду страстей, поэзія была для него святыня,— точно какой-то храмъ. Не входилъ онъ туда неопрятный и неприбранный; ничего не вносилъ онъ туда необдуманнаго, опрометчиваго изъ собственной жизни своей, не вошла туда нагишомъ растрепанная дѣйствительность. А между тѣмъ все тамъ исторія его самого. Но это незримо. Читатель слышитъ одно только благоуханіе, но какія вещества перегорѣли въ груди поэта, чтобы издать его, того никто не слышитъ. И какъ онъ лелеялъ ихъ въ себѣ! Какъ вынашивалъ! Ни одинъ итальянскій поэтъ не отдѣлывалъ такъ сонетовъ своихъ, какъ обработывалъ онъ эти легкія, повидимому, мгновенныя созданія.

«Какая точность во всякомъ словѣ! Какая значительность всякаго выраженія! Какъ все округлено, окончено, замкнуто! Всѣ они точно перлы; трудно рѣшить, какая элегія лучше— словно сверкающіе зубы красавицы, которые царь Соломонъ уподобляетъ овцамъ юницамъ, только-что вышедшимъ изъ купели, всѣ онѣ какъ одна, и всѣ равно прекрасны».

Указывая, какъ чутко и вѣрно отзывался Пушкинъ на все, какъ геніально усваивалъ формы чужой жизни и типы чужихъ литературъ, Гоголь прибавляетъ: «Слышишь запахъ, цвѣтъ земли, времени, народа.' Въ Испаніи онъ испанецъ, съ грекомъ—грекъ, на Кавказѣ - вольный горецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; съ отжившимъ человѣкомъ онъ дышетъ стариной временъ минувшаго; заглянетъ къ мужику въ избу—онъ весь русскій съ головы до ногъ; всѣ черты нашей природы въ немъ отозвались и все окинуто иногда однимъ словомъ, однимъ чутко найденнымъ и мѣтко прибраннымъ прилагательнымъ именемъ. Свойство это въ немъ раз-

росталось постепенно, и оно откликнулось бы потомъ цѣликомъ на всю рускую жизнь. Мысль о романѣ, который бы повѣдалъ простую, безъискуственную повѣсть, прямо—русской жизни занимала его въ послѣднее время неотступно». Переходя затѣмъ къ оцѣнкѣ «Капитанской дочки» Пушкина, которую довольно криво понимали и толковали тогда корифеи нашей критики, Гоголь говоритъ, что это рѣшительно лучшее русское произведеніе, въ повѣствовательномъ родѣ, и сравнительно съ нею всѣ наши романы и повѣсти кажутся приторной размазней». Въ ней въ первый разъ, — продолжаетъ Гоголь,— выступили истинно русскіе характеры: простой комендантъ крѣпости, капитанша, поручикъ; сама крѣпость, съ единственной пушкой, безтолковщина времени и простое величіе простыхъ людей, все—не только сама правда, но еще какъ бы лучше ея. Такъ оно и быть должно: на то и призваніе поэта, чтобы изъ насъ же взять насъ и насъ же возвратить намъ, въ очищенномъ и лучшемъ видѣ. Все показало въ Пушкинѣ, что онъ на то былъ рожденъ и къ тому стремился».

Сводя вмѣстѣ нѣсколько разбросанныя и отрывочныя замѣчанія Гоголя, въ итогѣ получается довольно законченный образъ Пушкина, достоинство котораго несомнѣнно, особенно если принять во вниманіе, что въ то время, т. е. въ концѣ сороковыхъ годовъ, несмотря на извѣстныя, блестящія статьи Бѣлинскаго, значеніе Пушкина въ нашей литературѣ было далеко не выяснено. Въ статьѣ Гоголя о нашей поэзіи, помѣщенной имъ въ «Перепискѣ», заключаются, какъ мнѣ кажется, въ высшей степени цѣнные элементы для правильнаго пониманія и оцѣнки Пушкина. Эта задача была выполнена позднѣе, наиболѣе проницательнымъ изъ нашихъ критиковъ, Аполлономъ Григорьевымъ, указавшимъ, что въ Пушкинѣ «въ первый разъ обособилась и ясно обозначилась наша русская физіономія, истинная мѣра всѣхъ нашихъ общественныхъ, нравственныхъ художественныхъ сочувствій, полный очеркъ русской души». Гоголь, хотя и не вполнѣ ясно выразилъ, но повидимому сознавалъ, и во всякомъ случаѣ предчувствовалъ, то характер-

ное свойство нашего великаго поэта, которое было отчетливо указано Григорьевымъ, а именно, что Пушкинъ, такъ глубоко усвоившій типы чужой для насъ культуры, переживалъ ихъ, мѣрился и боролся съ ними, выходя изъ этой борьбы самимъ собой, особеннымъ и совершенно новымъ типомъ.

Гоголь полагалъ, что вліяніе Пушкина на современное общество, какъ поэта, было ничтожно, и только послѣ внезапной смерти его, «все въ государствѣ вдругъ услышало, что лишилось великаго человѣка». Въ концѣ же его поприща, когда онъ сталъ наконецъ не Байрономъ, а Пушкинымъ, общество, горячо привѣтствовавшее его молодые стихи, отъ него отвернулось. Но вліяніе его было сильно на поэтовъ. Онъ былъ для нихъ, т. е. для современниковъ Пушкина, «точно сброшенный съ неба поэтическій огонь, отъ котораго, какъ свѣчки, зажглись они». Перечисляя ихъ, Гоголь обратилъ вниманіе и на Тютчева, тогда, т. е. въ 1846 году, еще почти неизвѣстнаго и оцѣнилъ молодого поэта по двумъ-тремъ антологическимъ стихотвореніямъ. «Даже прежніе поэты, говоритъ Гоголь, стали перестраивать ладъ лиръ своихъ, и, наконецъ, самъ Жуковскій, наставникъ и учитель Пушкина, въ искусствѣ стихотворномъ, сталъ учиться у своего ученика».

Изъ поэтовъ времени Пушкина Гоголь обратилъ особое вниманіе на Языкова, какъ въ силу личныхъ дружескихъ отношеній съ нимъ, такъ и по тѣмъ ожиданіямъ, которыя на него возлагалъ. «Въ стихѣ твоемъ, писалъ онъ Языкову, есть сила и упрекающая и подъемлющая». «То и другое теперь нужно. Однихъ нужно поднять, другихъ упрекнуть. Поднять тѣхъ, которые смутились отъ страха и безчинствъ, ихъ окружающихъ; попрекнуть тѣхъ, которые, въ святые дни небеснаго гнѣва и страданій повсюдныхъ, дерзаютъ предаваться буйству позорнаго ликованія» («Переписка», т. IV, Соч. Гоголя. «Предметы для лирическаго поэта въ наши дни». Два письма къ Н. М. Языкову, стр. 72). Онъ цѣнилъ въ немъ не только мастерство языка и стиха (имя Языковъ пришлось ему не даромъ. «Владѣетъ онъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ

своимъ», писалъ Гоголь въ этой статьѣ), но и проблески библейскаго духа, которые сквозили черезъ буйство и хмѣль его первыхъ стихотвореній, названныхъ «хмѣлемъ» Пушкинымъ, пришедшимъ въ восторгъ отъ посланія Языкова къ Давыдову («Чу! труба продребезжала! Русь, тебѣ надменный зовъ»). Гоголь очень высоко ставилъ извѣстное стихотвореніе Языкова «Землетрясеніе». «Тайна твоей музы тебѣ открывается, писалъ онъ Языкову, послѣ прочтенія этого стихотворенія. Въ словахъ твоихъ къ поэту

И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины

заключаются слова тебѣ самому. Нынѣшнее время есть именно поприще для лирическаго поэта. Сатирой ничего не возьмешь; простой картинной дѣйствительности, окинутой глазомъ современнаго свѣтскаго человѣка, никого не разбудишь: богатырски задремалъ нынѣшній вѣкъ. Нѣтъ, отыщи въ минувшемъ событіе, подобное настоящему, заставь его выступить ярко и порази его въ виду всѣхъ, какъ поражено было оно гнѣвомъ Божіимъ въ свое время; бей въ прошедшемъ настоящее и въ двойную силу облечется твое слово: живѣе черезъ то выступитъ прошедшее и крикомъ закричитъ настоящее». Широкая русская натура Языкова привлекла къ нему Гоголя, который находилъ, что въ стихѣ его «много лирическаго свѣта», что онъ способенъ къ огнедышащему диѳирамбу и гимну, и что онъ скорѣе долженъ былъ зажечь свой свѣтильникъ отъ Державина, нежели отъ Пушкина, хотя послѣдній очень цѣнилъ первыя стихотворенія Языкова. Личными симпатіями Гоголя къ больному поэту (т. е. къ Языкову), а также надеждами, которыя на него возлагалъ Пушкинъ, объясняется нѣсколько преувеличенная оцѣнка лиры Языкова, въ разсматриваемой нами статьѣ. Впрочемъ, Гоголь, ставившій такъ высоко правду и искренность критики, не уклоняется отъ нея и въ отношеніи столь любезнаго ему друга-поэта. «Бѣда,—говоритъ онъ,—что хмѣль молодости и бушующихъ силъ перешелъ у него мѣру

и что самъ поэтъ загулялъ на радости отъ своего будущаго, какъ и многіе у насъ на Руси, и осталось дѣло только въ одномъ могучемъ порывѣ. Ждали чего-то необыкновеннаго отъ новаго поэта, но дѣла не дождались. Вышло еще нѣсколько стихотвореній, повторившихъ слабѣе то же самое, потомъ тяжелая болѣзнь посѣтила поэта и отразилась на его духѣ. Впрочемъ, какъ объясняетъ Гоголь далѣе,—не сама болѣзнь была причиною упадка поэзіи Языкова, обезсилило ее то, что поэтъ не хотѣлъ проникнуть въ смыслъ своей поэзіи—и въ этомъ случаѣ Гоголь не желалъ отказаться отъ своего взгляда на болѣзни и ихъ значеніе, просвѣтляющее духъ человѣка. «Полюби, говоритъ онъ, потребное и нужное душѣ съ такой же силой, съ какой ты полюбилъ прежде хмѣль юности своей, и вдругъ поднимутся твои мысли наравнѣ со стихомъ твоимъ, и раздастся огнедышащее слово».

Изъ переписки Гоголя съ Языковымъ, вообще весьма любопытной, видно, какъ усердно и настойчиво старался Гоголь вызвать религіозное настроеніе въ своемъ больномъ другѣ-поэтѣ. «Разогни,—совѣтовалъ онъ ему,—книгу Ветхаго Завѣта: ты найдешь тамъ каждое изъ нынѣшнихъ событій и увидишь яснѣе дня, въ чемъ оно переступило передъ Богомъ, и такъ очевидно изображенъ надъ нимъ совершившійся страшный судъ Божій, что встрепенется настоящее». Несмотря на всю свою привязанность къ Языкову, Гоголь съ грустью отмѣчаетъ оскудѣніе содержанія, въ послѣдовавшихъ за болѣзнью его стихахъ (за исключеніемъ «Землетрясенія»). При этомъ Гоголь едва ли правильно толкуетъ причину неоправданныхъ Языковымъ ожиданій преимущественно тѣмъ, что онъ пошелъ не своей дорогой. «Не по стопамъ Пушкина,—пишетъ Гоголь,—надлежало ему обработывать и округлять свой стихъ, не для элегіи и антологическихъ стихотвореній родился онъ» [1]).

---

[1]) Очевидно, Гоголь нѣсколько преувеличиваетъ значеніе своего друга Языкова, который, мастерски владѣя языкомъ, при несомнѣнномъ дарѣ краснорѣчія, не обладалъ настоящимъ поэтическимъ творчествомъ.

Никто не замѣтилъ въ позднѣйшихъ его стихотвореніяхъ даже необыкновенной обработки стиха,—говоритъ Гоголь,—сѣтуя на нападки критики, не щадившей больного поэта, хотя его языкъ еще болѣе окрѣпъ, но это ему же послужило въ улику,—онъ былъ на тощихъ мысляхъ и бѣдномъ содержаніи, «что панцырь богатыря на хиломъ тѣлѣ карлика».

Сравнивая Языкова съ кн. Вяземскимъ, Гоголь замѣчаетъ, что послѣдній его противоположность. Сколько въ одномъ поражаетъ нищета мыслей, столько въ другомъ обиліе ихъ. Но кн. Вяземскій не художникъ, посвятившій себя искусству, и вовсе не заботится объ этомъ,—прибавляетъ Гоголь. «Его стихотворенія—импровизаціи, хотя для такихъ импровизацій нужно имѣть слишкомъ много даровъ и хорошо приготовленную голову».

Въ своей статьѣ о русской поэзіи Гоголь останавливается и на Крыловѣ, и даетъ мастерскую его характеристику. Выбравъ себѣ незамѣтную и узкую тропу, Крыловъ шелъ по ней безъ шума, пока не переросъ другихъ, какъ крѣпкій дубъ переростаетъ всю рощу, въ началѣ его скрывавшую. Въ формѣ басни, на которую у насъ привыкли смотрѣть, какъ на старую негодную и почти дѣтскую игрушку, онъ съумѣлъ сдѣлаться народнымъ поэтомъ. По своему уму, онъ съ родни нашимъ народнымъ пословицамъ—у него крѣпкій умъ русскаго человѣка, умъ выводовъ, какъ и пословицы, онъ подводитъ итоги дѣлу—въ его басняхъ остатки уже перебродившихъ и кончившихся событій, окончательное извлеченіе силы дѣла изъ всѣхъ сторонъ его, а не изъ одной. «Всѣ великіе люди,—прибавляетъ Гоголь,—отъ Пушкина до Суворова и Петра, благоговѣли передъ нашими пословицами. «Пословица въ вѣкъ не сломится», говоритъ поговорка, свидѣтельствующая, какъ высоко цѣнитъ самъ народъ пословицы. Отъ нихъ и ведетъ свое происхожденіе Крыловъ. Его басни отнюдь не для дѣтей. Грубо ошибется тотъ, кто назоветъ его баснописцемъ въ смыслѣ Лафонтена, Дмитріева, Хемницера и друг. Его притчи—достояніе народное и составляютъ книгу мудрости самого народа».

Отъ Крылова Гоголь переходитъ къ нашей «сатирической литературѣ или поэзіи», какъ онъ выражается. У насъ у всѣхъ много ироніи, говоритъ онъ. Она видна въ нашихъ пословицахъ и пѣсняхъ, и, что всего изумительнѣе, часто тамъ, гдѣ видимо страждетъ душа и не расположена вовсе къ веселости. Глубина этой самобытной веселости еще передъ нами не разоблачилась, потому что, воспитываясь всѣми европейскими воспитаніями, мы и тутъ отдалились отъ родного корня. Затѣмъ Гоголь представляетъ характеристику двухъ нашихъ яркихъ комедій «*Недоросля*» и «*Горя отъ ума*», передъ которыми совершенно поблѣднѣли всѣ другіе опыты нашихъ писателей для сцены. Особенное свойство нашихъ комиковъ Гоголь видитъ въ томъ, что ихъ вдохновили общественныя, а не личныя причины, возставали они не противъ лицъ, а противъ уклоненія всего общества отъ прямой дороги. Общество сдѣлали они какъ бы своимъ собственнымъ тѣломъ; огнемъ негодованія лирическаго зажглась безпощадная сила ихъ насмѣшекъ. Нужно было много накопиться сору и дрязгу внутри земли нашей, чтобы явились обѣ эти комедіи почти сами-собой, въ видѣ какого-то грознаго очищенія. Вотъ почему по слѣдамъ ихъ не появлялось въ нашей литературѣ ничего подобнаго и вѣроятно долго не появится.

Свой обзоръ нашей, современной ему, поэзіи Гоголь заканчиваетъ указаніемъ, что со времени смерти Пушкина движеніе ея какъ бы остановилось, хотя это не значитъ, чтобы духъ ея угасъ. Уже явились и теперь люди не безъ талантовъ, хотя никто изъ нихъ не можетъ вырваться изъ заколдованнаго круга, имъ очертаннаго, а потому ни въ комъ изъ нихъ нѣтъ «*самоцвѣтности*», изъ нихъ никого не слѣдуетъ называть по именамъ,—говоритъ Гоголь,—за исключеніемъ Лермонтова, который сталъ впереди всѣхъ и котораго уже нѣтъ на свѣтѣ. Въ немъ слышатся признаки таланта первостепеннаго; поприще великое могло ожидать его, еслибы не какая-то несчастная звѣзда, управленіе которой ему захотѣлось признать надъ собой. Никто еще не игралъ такъ легкомысленно съ своимъ та-

лантомъ и такъ не старался показать къ нему даже какое-то хвастливое презрѣніе, какъ Лермонтовъ. Гоголь находилъ, что стихи Лермонтова не достигли самоцвѣтности, и осуждалъ въ нихъ излишества и многорѣчіе [1]). Но никто у насъ, прибавляетъ онъ, не писалъ такой правильной, прекрасной и благоуханной прозой. Тутъ видно больше углубленія въ дѣйствительность жизни—готовился будущій великій живописецъ русскаго быта... Но внезапная смерть все унесла. Слышно страшное въ судьбѣ нашихъ поэтовъ», такъ заканчиваетъ Гоголь свой обзоръ. «Какъ только кто-нибудь изъ нихъ, упустивъ изъ виду свое главное поприще и назначеніе, брался за другое или опускался въ тотъ омутъ свѣтскихъ отношеній, гдѣ не слѣдуетъ ему быть и гдѣ нѣтъ мѣста для поэта, внезапная насильственная смерть вырывала его вдругъ изъ нашей среды. Три первостепенныхъ поэта: Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, одинъ за другимъ, въ виду всѣхъ, были похищены насильственной смертью, въ теченіе одного десятилѣтія, въ порѣ самаго цвѣтущаго мужества, въ полномъ развитіи силъ своихъ—и никого это не поразило: даже не содрогнулось вѣтренное племя» [2]).

Въ заключеніе своей статьи о русской поэзіи, Гоголь ставитъ вопросъ, что она представляетъ вообще, зачѣмъ она была, чему служила и что сдѣлала для всей земли нашей. «Она была почти незнаема и невѣдома нашимъ обществомъ, которое воспитывалось другимъ воспитаніемъ, подъ вліяніемъ гувернеровъ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, подъ вліяніемъ выходцевъ изъ всѣхъ странъ, всѣхъ возможныхъ сословій, съ различными образами мыслей, правилъ и направленій. Общество наше—чего случалось еще доселѣ ни съ однимъ

---

[1]) Гоголь дѣлалъ исключеніе только для нѣкоторыхъ стихотвореній Лермонтова и очень высоко ставилъ послѣднее неоконченное произведеніе Лермонтова «Сказку для дѣтей», называя ее лучшимъ изъ его стихотвореній. А. Григорьевъ, во второй статьѣ о русской литературѣ, въ 1851 г., въ сущности, повторяетъ отзывы Гоголя о Лермонтовѣ (см. I т. его сочиненій, стр. 9 и слѣд.).

[2]) «Въ чемъ существо русской поэзіи». Соч. Гоголя, т. IV, стр. 205).

народомъ,—воспитывалось въ невѣдѣніи земли своей, посреди самой земли своей. Даже языкъ былъ позабытъ, такъ что поэзіи нашей были отрѣзаны пути и дороги къ тому, чтобы коснуться его уха. Если и пробивалась она къ обществу, то какими-то незаконными и проселочными дорогами: или счастливо написанная музыка заносила въ гостиную какое-нибудь стихотворное произведеніе, или же плодъ незрѣлой молодости поэта, ничтожное и слабое его произведеніе, но отвѣчавшее какимъ-нибудь чужеземно-вольнодумнымъ мыслямъ, занесеннымъ въ голову общества чужеземными воспитателями, бывало причиной, что общество узнавало о существованіи среди него поэта. Словомъ, поэзія наша не поучала общества, ни выражала его. Какъ бы слыша, что ея участь не для современнаго общества, неслась она все время выше общества; если же опускалась къ нему, то развѣ за тѣмъ, чтобы хлестнуть его бичемъ сатиры, а не передавать его жизнь въ образецъ потомству. Дѣло странное: предметомъ нашей поэзіи все же были мы, но мы въ ней не узнаемъ себя. Когда поэтъ показываетъ намъ наши лучшія стороны, намъ это кажется преувеличеннымъ, и мы почти готовы не вѣрить тому, что говоритъ намъ о насъ же Державинъ. Когда же выставляетъ писатель наши низкія стороны, мы опять не вѣримъ, и намъ это кажется каррикатурой. Есть точно въ томъ и другомъ какъ бы какая-то преувеличенная сила, хотя въ самомъ дѣлѣ преувеличенія нѣтъ. Причиной перваго то, что наши лирическіе поэты, владѣя тайной прозрѣвать въ зернѣ, почти непримѣтномъ для простыхъ глазъ, будущій великолѣпный плодъ его, выставляли очищеннѣе всякое свойство наше. Причиной второго то, что сатирическіе писатели наши, нося въ душѣ своей, хотя еще и не ясно, идеалъ уже лучшаго русскаго человѣка, видѣли яснѣе все дурное и низкое дѣйствительно—русскаго человѣка. Сила негодованія благороднаго давала имъ силу выставлять ярче ту же вещь, нежели какъ ее можетъ увидѣть обыкновенный человѣкъ. Вотъ отчего въ послѣднее время, сильнѣе всѣхъ прочихъ свойствъ нашихъ, развилась у насъ насмѣшливость».

«И такъ,—продолжаетъ Гоголь,—поэзія наша не выразила намъ нигдѣ русскаго человѣка вполнѣ, ни въ томъ идеалѣ, въ какомъ онъ долженъ быть, ни въ той дѣйствительности, въ какой онъ нынѣ есть. Она собрала только въ кучу безчисленные оттѣнки разнообразныхъ качествъ нашихъ; она совокупила только въ одно казнохранилище отдѣльно взятыя стороны нашей разносторонней природы. Еще только размягчена и приготовлена наша природа къ тому, чтобы принять ей принадлежащую форму». Такимъ образомъ, Гоголь думалъ, что русская литература еще только складывается, вступая въ періодъ полной самостоятельности—еще не успѣли мы,—говоритъ онъ,—вывести итоги изъ множества всякихъ элементовъ и началъ, нанесенныхъ отовсюду въ землю нашу. Въ каждомъ изъ насъ «безтолковая встрѣча чужеземнаго съ своимъ» и разумное пониманіе значенія этой встрѣчи еще не достигнуто, т. е., иначе говоря, усвоенная нами послѣ Петра западная культура еще не стала вполнѣ нашимъ національнымъ достояніемъ, и наши собственные національные идеалы еще недостаточно выяснились. «Слыша это,—говоритъ Гоголь,—поэты какъ бы заботились только о томъ,—чтобы не пропало въ этой борьбѣ лучшее изъ нашей природы. Это лучшее забирали они отовсюду, гдѣ находили, и спѣшили его выносить на свѣтъ, не заботясь о томъ, гдѣ и какъ его поставить. Такъ бѣдный хозяинъ изъ обхваченнаго пламенемъ дома старается выхватить только то, что есть въ немъ драгоцѣннѣйшаго, не заботясь о прочемъ». Такимъ образомъ, поэзія наша, по мнѣнію Гоголя, собрала много нашихъ самородныхъ началъ для того лучшаго будущаго, когда мысль о внутреннемъ построеніи человѣка изъ этихъ началъ сдѣлается у насъ наконецъ общей мыслью и когда мы ясно увидимъ, что есть въ нашихъ идеалахъ дѣйствительно нашего. «Наши собственныя сокровища станутъ намъ открываться больше и больше, по мѣрѣ того, какъ мы станемъ внимательнѣе вчитываться въ нашихъ поэтовъ. По мѣрѣ бо́льшаго и лучшаго ихъ узнанія, намъ откроются другія высшія ихъ стороны, доселѣ почти никѣмъ не замѣчаемыя:

увидимъ, что они были не одними казначеями сокровищъ нашихъ, но отчасти даже и строителями нашими, сознательно или безсознательно. Стремленіе Державина начертать образъ непреклоннаго, твердаго мужа, въ какомъ-то библейско-исполинскомъ величіи, не было стремленіемъ произвольнымъ: начала ему онъ услышалъ въ нашемъ народѣ. Широкія черты человѣка величаваго носятся и слышатся по всей русской землѣ такъ сильно, что даже чужеземцы, заглянувшіе во внутрь Россіи, имъ поражаются прежде, нежели успѣваютъ узнать нравы и обычаи земли нашей» [1]). Задачи, предстоящія нашей поэзіи, выражены въ этой статьѣ Гоголя, быть можетъ, не совсѣмъ ясно, хотя онъ глубоко и вѣрно ихъ чувствовалъ и понималъ, и ему только не удалось вполнѣ ясно и опредѣленно ихъ выразить. Любопытно сопоставить вышеизложенные взгляды Гоголя на нашу поэзію съ извѣстными статьями Аполлона Григорьева «Русская литература въ 1851 г.». Въ этихъ критическихъ статьяхъ, положившихъ начало объясненію развитія нашей литературы въ органической связи съ духовнымъ строемъ нашей народной жизни, мы нерѣдко встрѣчаемъ систематическое обобщеніе и болѣе отчетливое формулированіе мыслей, мелькавшихъ у Гоголя. И. И. Страховъ въ своихъ превосходныхъ статьяхъ, представляющихъ критическій и историческій очеркъ нашей литературы, въ оцѣнкѣ одъ Ломоносова и Державина, въ сущности, повторяетъ мнѣніе объ нихъ Гоголя (см. его брошюру *«Бѣдность нашей литературы»*, С.-Петербургъ, 1868, гл. IV «Общій ходъ нашей литературы», стр. 32 и сл.).

Говоря это, я вовсе не думаю приписывать исключительно Гоголю честь правильной оцѣнки родоначальниковъ нашей новой поэзіи, такъ какъ того же взгляда на нихъ держались и К. С. Аксаковъ, посвятившій, какъ извѣстно, Ломоносову свою магистерскую диссертацію, и А. С. Хомяковъ, написавшій мастерскую характеристику Державина, въ которой онъ

---

[1]) Здѣсь Гоголь имѣлъ въ виду извѣстную книгу Кюстина.

указалъ одностороннее къ нему отношеніе нашей самонадѣянной и самодовольной критики 30-хъ и 40-хъ годовъ (соч. А. С. Хомякова, т. I, стр. 682). Я имѣлъ въ виду только указать, что посвященная нашей поэзіи статья «Переписки» представляетъ, несомнѣнно, значительный вкладъ въ области нашей литературной критики. Она не только интересна для характеристики Гоголя, но и представляетъ немало цѣнныхъ и глубокихъ замѣчаній о духѣ и природѣ нашей поэзіи, свидѣтельствующихъ, что Гоголь вовсе не былъ тѣмъ безсознательнымъ художникомъ, какимъ его считаютъ нѣкоторые критики,—онъ много и серьезно думалъ о задачахъ художественнаго творчества, вникалъ въ его національныя особенности и основательно изучалъ произведенія Ломоносова и Державина, къ которымъ, въ его время, относились съ поверхностнымъ пренебреженіемъ наши наиболѣе вліятельные критики.

Заключеніе этой статьи Гоголя весьма замѣчательно, хотя и даетъ поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. «Нельзя служить искусству,—какъ ни прекрасно это служеніе», говоритъ Гоголь, «не уразумѣвъ его цѣли высшей и не опредѣливъ себѣ, зачѣмъ намъ дано искусство; *нельзя повторять Пушкина.* Нѣтъ, не Пушкинъ или кто другой долженъ стать теперь въ образецъ намъ, другія пришли времена». Великій русскій поэтъ будущаго долженъ воспитать себя высшимъ воспитаніемъ христіанскимъ. Другія цѣли наступаютъ для поэзіи. Какъ во время младенчества народовъ служила она тому, чтобы вызывать на битву народы, возбуждая въ нихъ браннолюбивый духъ, такъ придется ей теперь вызывать на другую, высшую битву человѣка, на битву уже не за временную нашу свободу, права и привилегіи, но за нашу душу, которую самъ небесный Творецъ нашъ считаетъ перломъ своихъ созданій. «Еще не бьетъ всей силой кверху тотъ самородный ключъ нашей поэзіи, который уже кипѣлъ и билъ въ груди нашей природы тогда, когда и самое слово поэзія не было еще ни на чьихъ устахъ. Еще никто не черпалъ изъ самой глубины тѣхъ трехъ источниковъ,

о которыхъ упомянуто въ началѣ (т. е. народныхъ пѣсенъ, пословицъ и духовной литературы). Наконецъ, самъ необыкновенный языкъ нашъ есть еще тайна», прибавляетъ Гоголь, «Въ немъ всѣ тѣни и оттѣнки, всѣ переходы звуковъ, отъ самыхъ твердыхъ до самыхъ нѣжныхъ и мягкихъ; онъ безпредѣленъ и можетъ живой, какъ жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая съ одной стороны высокія слова изъ языка церковнославянскаго, а съ другой—выбирая на выборъ мѣткія названія изъ безчисленныхъ своихъ нарѣчій, разсыпанныхъ по нашимъ провинціямъ, достигнуть высоты, богатства и ощутительной осязательности, недоступной никакому другому языку. Языкъ нашъ самъ по себѣ поэтъ, продолжаетъ Гоголь, и не даромъ былъ онъ на время позабытъ нашимъ лучшимъ обществомъ. Нужно было, чтобы выболтали мы на чужеземныхъ нарѣчіяхъ всю дрянь, какая къ намъ ни пристала вмѣстѣ съ чужеземнымъ образованіемъ, чтобы всѣ неясные звуки, неточныя названія вещей,—дѣти мыслей невыяснившихся и сбивчивыхъ, которыя потемняютъ языкъ,—не посмѣли помрачить младенческой ясности нашего языка и возвратились бы мы къ нему уже готовые мыслить и жить своимъ умомъ, а не чужеземнымъ. Все это еще орудія, еще матеріалы, еще глыбы, еще въ рудѣ дорогіе металлы, изъ которыхъ выкуется иная, сильнѣйшая рѣчь. Пройдетъ эта рѣчь уже насквозь всю душу и не упадетъ на безплодную почву. Скорбью Ангела загорится наша поэзія и, ударивши по всѣмъ струнамъ, какія ни есть въ русскомъ человѣкѣ, внесетъ въ самыя огрубѣлыя души святыню того, чего никакія силы и орудія не могутъ утвердить въ человѣкѣ; вызовемъ намъ нашу Россію,—нашу русскую Россію, не ту, которую показываютъ намъ грубо какіе-нибудь квасные патріоты и не ту, которую вызываютъ намъ изъ-за моря очужеземившіеся русскіе.

Вслѣдствіе укоренившейся склонности перетолковывать Гоголя и полемизировать съ нимъ, вмѣсто того, чтобы изучать его и вдумываться во внутренній смыслъ, иногда неудачно выраженныхъ имъ мыслей, что сознавалъ и самъ Гоголь, жаловав-

шійся неоднократно, въ своихъ письмахъ къ друзьямъ и знакомымъ, на неумѣніе опредѣлительно изъясняться [1]), это заключеніе статьи дало поводъ къ самымъ превратнымъ толкованіямъ. Гоголя обвинили въ отрицаніи искусства, въ дикомъ стремленіи замѣнить свободное художественное творчество какими-то душеполезными словоупражненіями [2]).

Отзывъ Гоголя о Пушкинѣ, что послѣдняго нельзя брать въ образецъ, ибо пришли другія времена, также далъ поводъ къ недоразумѣніямъ, вслѣдствіе того, что его разсматривали отдѣльно, забывая, что вообще говорилъ Гоголь о Пушкинѣ. Въ желаніи умалить значеніе Пушкина Гоголя упрекнуть едва-ли возможно.

Разногласіе, собственно говоря, можетъ возникнуть, по вопросу о томъ, исчерпываетъ ли поэзія Пушкина все содержаніе нашей народной поэзіи.

Дѣйствительно, на первый взглядъ представляется страннымъ, какъ могъ Гоголь, такъ высоко ставившій Пушкина, сказать, что наступаетъ время, когда его уже нельзя будетъ брать за образецъ. Но вѣдь тутъ же указано, почему благоговѣйно чтившій своего учителя и друга Гоголь пришелъ къ такому заключенію—*потому что нельзя повторять Пушкина*. Такимъ образомъ, здѣсь поднятъ Гоголемъ спорный вопросъ о томъ, исчерпываетъ ли поэзія Пушкина все содержаніе нашей духовной жизни и можетъ ли наше художественное творчество выйти изъ круга, очерченнаго для него Пушкинымъ. Одинъ изъ знатоковъ нашей новой литературы Аполлонъ Гри-

---

[1]) Указанія на это встрѣчаются, какъ въ письмахъ Гоголя къ Аксакову и Шевыреву, до и послѣ изданія «Переписки», такъ и въ письмѣ П. В. Анненкову, въ августѣ 1847 г. изъ Остенде.

[2]) В. П. Боткинъ, наиболѣе снисходительный, изъ кружка Бѣлинскаго, въ отношеніи «Переписки», извѣщая П. В. Анненкова, что «наши славяне» (т. е. московскіе славянофилы) приняли холодно книгу Гоголя прибавляетъ: «сѣмена бѣлены посѣяны въ немъ ими же». («*П. В. Анненковъ и его друзья*», стр. 533).

горьевъ утверждалъ, что въ поэзіи Пушкина всѣ стихіи русской души и всѣ зачатки нашего будущаго, въ области изящнаго слова. Гоголь же держался нѣсколько другаго мнѣнія и полагалъ, что самородный ключъ нашей поэзіи еще не забилъ всей своей силой къ верху, что три обильные источника, указанные имъ въ началѣ статьи, не были еще затронуты въ самой глубинѣ своей и что въ этомъ отношеніи нашей поэзіи предстоитъ еще выступить изъ Пушкинскаго цикла.

Стараясь проникнуть мыслью въ будущее и мечтая о предстоящемъ подъемѣ духа нашей поэзіи, когда она «загорится скорбью ангела» и ударитъ по всѣмъ струнамъ русскаго человѣка, Гоголь предугадывалъ новые богатые родники поэзіи и мысли въ нѣдрахъ нашей народной жизни, въ пѣсняхъ народныхъ и церковныхъ, въ пословицахъ и канонахъ, они представлялись ему еще неисчерпанными источниками, ожидающими полнаго расцвѣта нашей народной поэзіи. «Еще загадка необъяснимый разгулъ нашихъ пѣсенъ,—писалъ онъ,—несущихся куда-то мимо жизни и самой пѣсни, какъ бы сгорая желаніемъ лучшей отчизны, по которой тоскуетъ со дня созданія своего человѣкъ. Еще не отразилась вполнѣ въ нашихъ художественныхъ произведеніяхъ многосторонняя полнота народнаго ума, заключенная въ нашихъ пословицахъ, умѣвшая сдѣлать такіе великіе выводы изъ бѣднаго, ничтожнаго своего времени, гдѣ въ тѣсныхъ предѣлахъ такой мутной лужи изворачивался русскій человѣкъ».

Я готовъ согласиться, что Гоголь ошибался во времени. Лучшія произведенія нашего художественнаго творчества, послѣдовавшія за появленіемъ его статьи о нашей поэзіи, были развитіемъ Пушкина, разработкой содержанія намѣченнаго имъ цикла и всякое отклоненіе отъ него носило признаки упадка. Но будетъ ли такъ всегда? Покойный К. Н. Леонтьевъ, въ своемъ критическомъ этюдѣ о романахъ Л. Н. Толстаго выразилъ мнѣніе, что содержаніе литературной школы, созданной Пушкинымъ, исчерпано двумя послѣдними романами Толстаго, т. е. «Войною и миромъ» и «Анною Карениной». Имъ же отмѣ-

чено новое вѣяніе и новая манера, въ мелкихъ народныхъ разсказахъ Толстаго, оцѣнка достоинства которыхъ не мало терпитъ отъ суемудрія ихъ содержанія. Въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Л. Н. Толстаго, какъ совершенно вѣрно указалъ Леонтьевъ, надо различить его моральную проповѣдь отъ новой его манеры или стиля этихъ разсказовъ, художественное достоинство которыхъ велико и несомнѣнно. Вполнѣ осуждая его несчастную попытку исправлять христіанство, замѣняя потребность личной вѣры обязанностями изобрѣтенной имъ практической этики, нельзя не признать художественное достоинство такихъ его разсказовъ, какъ: «Свѣчка», «Три старца», «Чѣмъ люди живы», независимо отъ ихъ содержанія. «Важно, говоритъ К. Н. Леонтьевъ, что самому геніальному изъ нашихъ реалистовъ, еще въ полной силѣ дарованія, (т. е. вслѣдъ за «Анной Карениной») наскучили и опротивѣли многіе привычные пріемы той самой школы, которой онъ такъ долго былъ главнымъ представителемъ» [1]).

Другой нашъ писатель, сходный по своей оригинальности съ Толстымъ, хотя и неизмѣримо ему уступающій по величинѣ, качеству и силѣ таланта,—Лѣсковъ въ своемъ разсказѣ «Запечатлѣнный ангелъ», а также другихъ, заимствованныхъ имъ изъ Пролога, обнаружилъ очевидное стремленіе выступить изъ установленнаго доселѣ круга нашей литературной школы и притомъ въ направленіи къ тѣмъ источникамъ, которые указаны въ статьѣ Гоголя о нашей поэзіи.

Такимъ образомъ, заключающія статью Гоголя мечты о нашей поэзіи будущаго едва-ли можно признать исключительно игрой больной фантазіи, бредомъ его мистическаго экстаза — они не лишены глубокаго смысла, какъ и все, что говорилъ и писалъ онъ по части художественнаго творчества вообще и нашего русскаго въ особенности.

---

[1]) «Русск. Вѣстникъ» за 1890 г. № 6, стр. 249 и 250.

Существуетъ мнѣніе, и притомъ не лишенное основанія, что изданіе въ свѣтъ «Переписки» служило признакомъ скораго окончанія втораго тома «Мертвыхъ душъ». Мы знаемъ, что самъ Гоголь, вслѣдъ за отсылкой тетрадей своихъ писемъ, для печати Плетневу, высказывался въ томъ смыслѣ, что онъ теперь «вызрѣлъ» для продолженія своего труда и что наступаетъ уже для него возможность возобновленія въ новомъ и улучшенномъ видѣ уничтоженной имъ незадолго передъ этимъ (лѣтомъ 45 года) рукописи втораго тома. Процессъ внутренняго духовнаго воспитанія заканчивался, и Гоголь, употребляя его любимое выраженіе, *уже точилъ свое перо* для продолженія своего творенія, къ которому онъ долго готовился, видя въ немъ подвигъ своей жизни.

Озлобленіе и раздраженіе, совершенно неожиданно для автора вызванныя его книгой, какъ это намъ достовѣрно извѣстно, глубоко потрясли, едва оправившагося отъ болѣзни и въ высшей степени впечатлительнаго, писателя. Стараясь крѣпиться и бодриться, чтобы сохранить хладнокровіе, онъ весь изнемогъ и, какъ писалъ С. Т. Аксакову, сердце его разбито, а дѣятельность у него отнялась. «Можно еще вести брань съ самыми ожесточенными врагами, но храни Богъ всякаго отъ страшной битвы съ друзьями. Другъ мой,— заключаетъ Гоголь это свое письмо,— тяжело очутиться въ этомъ вихрѣ недоразумѣній. Вижу, что мнѣ нужно надолго отказаться отъ пера, во всѣхъ отношеніяхъ и отъ всего удалиться». Даже преодолѣвъ первыя, тяжелыя впечатлѣнія погрома своей книги и претерпѣвшись къ огорчавшему его разрыву прежнихъ дружескихъ отношеній съ московскими пріятелями [1]), именно въ сентябрѣ 1847 года, Гоголь писалъ О. Матвѣю: «разсудокъ мой говоритъ мнѣ не выдавать ничего въ свѣтъ въ продолженіе долгаго времени, покуда не созрѣю лучше самъ *внутренно* и *душевно*» [2]).

---

[1]) Эти отношенія возстановились только послѣ возвращенія Гоголя въ Россію.

[2]) Соч. и Письма, т. VI, стр. 425.

Духовное настроеніе, которое воспиталъ въ себѣ Гоголь путемъ долгаго, самоуглубленія, помогло ему перенести постигшія его испытанія; онъ сталъ благодушно относиться къ истязаніямъ, причиняемымъ ему не только литературными врагами, но и друзьями, хотя онъ несомнѣнно былъ сильно потрясенъ всей этой *сокрушительной для него исторіей* [1]). Объ этомъ свидѣтельствуютъ горькія и краснорѣчивыя, по своей задушевной правдѣ, признанія его «*Авторской исповѣди*».

До изданія «Переписки» ходъ его произведенія, т. е. «Мертвыхъ душъ», замедлялся процессомъ его «*внутренняго строенія*», до завершенія котораго, какъ онъ объяснялъ неоднократно, въ своихъ интимныхъ письмахъ къ близкимъ, художественное творчество его не могло двигаться впередъ. Послѣ отправленія рукописи «Переписки» въ печать, Гоголь думалъ, что онъ уже состроился и сталъ какъ бы новымъ человѣкомъ, таковъ смыслъ многихъ его писемъ въ то время. Такъ онъ писалъ, въ ноябрѣ 1846 года изъ Неаполя Жуковскому, «что душа его глядитъ свѣтло впередъ» [2]).

Проводя конецъ 1846 года на югѣ Италіи, именно въ Неаполѣ, Гоголь чувствовалъ себя бодрымъ душевно и физически, и дѣятельно работалъ надъ вторымъ томомъ «Мертвыхъ душъ», считая себя готовымъ для продолженія этого труда, который возродился въ его головѣ, какъ фениксъ, изъ пепла сожженной имъ рукописи первой редакціи. Правда, онъ въ это время помышлялъ болѣе, чѣмъ когда-либо, о поѣздкѣ въ Іерусалимъ, чтобы поклониться колыбели христіанства и помолиться на мѣстахъ, освященныхъ стопами нашего Божественнаго Учителя. Впрочемъ, какъ это видно изъ писемъ Гоголя къ матери, изъ Неаполя, въ январѣ 1847 г., т. е. прежде чѣмъ онъ ознако-

---

[1]) Соч. и Письма Гоголя, т. VI, стр. 293. О такомъ настроеніи Гоголя свидѣтельствуютъ также его письма изъ Неаполя, въ декабрѣ того же года, Плетневу и Шевыреву.

[2]) Письмо къ П. В. Анненкову изъ Остенде, отъ 12 августа 1847 г.

VIII.

При самомъ тщательномъ розыскѣ въ книгѣ Гоголя вовсе не оказывается тѣхъ позорныхъ страницъ, о которыхъ такъ долго и настойчиво твердила наша критика,—она глумилась, злословя автора, но отнюдь не вникла въ содержаніе и въ смыслъ его книги. Кривые и дѣтскіе толки, вызванные «*Перепиской*» Гоголя, привели въ негодованіе Апол. Григорьева, который въ своемъ «*Обозрѣніи русской литературы за 1851 годъ*», какъ я уже сказалъ, справедливо назвалъ ихъ «*вѣчнымъ стыдомъ русской критики*». Представленный мною, довольно подробный очеркъ «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями», мнѣ кажется, достаточно разъясняетъ дѣло. Прискорбно видѣть, что кривые толки объ этой легкомысленно оклеветанной книги, терзавшіе ея автора при жизни, по старой памяти, безъ надлежащей провѣрки, находятъ до сихъ поръ отголоски въ нашей печати.

Въ заключеніе моей статьи мнѣ остается коснуться не лишеннаго значенія и интереса вопроса, какое вліяніе на автора «Переписки» произвела воздвигнутая противъ него брань и какъ она отразилась на его литературной дѣятельности. Имѣющіеся по этому предмету факты до сихъ поръ освѣщались и толковались крайне тенденціозно, причемъ, съ цѣлью затемнить правду, былъ пущенъ въ ходъ цѣлый рядъ басенъ, относительно послѣднихъ лѣтъ жизни Гоголя, покрывшихъ туманомъ то, что достовѣрно извѣстно. Пока не снимется это облако, вводящее въ заблужденіе многихъ интересующихся личностью Гоголя и сбивающее съ толка довѣрчивую публику, намъ не дождаться настоящей біографіи, достойной имени нашего великаго писателя.

Достовѣрно извѣстно, что, послѣ выхода «*Переписки*», Гоголь при жизни ничего новаго въ свѣтъ не издавалъ, а совершенно оконченную и состоявшую изъ одиннадцати главъ, также

какъ и первая, вторую часть «Мертвыхъ душъ», за нѣсколько дней передъ кончиной сжегъ. Отчего это произошло? Одни полагаютъ, что Гоголь уже исчерпалъ все содержаніе своего поэтическаго творчества въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ, особенно же въ первой части «Мертвыхъ душъ», что онъ, великій художникъ формъ, сгорѣлъ отъ безсильнаго желанія вложить въ одну изъ нихъ живую душу [1]), что авторъ изнемогъ въ непосильномъ для него стремленіи подняться въ болѣе высокія области и изобразить намъ людей добродѣтельныхъ и свѣтлыхъ представителей несмѣтнаго богатства русскаго духа [2]), что онъ, принявшись за созданіе лицъ, которыя были внѣ его средствъ, снѣдаемый желаніемъ непремѣнно создать и представить идеалъ и насилуя ради этой цѣли свой талантъ, неизбѣжно обрекъ его на безплодіе [3]). Другіе же, болѣе смѣлые и рѣшительные толкователи вышеприведенныхъ фактовъ, объясняютъ ихъ просто упадкомъ таланта, вызваннаго разстройствомъ организма и аскетическимъ настроеніемъ; художественное творчество Гоголя-де изсякло, и онъ, страдая душевной болѣзнью, въ припадкѣ безумія сжегъ свою рукопись.

Такимъ образомъ болѣе или менѣе искусно обходится очевидная связь между перерывомъ въ литературной дѣятельности Гоголя и уничтоженіемъ имъ второй части «Мертвыхъ душъ» съ одной стороны и отношеніями нашего общества и критики къ его книгѣ—съ другой. Между тѣмъ всѣ изучавшіе и изучающіе Гоголя (Кулишъ, Анненковъ, Тихонравовъ, Веселовскій) признаютъ несомнѣнное и весьма тѣсное соотношеніе между «Перепиской» и второй частью поэмы Гоголя.

---

[1]) Это мнѣніе недавно высказано писателемъ повидимому свободнымъ отъ шаблоннаго доктринерства, В. В. Розановымъ, см. «Русскій Вѣстникъ» за 1891 г. № 1.

[2]) Н. Н. Страховъ.—«Бѣдность нашей литературы».

[3]) Писемскій въ критической статьѣ по поводу «Сочиненій Гоголя, найденныхъ послѣ его смерти», т. е. отрывковъ изъ второй части «Мертвыхъ душъ» (см. Соч. А. Ѳ. Писемскаго (изд. Стеловскаго) т. II, стр. 273).

мился съ впечатлѣніями, произведенными его книгой, онъ предполагалъ ѣхать туда за тѣмъ, чтобы имѣть право возвратиться въ Россію и начать наконецъ свою истинную службу отечеству, къ которой такъ долго готовился, съ духомъ, просвѣтленнымъ путешествіемъ. Въ письмѣ къ матери, отъ 25 января того же года, онъ рѣшительно заявляетъ, что ему нельзя ѣхать въ Іерусалимъ, не окончивъ своего сочиненія, т. е. «Мертвыхъ душъ», и потому онъ едва-ли туда поѣдетъ ранѣе начала будущаго 48 года. Первымъ ударомъ, постигшимъ Гоголя, въ январѣ 1847 г., было извѣстіе о смерти его друга, поэта Языкова [1]), вслѣдъ затѣмъ стали приходить первыя извѣстія о выходѣ въ свѣтъ его книги. 30 января того же года, Гоголь писалъ изъ Неаполя Смирновой: «По дѣламъ моимъ произошла совершенная безтолковщина. Изъ книги моей напечатана только одна треть..... Другъ мой, прошу васъ молитесь, чтобы Богъ послалъ необходимое спокойствіе въ мою душу, которое теперь слишкомъ трудно будетъ сохранить мнѣ, потому что недуги приступили ко мнѣ вновь. Безсонница продолжается уже около мѣсяца, извѣстіе о смерти Языкова, съ которымъ я жилъ душа въ душу, наконецъ извѣстіе о бѣдѣ, постигшей мою книгу, все это изнурило меня. Другъ мой, молитесь обо мнѣ, да Господь подастъ мнѣ силы и укрѣпитъ меня» [2]).

Ожиданіе предстоявшихъ ему испытаній не обмануло Гоголя, на котораго не замедлилъ обрушиться цѣлый потокъ жестокихъ и оскорбительныхъ упрековъ, жолчнаго злословія и порицаній, ядовитой клеветы. Въ этой пенстовой облавѣ—что особенно удручало Гоголя—приняли самое дѣятельное участіе близкіе ему люди, московскіе его друзья и почитатели, ради исправленія заблуднаго, по ихъ мнѣнію, писателя-художника. Весна и лѣто 47 года прошли тяжело и тревожно для Гоголя, упреки, которымъ онъ подвергся, привели его сначала въ уны-

---

[1]) Языковъ умеръ 26 декабря 1846 г., но извѣстіе объ его смерти дошло до Гоголя только въ началѣ слѣдующаго года.

[2]) Соч. и Письма, т. VI, стр. 336.

ніе и глубокую скорбь, которую онъ выразилъ въ своей «Авторской исповѣди». «Всѣ согласны,—писалъ онъ, въ этой запискѣ, изданной послѣ его смерти,—что еще ни одна книга не производила столько разнообразныхъ толковъ, какъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». «И—что всего замѣчательнѣе, чего не случилось, можетъ быть, доселѣ еще ни въ какой литературѣ—предметомъ толковъ и критики стала не книга, а самъ авторъ. Подозрительно и недовѣрчиво разобрано было всякое слово, и всякъ наперерывъ спѣшилъ объявить источникъ, изъ котораго оно произошло. Надъ живымъ еще тѣломъ живущаго человѣка производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ холодный потъ даже и того, кто обладаетъ крѣпкимъ сложеніемъ. Какъ однакоже ни были потрясающи и обидны для человѣка благороднаго и честнаго многія заключенія и выводы, но скрѣпясь, сколько достало небольшихъ силъ моихъ, я рѣшился стерпѣть все и воспользоваться этимъ случаемъ, какъ указаніемъ свыше—разсмотрѣть построже самого себя». (т. IV, стр. 241).

Интимныя письма Гоголя, какъ напечатанныя г. Кулишомъ, такъ и обнародованныя въ позднѣйшее время, вполнѣ подтверждаютъ сердечную искренность этого стона боли, вырвавшагося у истерзаннаго писателя. Впрочемъ, Гоголь хотя и изнемогъ, но не надолго упалъ духомъ подъ ударами разразившейся надъ нимъ бури и язвительныхъ укоровъ, отнесясь къ постигшему его пораженію съ мудростью и смиреніемъ христіанина, находя пользу и назиданіе для души даже въ самыхъ оскорбительныхъ выходкахъ своихъ критиковъ. Но его удручало и приводило въ смущеніе то, что книга, которою онъ думалъ внести въ наше общественное сознаніе зародышъ всеобщаго примиренія, а не раздора — вызвала такое огульное раздраженіе и озлобленіе.

Впечатлѣніе, произведенное на Гоголя печатной и рукописной критикой его «Переписки», также превратно толкуется и искажается, какъ и все касающееся его личности и дѣятельности, въ послѣдовавшій, за изданіемъ книги, періодъ его жиз-

ни. Нѣкоторые біографы и критики даже утверждаютъ, что будто бы самъ Гоголь устыдился позорныхъ страницъ ея и проводимыхъ въ ней взглядовъ, подтверждая это нелѣпое заключеніе даже натянутыми выписками изъ его собственныхъ писемъ. Такое толкованіе писемъ, плодъ самаго грубаго ихъ непониманія, однако, требуетъ разъясненія. Ретивые обличители Гоголя, и въ числѣ ихъ О. О. Миллеръ, кромѣ того доказывали, что нравственное пораженіе, нанесенное Гоголю его критиками, имѣло на него самое благотворное дѣйствіе, оно-де озарило передъ нимъ всю глубину его мерзости, и слѣдствіемъ ихъ было то, «что лучшая, свѣтлая сторона поэта окончательно выступила наружу». Удивительное по своей размашистости заключеніе и странная похвала!

На дѣлѣ же, по справкѣ съ письмами Гоголя, оказывается, что онъ никогда не отказывался отъ мыслей и идей, высказанныхъ имъ въ «Перепискѣ», стыдился же онъ впослѣдствіи не ихъ, а того, *какъ они были высказаны*. Въ высшей степени взыскательный къ себѣ, Гоголь осуждалъ впослѣдствіи то, что отвелъ слишкомъ много мѣста, въ своей книгѣ, вознѣ съ самимъ собой и заслонилъ своей личностью самое дѣло, что сбиваетъ и путаетъ читателя и кажется ему чудовищной гордостью въ книгѣ, авторъ которой взялся учить смиренію. Онъ раскаявался, что выступилъ съ своимъ поученіемъ передъ обществомъ, не достигнувъ подобающей для того «*мѣры возраста духовнаго*» и высоты безстрастія, притомъ, самочинно, по собственному произволенію, полагаясь на свои силы и не будучи на то призванъ. По ученію нашей церкви, человѣкъ можетъ творить благое не самъ о себѣ, а о Христѣ, въ чемъ и заключается основаніе истиннаго христіанскаго смиренія. Высоко чтимые Гоголемъ церковные пастыри наши [1]), нови-

---

[1]) Высокопреосв. Иннокентій, арх херсонскій, и Ржевскій священ. о. Матвѣй, какъ это можно заключить изъ отвѣтныхъ писемъ Гоголя. Письмо къ Иннокентію напечатано въ харьковскомъ журналѣ «Духовн. Вѣстникъ», за 1861 г. № 7, а письмо къ о. Матвѣю въ изд. соч. Гоголя Кулиша.

димому, указали ему на это и, подъ вліяніемъ ихъ указаній, онъ писалъ Жуковскому «что размахнулся въ своей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣетъ духа и заглянуть въ нее». Если лица духовныя, съ церковной точки зрѣнія, могли упрекнуть Гоголя въ духовной гордости, то этого нельзя сказать про его свѣтскихъ критиковъ, которые также обвиняли его въ страшной гордости и вмѣстѣ съ тѣмъ въ позорномъ униженіи человѣческаго достоинства. Разсужденія Бѣлинскаго и О. Миллера на эту тему обнаруживаютъ, что они мѣрили нравственное настроеніе Гоголя не подходящей къ нему мѣрой:—*самомнѣніе—наряженное въ самоуниженіе*, въ которомъ послѣдній упрекаетъ Гоголя не болѣе, какъ фраза, лишенная содержанія и смысла.

Среди лѣта 1847 года Гоголь, повидимому, оправился отъ потрясенія, причиненнаго ему озлобленной критикой его книги. «Онъ пришелъ», какъ писалъ Смирновой, «въ положеніе человѣка, могущаго все слышать о себѣ хладнокровно, и даже совѣтовалъ ей не возмущаться печатными противъ него статьями».

Письмо изъ Остенде, отъ 28 августа 1847 года, къ С. Т. Аксакову уже написано совсѣмъ спокойнымъ тономъ. «Книга моя — говоритъ Гоголь въ этомъ письмѣ, — есть законный и правильный ходъ моего образованія внутренняго, нужнаго мнѣ для того, чтобы стать писателемъ, не мелкимъ и пустымъ, но почувствовавшимъ святость и своего званія, какъ и всѣхъ другихъ званій, которыя всѣ должны быть святы. Выразилось все это запосчиво и получило торжественный тонъ отъ мысли приближенія къ такой великой минутѣ, какова смерть. А дьяволъ, который надмеваетъ каждаго изъ насъ *самоувѣренностью*, раздулъ до чудовищности кое-какія мѣста. Невоздержаніе заставило меня издать мою книгу. Видя, что я еще не скоро совладаю съ моими «Мертвыми душами» и скорбя истинно о безхарактерности направленія и совершенной анархіи въ литературѣ, проводящей время въ пустыхъ спорахъ, я поспѣшилъ заговорить о тѣхъ вопросахъ, которые меня занимали и

которые готовился развить или создать въ живыхъ образахъ и лицахъ. *Опрометчивая*, а по вашему несчастная книга вышла въ свѣтъ» [1]).

Господствующее у насъ мнѣніе, ради вящшаго униженія книги Гоголя, въ которой будто бы заключаются плевелы мракобѣсія и самаго затхлаго вѣянія въ нашей литературѣ (самодовольное смиреніе и плутовство рабства), утверждаетъ, что самъ Гоголь стыдился высказанныхъ имъ мыслей въ «Перепискѣ», которая, по словамъ Аксакова, покрыла его, т. е. Гоголя, позоромъ. Тургеневъ, описывая свое свиданіе съ Гоголемъ, въ Москвѣ 1851 г., говоритъ, «что Гоголь, хотя и зналъ объ его отношеніяхъ къ Бѣлинскому, но не заикнулся о послѣднемъ». Это имя, прибавляетъ Тургеневъ, «обожгло бы его губы». Въ недавно опубликованныхъ, весьма любопытныхъ письмахъ Гоголя къ Анненкову содержится весьма вѣское и достаточно убѣдительное опроверженіе такого предположенія. «Я получилъ, писалъ Гоголь Анненкову изъ Остенде, отъ 12 августа 1847 г., письмо отъ Бѣлинскаго, [2]) которое огорчило меня не столько оскорбительными словами, устремленными лично на меня, сколько чувствомъ ожесточенія вообще. Послѣднее сокрушительно для его здоровья. Вы теперь при немъ; отводите отъ него все возмущающее духъ его. Убѣдите его прежде всего въ той непреложной истинѣ, что излишество теперь удѣлъ всѣхъ, кто только сколько-нибудь имѣетъ сердце не безчувственное къ дѣламъ міра, какой-нибудь характеръ и какое-нибудь убѣжденіе. Всѣ переливаютъ черезъ край, потому что никто не спокоенъ. Я, болѣе другихъ спокойный и хладнокровный, впалъ въ излишества болѣе другихъ: писавши мои «Письма», я былъ истинно убѣжденъ въ той мысли, что всѣ званія и должности могутъ быть освящены человѣкомъ и что чѣмъ выше мѣсто, тѣмъ оно должно быть святѣе; я хотѣлъ разсмотрѣть всѣ мѣста и званія, въ ихъ чистомъ источникѣ, а

---

[1]) Соч. и Письма, т. VI, стр. 420.

[2]) Т. е. извѣстное обличительное письмо, изъ Зальцбруна, напечатанное въ „Полярной Звѣздѣ“ Герцена.

не въ томъ видѣ, въ какомъ они являются, вслѣдствіе злоупотребленія человѣческихъ; я началъ съ высшихъ должностей; я хотѣлъ напомнить человѣку о всей святости его обязанностей, а выразился такъ, что слова мои приняли за куреніе человѣку. Не увлекись я духомъ излишества, который раздуваетъ теперь всѣхъ насъ, я бы выразился, можетъ быть, такъ, что со мною во многомъ бы согласились тѣ, которые теперь меня оспариваютъ во всемъ, хотя чувствую, что и тогда видна была бы моя односторонность». Далѣе, въ томъ же письмѣ, Гоголь писалъ, что ни раздраженія, ни фанатизма въ немъ нѣтъ, и что онъ не можетъ держать ничьей стороны, потому что вездѣ видитъ частицу правды и много всякихъ преувеличеній и лжи, и при этомъ прибавляетъ, что здоровье его, которое начало было поправляться и возстановляться, потряслось *«сокрушительной исторіей»* по поводу его книги [1]). Въ другомъ письмѣ къ тому же Анненкову, почему-то усмотрѣвшему выраженіе отчаянія, въ выше приведенномъ письмѣ, Гоголь объясняетъ, «что онъ ошибся, принявъ голосъ изнеможенія и нѣкоторой скорби, которая должна была слышаться въ его первомъ письмѣ, за нѣчто похожее на отчаяніе. Гоголь сознается, что ему тяжело было получить множество писемъ, ударившихъ вдругъ по самымъ чувствительнымъ струнамъ его души, увидѣть вихорь недоразумѣній, обуявшій всѣхъ и многихъ вовсе сбившій съ толку, услышать упреки такіе, которыми онъ бы не имѣлъ духа попрекнуть наипрезрѣннѣйшаго человѣка [2]). Ему особенно больно было то, что такое грубое непониманіе его души обнаружили тѣ, кто самъ имѣлъ добрую и нѣжную душу. Клевета не смущаетъ меня,—говоритъ онъ далѣе,—хотя бы мое имя дошло оклеветаннымъ до потомства и осталось въ такомъ видѣ до конца міра, потому что я увѣренъ, что судить меня будетъ Тотъ, Кто повелѣлъ быть міру и намъ, вѣдаетъ мысли наши въ ихъ полнотѣ, не сбиваясь темнотой

---

[1]) „П. В. Анненковъ, его друзья и переписка". С.-Петербургъ 1892 г., стр. 501.

[2]) Тамъ же, стр. 504.

выраженій нашихъ и неумѣніемъ нашимъ опредѣлительно изъясняться.

При такого рода взглядѣ на жизнь—а Гоголь дѣйствительно его держался—онъ не могъ впасть въ отчаяніе, но у него явились серьезныя сомнѣнія, въ своемъ призваніи писателя. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что призваніе писателя, также какъ и художника, заключается въ томъ, чтобы приносить людямъ миръ и успокоеніе, и сокрушался, видя, что его произведенія, по крайней мѣрѣ тѣ, которымъ онъ придавалъ наиболѣе значенія, вызывали страсти и какое-то ожесточеніе въ современномъ ему русскомъ обществѣ. Онъ никакъ не ожидалъ, что такое впечатлѣніе произведетъ его «Переписка», и когда убѣдился въ томъ, то усомнился въ своемъ призваніи, и это сомнѣніе залегло неизлѣчимой раной въ его сердцѣ. Въ немъ даже возникло серьезное желаніе снова поступить на государственную службу, но потребность художественнаго творчества была такъ сильна, что онъ не могъ отъ него отказаться и продолжалъ, послѣ нѣкотораго перерыва свои «Мертвыя души», надѣясь озарить третью и послѣднюю часть своей поэмы чудными звуками успокоенія, звучащими молитвой къ Богу, составляющими по его опредѣленію свойство великихъ созданій искусства, и потрясти величавымъ громомъ другихъ рѣчей, на который онъ намекалъ въ извѣстной седьмой главѣ первой части «Мертвыхъ душъ».

Во всей полнотѣ художественное творчество Гоголя должно было выразиться въ третьей и послѣдней части его произведенія, въ которой и долженъ былъ раскрыться смыслъ всей поэмы, просвѣщеніе свѣтомъ духовной жизни мертвыхъ душъ, погрязшихъ въ грязи житейской пошлости и тинѣ грубо животной жизни.

Не надо забывать, что послѣднее крупное произведеніе Гоголя, въ повѣствовательной формѣ, имъ самимъ напечатанное (т. е. «Мертвыя души», первая часть) было написано, когда ему было съ небольшимъ тридцать лѣтъ, что отъ второй части—которую готовилъ къ печати умершій сорока двухъ лѣтъ Гоголь, до насъ дошли лишь жалкіе обрывки и прито

воначальной редакціи, имъ самимъ сожженной, въ 1845 году, съ нѣкоторыми только позднѣйшими вставками. Не надо забывать также того, что Гоголь многократно и не безъ основанія заявлялъ, въ разговорахъ и письмахъ къ лицамъ ему близкимъ, что первая часть «Мертвыхъ душъ» не болѣе, какъ грязное крыльцо къ созидаемому имъ произведенію. Между тѣмъ нѣкоторые и притомъ серьезные писатели, какъ напр. В. В. Розановъ, утверждаютъ, что Гоголь, «великій художникъ формъ, сгорѣлъ отъ безсильнаго желанія вложить хотя въ одну изъ нихъ какую-нибудь живую душу». Геніальный художникъ,— говоритъ этотъ новѣйшій критикъ Гоголя,—всю свою жизнь изображавшій человѣка, не могъ изобразить его души. И онъ сказалъ намъ, что души нѣтъ, и, рисуя мертвыя фигуры, дѣлалъ это съ такимъ искусствомъ, что мы въ самомъ дѣлѣ, на нѣсколько десятилѣтій повѣрили, что было цѣлое поколѣніе ходячихъ мертвецовъ, и мы возненавидѣли это поколѣніе. Далѣе В. В. Розановъ объясняетъ, что Гоголь, виновникъ такого обмана, понесъ за него кару. Онъ умеръ, оставивъ намъ, въ концѣ своей странной и необыкновенной жизни, образъ аскета, жгущаго свои сочиненія. «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ», какъ будто слышатся эти слова изъ-за треска камина, въ который геніальный безумецъ бросаетъ свою геніальную и преступную клевету на человѣческую природу» [1]).

Эта столь краснорѣчивая, но еще болѣе невѣрная оцѣнка Гоголя основывается на весьма распространенной баснѣ,—она была пущена въ ходъ, вслѣдъ за смертью Гоголя въ Москвѣ и даже изображена на нелѣпой литографіи, представлявшей автора «Мертвыхъ душъ» въ припадкѣ безумія бросающимъ свою рукопись въ каминъ.

Писатели, изучавшіе Гоголя (напр. Тихонравовъ, Веселовскій), уже рѣшительно отказались отъ этой легенды или сплетни, такъ какъ предположеніе о сумасшествіи Гоголя въ послѣдніе годы или дни его жизни рѣшительно не выдерживаетъ

---

[1]) «Русск. Вѣстникъ» 1891 г., № 1, стр 247 и 248.

*

критики. Гораздо легче доказать напр. то, что Гоголь страдалъ безуміемъ, въ теченіе всего своего литературнаго поприща, чѣмъ въ послѣднее время жизни. Въ подтвержденіе перваго можно сослаться на извѣстную теорію Ламброзо, доказывающаго, что всѣ геніальные люди были болѣе или менѣе сумасшедшіе, а Гоголь къ тому же страдалъ нервными припадками, которые особенно его мучили въ началѣ сороковыхъ годовъ, тогда какъ послѣдніе годы жизни, т. е. послѣ возвращенія въ Россію, онъ былъ гораздо спокойнѣе..

Сожженіе Гоголемъ, за нѣсколько дней до смерти, совершенно готовой для печати рукописи втораго тома «Мертвыхъ душъ» фактъ столь же достовѣрный, какъ и глубоко прискорбный. Онъ весьма различно комментируется. Н. В. Бергъ, въ своихъ «*Воспоминаніяхъ о Гоголѣ*» [1]), служа отголоскомъ мнѣній московскихъ литературныхъ кружковъ, къ которымъ онъ принадлежалъ, ставитъ слѣдующую дилемму, выражающую господствующія у насъ до сихъ поръ на этотъ счетъ мнѣнія. Проснувшійся, въ умиравшемъ больномъ, художникъ сказалъ, несмотря на льстивыя увѣренія недальновидныхъ друзей: нѣтъ, это не то, что нужно, задача не выполнена, сожги! Или: это была минута умственнаго разстройства. Я,—говоритъ Н. В. Бергъ,—готовъ стоять за первое.

Безуміе Гоголя, какъ причина сожженія рукописи,—басня, уже отвергнутая наиболѣе компетентными знатоками Гоголя; повторять ее можно только мало зная біографію Гоголя или вообще считая его за сумасшедшаго. Никакихъ признаковъ, свидѣтельствующихъ о внезапномъ душевномъ разстройствѣ, въ послѣднее время жизни автора «Мертвыхъ душъ» никѣмъ изъ близко его знавшихъ не установлено.

Уничтоженіе рукописи вслѣдствіе горькаго сознанія своего безсилія облечь въ художественную форму, нужную и полезную для русскаго общества проповѣдь, упадокъ таланта или неспособность писателя прозрачно отразить жизнь въ ея выс-

---

[1]) «Русская Старина», за 1872 г. № 1.

шемъ достоинствѣ, въ какомъ она должна и можетъ быть на землѣ и въ какомъ она покуда, въ немногихъ избранныхъ натурахъ—это мнѣніе, принимаемое большинствомъ нашихъ серьезныхъ писателей о Гоголѣ съ различными варіаціями, несомнѣнно представляется болѣе основательнымъ. Но и оно далеко не представляетъ рѣшенія, требуя тщательной провѣрки. Это мнѣніе было высказано С. Т. Аксаковымъ, тотчасъ же послѣ смерти Гоголя, въ его письмѣ къ сыновьямъ, отъ 23 февраля 1852 г. Это письмо, напечатанное П. М. Павловымъ, въ изданной имъ рукописи С. Т. Аксакова, подъ заглавіемъ «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», предназначалось исключительно для однихъ сыновей, хотя содержаніе его или, вѣрнѣе, мысли, въ немъ высказанныя, огласились тогда же и во всякомъ случаѣ гораздо ранѣе опубликованія самого письма. Оно представляется весьма загадочнымъ и совершенно непонятно безъ тѣхъ комментаріевъ, которые могли представить только тѣ, кому было адресовано это письмо. Оно написано тономъ какого-то раздраженія, точно авторъ въ чемъ-то тяготящемъ его оправдывается передъ сыновьями и самимъ собою; это письмо весьма напоминаетъ другое его же, Аксакова, Гоголю по поводу присылки «Подражанія Христу», о которомъ я говорилъ выше [1]), и находится въ явномъ противорѣчіи съ отзывами о второй части «Мертвыхъ душъ» въ другихъ письмахъ С. Т. Аксакова, въ которыхъ весьма обстоятельно передается впечатлѣніе чтенія первыхъ глазъ втораго тома «Мертвыхъ душъ». Когда Гоголь въ августѣ 1849 г., пріѣхавъ изъ Калуги, прочелъ Аксаковымъ первыя главы, они пришли въ совершенный восторгъ. С. Т. Аксаковъ писалъ Гоголю, «что талантъ его не только живъ, но и созрѣлъ. Онъ сталъ глубже и яснѣе, что я вамъ сказалъ сейчасъ же послѣ чтенія». Это было не первое минутное впечатлѣніе, послѣ чтенія. Когда, въ январѣ 1850 г., Гоголь вторично прочелъ первую главу, на этотъ разъ въ присутствіи пріѣхавшаго

---

[1]) См. стр. 47 и 48 настоящей книги.

изъ Ярославля И. С. Аксакова, то послѣдній, даже вернувшись къ мѣсту службы, послѣ этого чтенія, до такой степени былъ увлеченъ высокимъ, художественнымъ достоинствомъ слышанной имъ главы, что написалъ отцу: «Какъ вы провели ночь послѣ чтенія Гоголя и моего отъѣзда. Спасибо Гоголю! Все читанное имъ выступало передо мною отдѣльными частями, во всей своей могучей красотѣ. Еслибы я имѣлъ больше претензій, я бы бросилъ писать: до такой степени превосходства дошелъ онъ, что всѣ другіе передъ нимъ пигмеи». Черезъ нѣсколько дней, въ письмѣ отъ 12 января, возвращаясь снова къ восхитившей его первой главѣ втораго тома «Мертвыхъ душъ», онъ писалъ отцу—«что все въ ней такъ глубоко, могуче и огромно, что духъ захватываетъ». Въ концѣ января того же года, послѣ чтенія Гоголемъ уже второй главы, С. Т. Аксаковъ писалъ ему (Ивану Сергѣевичу) въ Ярославль: «Что тебѣ сказать? Скажу одно: вторая глава несравненно выше и глубже первой. Раза три я не могъ удержать слезъ. Разсказывать содержаніе даже какъ-то совѣстно, потому что въ голомъ разсказѣ анекдота ничего не передается. Такого высокаго искусства—показать въ человѣкѣ пошломъ высокую человѣческую сторону—нигдѣ нельзя найти, кромѣ Гомера. Такъ раскрывается духовная внутренность человѣка, что для всякаго изъ насъ, способнаго что-нибудь чувствовать, открывается собственная своя духовная внутренность. Теперь только убѣдился я вполнѣ, что Гоголь можетъ выполнить свою задачу, о которой такъ самонадѣянно и дерзко, повидимому, говоритъ въ первомъ томѣ. Я сказалъ Гоголю, и повторю тебѣ, теперь остается для насъ только одно: молиться Богу, чтобы Онъ далъ ему здоровья и силъ окончательно обработать и напечатать свое высокое твореніе. Что-за образы, что-за картины природы безъ малѣйшей картинности! Гоголю хотѣлось прочесть третью главу, но у него не достало силъ. Да много должно сгорѣть жизни въ горнилѣ, изъ котораго истекаетъ такое чистое золото» [1]). Послѣ та-

[1]) «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», ч. II, стр. 272—273.

кой оцѣнки первыхъ двухъ главъ второй части «Мертвыхъ душъ», совершенно непонятными представляются слѣдующія слова письма къ сыновьямъ. «Правда, я предавался надеждѣ, услышавъ первыя главы «Мертвыхъ душъ» II тома, но съ какимъ-то страхомъ и даже подшпоривая себя. При томъ вѣдь это было написано *прежде* и только воспроизведено или, можетъ быть, только повторено даже въ слабѣйшемъ видѣ. Нельзя исповѣдывать двѣ религіи безнаказанно. Тщетна мысль совмѣстить и примирить ихъ. Христіанство сейчасъ задастъ такую задачу художеству, которую оно выполнить не можетъ, и сосудъ лопнетъ». Это тѣмъ болѣе странно, что Смирнова, Л. И. Арнольди, С. С. Шевыревъ и нѣкоторыя другія лица, которымъ Гоголь читалъ первыя главы II тома, вынесли впечатлѣніе высокаго художественнаго достоинства прочитанныхъ авторомъ главъ [1]).

Мнѣ кажется, что въ такихъ противорѣчіяхъ хотя и трудно разобраться, но слѣдуетъ прійти къ заключенію, что всѣ эти объясненія причины уничтоженія Гоголемъ его завѣтной рукописи, съ которой онъ не разставался послѣдніе годы, до момента сожженія ея въ каминѣ дома Талызина, на Тверской нѣсколько натянуты.

Мнѣ кажется, что пора, откинувъ вышеуказанныя толкованія, нѣсколько серьезнѣе вникнуть въ несомнѣнную связь между «Перепиской» и вторымъ томомъ «Мертвыхъ душъ». Впечатлѣніе, произведенное книгой Гоголя, т. е. «Перепиской съ друзьями», болѣе чѣмъ вѣроятно, не осталось безъ вліянія на роковое рѣшеніе автора уничтожить плодъ своей многолѣтней работы.

Вдумываясь въ настроеніе Гоголя, изслѣдуя послѣднее по его письмамъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ придти къ слѣдующему

---

[1]) И. С. Аксаковъ, какъ это мнѣ лично извѣстно, и впослѣдствіи считалъ первыя главы II т. въ той редакціи, которую онѣ получили въ 1850 году и которая не дошла до насъ, въ доселѣ извѣстныхъ варіантахъ, — высокимъ созданіемъ искусства.

заключенію. Какъ это достовѣрно извѣстно, за недѣлю до кончины, Гоголь сказалъ А. П. Толстому: я скоро умру, свези эту тетрадь митрополиту Филарету, проси его прочесть и потомъ, согласно его замѣчаніямъ, напечатай. Гр. Толстой изъ излишней деликатности отказался взять рукопись, чтобы не дать понять больному другу о безнадежности его положенія. Чувствуя приближеніе смерти и видя, что ему уже не суждено раскрыть во всей полнотѣ и въ живыхъ образахъ свои понятія о жизни въ ея высшемъ достоинствѣ - третья часть, въ которой долженъ былъ раздаться торжественный гимнъ небесной красотѣ духовной природы человѣка, существовала только въ головѣ, или въ немногихъ черновыхъ и первоначальныхъ набросках. Гоголь задумался о судьбѣ своего произведенія. Его мысленному взору, устремленному въ *горнія* и селенія праведныхъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій, но жизнь безконечная, живо представилось то ожесточеніе и возбужденіе, которое встрѣтило его, мною разобранную, книгу. Вторая часть «Мертвыхъ душъ» служила выраженіемъ того же настроенія духа и тѣхъ же мыслей, и душа умирающаго писателя, жаждавшая мира и успокоенія, содрогнулась отъ мысли о новой брани и возбужденія литературныхъ и партійныхъ страстей, которыя ожидали его послѣднее произведеніе. Это и рѣшило судьбу рукописи. Такое объясненіе дѣла едва-ли не проще и не ближе къ истинѣ, чѣмъ мною выше изложенныя. Когда у насъ перестанутъ полемизировать и обличать Гоголя, а станутъ пристально и спокойно его изучать, такое объясненіе загадочнаго факта послѣднихъ дней жизни великаго писателя можетъ быть получитъ мѣсто въ исторіи нашей литературы.

2

3 2044 018 688 432

THE B CHARGED
AN O IS
NOT
OR B
BEL
NO
BO

C

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
DEC 15 1995

WIDENER
CANCELLED
2002 APR 12 2002